

Епископ Митрофан
(Баданин)

МОЙ XX ВЕК.
О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ
Биографические очерки

Издательство "Ладан"
Санкт-Петербург – Мурманск

2019

Епископ Митрофан (Баданин). Мой XX век. О прожитом и пережитом. Санкт Петербург – Мурманск: Изд. Ладан, 2019. – 144 с.: ил.

Книга «Мой XX век. О прожитом и пережитом» епископа (ныне митрополита) Митрофана (Баданина), правящего архиерея Североморской епархии, представляет собой его биографические очерки периода с 1953 по 2000 годы.

Автор подводит итог важному этапу своей жизни, начиная от первых воспоминаний детства 50-х годов XX века, и далее через опыт своей офицерской службы раскрывает различные периоды существования Советского государства, отразившиеся в тех или иных эпизодах жизни автора.

Стремясь с уважением относиться к истории своей Родины, какой бы она ни была, автор отдает должное как великому и достойному, так и смешному, и трагическому, что отличало жизнь «страны советов» в прошедшем XX веке.

Книга адресована читателю, еще не познавшему мир христианской веры, но ищущему ответы на главные вопросы человеческого бытия.

ISBN 978-5-8698304-6-3

© Епископ Митрофан (Баданин), 2019

*Моим современникам, всем,
кто родом из XX века, посвящается*

ОТ АВТОРА

История России XX века уникальна. Что-то невероятное произошло с нашей страной в прошлом веке. Ни одно государство в мире не переживало такого столетия в своей истории. Это век, в котором несколько раз радикально менялись целые эпохи, образ поведения, цели жизни, духовный настрой... Во всем мире практически всегда все двигалось достаточно плавно и менялось постепенно.

Так что уникальное время прошедший XX век. Мысленно возвращаясь в годы юности, в советский период жизни, я вновь и вновь удивляюсь тому, как величайшую страну мира угораздило втянуться в такую невероятную историю и позволить испытать на себе столь масштабный и безжалостный социальный эксперимент.

Тем не менее, это моя юность и моя жизнь. И это судьба моих предков, и другой у них уже не будет. Великие нации созидаются великими испытаниями. И в этом смысле все, пережитое нашим народом в XX веке, – это бесценное сокровище духовного опыта, которое не может не принести достойного плода: будущего величайшего взлета России.

У каждого когда-то наступает время воспоминаний, приходит потребность поделиться тем, что было прожито и пережито. При этом, искушаясь такими писательскими позывами, всегда важно учитывать, что памятные и значимые для человека события жизни порой являются тако-

выми лишь только для него самого и не слишком-то интересны тем, кто возьмется читать его мемуары.

Учитывая это, автор, говоря о серьезных вещах и проблемах непростого XX века, старался не впадать в нравоучения и пессимизм и прибегал временами к целительной силе юмора и иронии. Дабы не показаться читателю занудным, воспоминания эти были ограничены лишь теми немногими эпизодами долгой жизни автора, которые почему-то особенно запомнились, явив собой плод «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».¹

Так что, обращаясь к неведомому читателю, вновь повторяю за великим поэтом:

«Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных...»

И кто знает, быть может, эта попытка соединить великое и трагическое, веселое и серьезное – единственная реальная возможность рассказать о судьбе нашего народа в XX веке.

Очень надеюсь, что эта попытка придется читателю по душе.

Даты и СМЫСЛЫ

Я родился 27 мая 1953 года в г. Ленинграде, о чем, собственно, можно было и не вспоминать, если бы не одно обстоятельство. Именно в этот день городу Петра Великого на Неве исполнилось 250 лет. Но об этом тогда никто даже и не заикнулся. Надо понимать, что прошло всего два месяца после смерти Сталина – «вождя всех времен и народов», и страна все еще была в трауре. Но дело было даже не в этом. В те времена речь могла идти лишь о «городе Ленина» – при чем тут Петр Первый и юбилей его славных дел?..

Если сейчас задуматься, то возникает недоумение – впрочем, одно из очень многих подобных, – какое отношение Ленин имел к Петербургу? Почему вдруг Ленинград? Он в нем и не жил. Родился на Волге, приехал в столицу в конце XIX века, побыл два года, да и удрал за границу, где с удовольствием проживал то в Женеве, то в Лондоне... Появился ради революции 1905 года и вновь исчез за границей. Появился в 1917 году,

¹ А.С. Пушкин, «Евгений Онегин».

приехав из Финляндии, да через год перебрался вместе со всем большевистским правительством в Москву, где вскоре почил. Правда, так и не упокоился, как положено всякому нормальному человеку, и доселе лежит непогребенным. Какая страшная участь, не приведи кому Господь.

Так вот, чтобы воздать должное действительно достойным деятелям российской истории, пришлось ждать 50 лет. И наконец, 27 мая 2003 года Санкт-Петербург небывало широко отметил свое 300-летие – юбилей моего родного города. В те дни мне звонили родные и знакомые и дружно шутили: «В городе небывалые гуляния по случаю твоего пятидесятилетия! На фоне празднования 300-летия Санкт-Петербурга».

Конечно, я очень привязан к моему городу. С раннего детства я вдыхал воздух невских набережных, где гулял под присмотром деревенских девушек-нянечек. Кстати, в те времена иметь нянечку, или, иначе, «домработницу», было вовсе не диковинное дело. Деревенские девушки всеми силами старались перебраться в крупные города из сознательно разоряемых российских деревень. В те годы было принято постановление об упразднении 40 тысяч «неперспективных» сел и деревень России. Единственная возможность закрепиться в городе – это получить регистрацию по адресу проживания, устроившись «нянечкой» за жилье и еду. А потом, если повезет, выйти замуж.

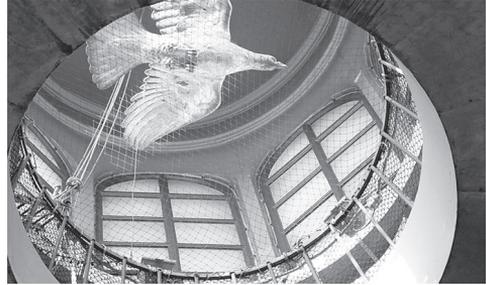
Эти нянечки были чудесные деревенские девушки, чистые и скромные. И не только дети, но все домочадцы к ним очень привязывались и в дальнейшем долго еще сохраняли добрые, родственные отношения.

Родная Галерная улица, Конногвардейский бульвар, Манеж, Медный всадник и, конечно же, любимый Исаакиевский собор – вот маршруты моих детских прогулок. Мне тогда было пять лет, и я с няней ходил в Исаакиевский собор смотреть на маятник Фуко. Все ставили спичечные коробки, а кто мог, то и пачку «Беломора», и терпеливо ждали, когда маятник их собьет. Это доказывало народным массам, что земля вертится.

Бабушка любила повторять, что первую электрификацию Исаакиевского собора провел ее отец, мой прадед Степан, со своей бригадой электриков. За этот масштабный труд Степан Никитич в 1909 году был награжден от Святейшего Синода золотыми часами с боем. Эти часы, как и многое иное ценное и памятное, позже пропало в Ленинградскую блокаду. Еще она говорила, что отец особо беспокоился о подсветке двухметровой фигуры голубя, которая тогда была подвешена под самым куполом.

Демонстрация маятника Фуко. Народные массы убеждаются, что земля вертится. Фото 1950-х годов

Голубь на стометровой высоте под куполом Исаакиевского собора

Этого громадного серебристо-белого голубя мы все видели лежащим внизу, как музейный экспонат. Его сняли с высоты в 30-е годы, чтобы повесить маятник Фуко. Изначально же, по замыслу строителей, этот голубь, поднятый на стометровую высоту, должен был казаться реальным живым голубком, залетевшим в храм и парящим под самым куполом. Теплые потоки воздуха от свечей и пар от дыхания тысяч людей, уходящие под купол, вызывали дрожание воздуха и иллюзию трепета голубиных крыльев.

Когда в 1976 году лейтенантом я уезжал из Ленинграда служить на Северный флот, у меня не было и тени сомнения в том, что вскоре я вернусь в родные места. Но вот уже пошел пятый десяток лет моей жизни на Крайнем Севере.

Так что я в полной мере прочувствовал горький смысл известной поговорки: «Если ты хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах».

Формирование характера

Это одно из самых ранних моих воспоминаний. Мне было около четырех лет. Летом 1957 года я жил на даче в Зеленогорске, что под Ленинградом, с сестрой моей бабушки – тетей Аней.

Признаюсь, я был весьма непоседлив и любознателен и, конечно же, порывался уйти за территорию нашего дачного участка, что мне категорически запрещалось. Бабушка, естественно, дрожащая над таким сокровищем, доверенным ей в отсутствие моих родных, всячески стремилась меня дисциплинировать. За непослушание она грозила, что оставит меня одного, а сама уедет от меня на электричке. Я на это ей смело воз-

Автор на даче в Зеленогорске,
1957 год

ражал, что тогда я поеду с ней. Она же парировала, что закроет меня в доме на ключ.

Помню, меня это серьезно озадачило, но я сразу подумал, что тогда надо будет вылезать через окно. Внимательно осмотревшись в доме, я выяснил, где хранится молоток. Молоток лежал на полке, и я успокоился.

Вечером я опять сделал что-то не так, и бабушка сказала, что ей это надоело, и она оставляет меня одного. И ушла. Я подбежал к двери – она оказалась заперта. Я понял, что вот оно – началось! Настало время действовать! Как потом выяснилось, дверь бабушка просто плотно прикрыла «на тряпку», а на улицу вышла поискать где-то оброненные очки.

Тем временем я действовал по заранее разработанному плану. Встав на табуретку, я достал молоток, после чего, приставив ту же табуретку к окну, начал молотком бить оконные стекла. Можно представить весь ужас бабушки, увидевшей доверенное ей сокровище с молотком в руках, собирающееся вылезать сквозь битые стекла оконных рам.

Утром все окна дачи были очень быстро застеклены, и в дальнейшем пугать меня бабушка Аня больше не решалась.

Дачная жизнь

Это был хрущевский период искоренения сталинского наследия и «возвращения к ленинским принципам». Потому в отношении дач, построенных для летнего отдыха сотрудников института, существовало неукоснительное правило: дважды в одной даче жить категорически запрещалось. Это делалось для того, чтобы у советского человека не формировалось частнособственническое мировоззрение.

Когда в 1959 году произошло невиданное, и руководящему составу и ведущим сотрудникам института разрешили начать строительство своих дачных домиков, то все эти дачи должны были быть строго одинаковыми, по одному единственному утвержденному проекту. Никаких исключений быть не могло, равно как категорически запрещалось хоть как-то огораживать свой участок.

Наша дача, построенная по строго типовому проекту, 1960 год

Не только дачные строения, но и люди в стране должны были быть по «типовому проекту». На фото специальная ложка для детей, которая продавалась в аптеках и предназначалась для переучивания «левши» в «правшу». Если ребенок брал ее в левую руку, то она оказывалась перевернутой

Помню, у нас возникла проблема: старинный дубовый стол никак не влезал на дачную веранду. Когда же мой дед, заслуженный и ведущий архитектор, обратился «наверх» с просьбой разрешить на полметра (!) увеличить веранду, то ему объяснили, что это «политическая близорукость», и они не могут потакать «буржуазной идеологии».

Однако из многих сотен одинаковых дачных домиков один все же радикально отличался своими внушительными размерами и оригинальным проектом. Это была дача директора крупного универмага. Этот факт «буржуазной диверсии» со стороны «советской торговли» никого не удивлял, и его принимали как данность, ибо, как известно, «мафия бессмертна».

Выходные на курорте

Выходным днем в те годы был лишь один день – воскресенье. Суббота была полным рабочим днем, и потому большинство сотрудников институтов и иных учреждений, которым были положены на лето служебные дачи, прибывали на свой выходной день в субботу вечером или в воскресенье утренней электричкой. Естественно, это был цвет общества, ответственные и руководящие работники.

В то памятное время 50-х годов еще сохранялся особый дух послевоенной эпохи Сталина, который позже был напрочь «вытравлен» хрущевским правлением, да и брежневским «застоем». Во всем чувствовалась солидность и основательность.

Городок Зеленогорск, где я в дошкольные годы проводил лето, был центром курортной зоны Ленинграда, но даже представить себе было

Курортная зона в 1950-х годах

невозможно, чтобы кто-то появился на улице в шортах, майке, не говоря о пляжных шлепанцах. Тут же раздался бы свисток, и нарушитель был бы препровожден очень красивым милиционером в белоснежном кителе и фуражке в пункт охраны общественного порядка.

Именно в это время закономерно появился притягательный образ милиционера Дяди Степы – как символ торжествующей справедливости и общественного порядка. Все дети заучивали:

- В отделение хотите?
 - Что вы! Что вы! Не хочу!
 - Деньги в кассу заплатите!
 - Сколько нужно? Заплачу!
- Постовой Степан Степанов
Был грозой для хулиганов ...

Следует признать, что появление подобного образа милиционера в детской книжке очень показательно, и трудно представить нечто подобное во все последующие годы советской власти. Да и по сей день отношение общества к милиции-полиции далеко от той искренней симпатии, которую детвора питала в то время к упомянутому герою.

«Белоснежные» милиционеры того времени

К этим годам позднесталинской эпохи очевидным образом вполне сложилась система строгого расслоения общества. Очень суровыми репрессивными мерами «в революционных головах был наведен порядок», и никто больше не считал, что всего всем положено поровну. Вспоминать задорные лозунги типа «отнять и поделить» никто не рисковал. Каждый гражданин СССР имел тот уровень достатка, что был ему положен по его общественному статусу и занимаемой должности. Все права и льготы были строжайше расписаны – подробнее, пожалуй, чем в знаменитом Петровском Табеле о рангах.

Вспоминаю случай, подслушанный мною из «взрослых разговоров». В каком-то учреждении начальнику было предписано в свое время подавать чай с бутербродом. В то же время его заму подавался чай, но без бутерброда. Когда была введена должность старшего заместителя, возникло затруднение, как отметить это его «старшинство». В результате был издан приказ подавать ему тоже чай, но с салфеткой.

В том же духе упомянутого Табеля, в свое время предписывавшего «каждому иметь экипаж и ливрею, соответствующие своему чину», публика носила костюмы или форменные ведомственные кителя, женщины стремились одеваться с большим вкусом и элегантностью. В ходу были шляпы и зонтики от солнца. В пляжной зоне и в парках мужчинам при-

Дамы 1950-х годов

лично было гулять в пижамах, шляпах и часто с тростью. Женщинам также положено было быть в шляпах и халатах (в основном, китайских). Не было вульгарности и распоясавшегося хамства «гопоты», того, что сейчас стало обыденностью. Везде чувствовались власть и порядок.

Церемония на перроне

Кто-то может подумать, что наша семья была из «высших слоев» и необычайно обеспеченной. Пожалуй, нет – просто все домашние много работали, при этом быт наш был весьма скромным.

Для меня ярким воспоминанием из того моего пятилетнего возраста была церемония встречи субботней вечерней электрички, прибывающей в Зеленогорск из Ленинграда. Тетя Аня с домработницей наряжали меня в лучшие костюмчики, прихорашивались сами, и мы выстраивались на перроне. И вот появлялся мой дед – ведущий архитектор со знаком лауреата Сталинской премии на лацкане пиджака, с ним его обаятельная супруга, моя бабушка, далее мой отец, морской офицер-подводник, капитан 3 ранга, и моя мама, яркая и искрометная красавица. Меня все целовали, обнимали, и все мы, молодые, красивые и счастливые, шествовали по перрону, обмениваясь приветствиями и комплиментами с многочисленными знакомыми.

Правда, бывало, я несколько, подпорчивал эту идеальную картину. Я был крайне непоседлив и все время кого-то изображал. Чаще всего самых разных животных из любимой книжки. Хорошо, если объектом моего подражания оказывались медвежонок или зайчик. Хуже бывало, если на «торжественной встрече» я оказывался в образе представителя отряда приматов. Помню большой конфуз и проваленную церемонию встречи на перроне, когда свою радость от приезда родных я изобразил от лица орангутана. Люди на перроне оглядывались и, сочувственно кивая, говорили: «Посмотрите, какое несчастье, такая красивая семья и такая беда – ненормальный ребенок».

Дома мне весьма доходчиво объяснили, как должны себя вести нормальные дети, которые не хотят позорить родителей. А мама посоветовала поглядывать в зеркало, прежде чем выносить свои творческие эксперименты на суд зрителей. Я пошел в комнату и, изобразив орангутана перед зеркалом, быстро разлюбил этот образ.

Дама с зонтиком

Отголоски той сталинской «имперской» жизни я еще некоторое время наблюдал в окружении нашей семьи. Помню, как-то к нашей даче подъехал автомобиль «Победа», из него вышел шофер, открыл дверцу и появилась очень благородная дама. Бабушка побежала приветствовать гостью, всячески выказывая ей свое уважение. Как мне пояснили позже, это была бабушкина подруга по дореволюционной «женской гимназии ведомства Императрицы Марии Федоровны», а ныне вдова одного очень важного человека. После кончины мужа ей был предоставлен «полный пансион», машина с шофером и личный повар.

Помню, я очень внимательно наблюдал за ней. Она будто бы была из дореволюционной жизни. Увидев, что я стою с велосипедом, она поинтересовалась, куда я собираюсь ехать. Я ответил, что поеду с друзьями на пруд, загорать. «Загорать? А зачем?» – искренне удивилась она, глядя на меня и укрываясь от солнца своим кружевным зонтиком. Я как-то даже сначала замешкался, но все же нашелся: «Так красивее!» Она покачала головой: «Это заблуждение, молодой человек, – мне было 10 лет, – загар искажает подлинную красоту человеческого тела. Это вульгарная, искусственно привнесенная мода нашего времени. Что может быть удивитель-

Развитие идеи либерализма в западном искусстве. Скульптурная композиция «Родитель №1 и родитель №2». Италия, аэропорт Мальпенса (Милан)

нее и прекраснее натурального цвета человеческой кожи! Бело-розовое совершенство нашего тела...»

Признаюсь, я временами вспоминал этот разговор. Он стал для меня важным уроком. Ведь речь здесь шла не столько о моде на загар, сколько о сопротивлении общепризнанным стереотипам. О распознании, о развенчании навязанного извне. О способности разглядеть за чем-то, ставшим привычным и вроде бы узаконенным, – некую духовную провокацию, диверсию. Часто в подобных повседневных мелких переменах скрывается тревожный процесс деградации человека. Выхолащивается подлинная, глубокая культура, нравственные законы, которые сопровождали человека на протяжении его истории.

Так, например, с революционными переменами XX века ушла традиция русских семей обращаться к родителям на «вы». Обращения «Вы, мама» и «Вы, папа» были обязательным элементом семейных взаимоотношений,

свидетельствующим о непререкаемом авторитете родителей. Так, например, в нашей семье мы еще обращались «на Вы» к бабушке и бабушке, а к родителям уже, увы, нет...

Явным образом уходит культура из общественной жизни, все чаще торжествует невоспитанность.

Или, например, окончательно утвердилась привычка громко разговаривать в общественном месте. Особенно по сотовому телефону, несколько при этом не смущаясь присутствующих людей, навязывая всем свою беседу и какие-то свои никому не нужные проблемы. Тут же и представительницы «слабого пола», смело шагающие по улице с дымящейся сигаретой в зубах, что в прежние годы вызвало бы активное неприятие в обществе в сочетании с нелицеприятными эпитетами.

Или же новая типично американская манера хохотать, так при этом широко раскрывая рот, что видно, чем человек позавтракал. Да и вообще, никто сейчас и не думает прикрывать рот, например, зевая, кашляя или

вообще при общении, что было неперенным признаком и важным элементом народной культуры. Как и любое иное отверстие в теле, рот является интимным местом, и это всегда учитывали наши предки. Увы, примеров, свидетельствующих об угасании исторически сложившейся культуры поведения человека, великое множество. Мы видим, как человек деградирует. Недаром говорили древние: *«Одежда и ослабление зубов, и походка человека показывают свойства его»* (Сир.19,27).

Из того же «западного» угара 90-х годов пришло пренебрежение к нашей исконной российской традиции обращаться по «имени-отчеству». Все эти американские «Биллы», «Джоны» и прочие «Бобы» потеснили нашу русскую культуру, и теперь даже Глава государства и иные первые лица страны у дикторов СМИ стали лишаться уважительного наименования по «имени-отчеству».

«Африканские страсти»

«Да как же Вы смели требовать африканской страсти, коли у вас ни гроша за душой!» – возмущалась известная героиня комедии А.Н. Островского¹. В наше время это категоричное требование «африканских страстей» активно одолевает общество не только при недостатке денег, но и, что много страшнее, при полном отсутствии любви. Интересует лишь сам процесс спаривания, те самые «простые движения», воспетые в известном бесстыжем шлягере нимфеток группы «Тату». И причем требуется это как можно скорее.

«Африканские страсти»

Как следствие этой пошлости чувств – еще одна беда одолела общественный вкус. Почему-то удивительное северное благородство и очарование наших русских голубоглазых красавиц с роскошными косами и скромной застенчивостью оказалось напрочь вытесненным и задавленным какими-то латино-негритянскими образами потных «мачо» в майках и таких же «красоток», трясущими напоказ своими прелестями, с призывом к немедленному совокуплению.

¹ А.Н. Островский. Последняя жертва.

И дело не только в том, что эта абсолютно чуждая нам культура взаимоотношений между мужчиной и женщиной низводит всю широчайшую гамму интимных отношений к уровню спариваний кроликов, известных рекордсменов в скорости этого процесса. За всем этим пагубным увлечением стоит большая проблема утраты нашей исторической традиции подлинной глубины и ярчайших оттенков переживаний, свойственной нашему русскому северному менталитету.

Думаю, стоит прислушаться к бесспорному знатоку этой интимной сферы, гениальному Александру Сергеевичу. Поэт честно признавался в своем однозначно пренебрежительном отношении к такому «африканскому» типу поведения:

«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит мир последних содроганий!»

Пушкин принципиально пренебрежительно относится, «не дорожит» таким сумбурным, торопливым и, как он это называет, «мятежным наслаждением». Он ясно видит сильнейшую притягательность для мужчины и его «мучительное счастье» совсем другой манеры поведения, со скромностью, с застенчивой стыдливостью, со всяческим бережением чувств. Поэт предлагает нам беречь русскую культуру любовных отношений и дорожить нашим национальным достоянием. Поэт прославляет удивительное очарование русских северных красавиц и подлинное богатство переживаний, что дарит влюбленным наша традиция взаимоотношений:

«О, как милее ты, смиренница моя!
О, как **мучительно тобою счастлив** я,
Когда, склоняясь на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!»

Русская красавица

Так выглядит женская красота в современном западном искусстве. Скульптура в аэропорте Мальпенса, Милан, Италия

Не секрет, что в России тысячелетняя культура страны была сознательно подвергнута разрушительному воздействию революционной стихии. Мудрость народной морали и нравственности подвергли прямому остракизму и травле со стороны новых властей. Необходимость любви в отношениях между мужчиной и женщиной решительно упразднена, и эта столь драгоценная и возвышенная сторона человеческой жизни низводилась к механическому удовлетворению сексуальных потребностей.

Удовлетворение «половых нужд», по мысли творцов новой морали, не нуждается в каких-то «условностях» типа семьи или ответственности за рождение детей и должно было производиться так же просто, как утоление жажды. Эти революционные порывы вскоре оформились в знаменитую теорию «стакана воды», что, собственно, не удивительно, поскольку логично вытекает из теоретических выкладок основоположников марксизма. Согласно утверждениям Ф. Энгельса, уход за детьми и их воспитание – это сугубо общественное дело, и в связи с этим семья должна просто отмереть¹.

Позже, по мере выветривания угара большевистского радикализма, государство вновь стало заботиться о воспитании людей, привитии культуры и манер поведения, пытаясь восстановить вековые традиции народа.

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Собр. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса. Изд. 2. Т. 21. С. 28–178.

Утраты

Не думаю, что этот разговор о множестве утрат, поразивших культуру нашего народа, обусловлен «старческим брюзжанием» автора...

Например, кто сейчас, в наше время, встретив знакомого, приподнимает головной убор или хотя бы обозначает этот знак уважения, прикладывая руку к нему? Слава Богу, хотя бы в армии и на флоте этот исчезающий элемент вежливости сохранился, будучи закрепленным в Уставе под названием «отдание чести».

Думаю, мало кто помнит, что обнимать приятеля при встрече или просто трясти его руку при рукопожатии принято, сначала обнажив голову. Можно, конечно, отшучиваться от этой проблемы разными прибаутками типа: «Должен ли джентльмен снимать шляпу при встрече с дамой, если шляпа находится на голове другого джентльмена?» Однако утрата важных элементов культурных традиций народа налицо.

Или, например, появился новый, весьма сомнительный, элемент культуры поведения: приходя в гости, снимать при входе обувь и ходить в носках. Во-первых, пол в квартире вряд ли может быть идеально чистым, скорее, наоборот. Что в таком случае будет вскоре твориться внутри вашей обуви?

И вообще, носки, чулки – это то же самое, что нижнее белье. Вряд ли кто посчитает необходимым снять брюки в прихожей, опасаясь, что они не достаточно чисты для хозяйской мебельной обивки. Попытки решить эту проблему, выдавая гостям сомнительной свежести чужие тапочки, разве что придают ситуации комичности, но положения не спасают.

Вспоминаю, как в давние времена моего детства эту проблему решали тремя способами. В сухое летнее время при входе укладывали влажную тряпку, дабы протереть подошвы от пыли и далее смело заходить в комнаты. В зимнее время с собой приносились сменные туфли. Что касается сырого осенне-весеннего периода, то все носили галоши, как мужские, так и женские, которые снимали в прихожей. Тот же порядок существовал при посещении театров и иных общественных мест.

Следует признать, что галоши являлись замечательным изобретением и чрезвычайно полезным атрибутом повседневной жизни. Они были очень востребованными, как до революции, так и в сталинские времена. Но над ними всегда висел «дамоклов меч» буржуазности и «гнилой интеллигентности».

Профессор Ф.Ф. Преображенский
в фильме «Собачье сердце»,
1988 год

Помню, как в свое время, идя на службу под проливным дождем, я раскрыв зонтик. Весьма приличный черный мужской зонтик. Увидев меня с зонтиком, замполит нашего дивизиона тральщиков начал надо мной потешаться, приглашая присоединиться к этому моих сослуживцев: «Вот, смотрите, интеллигент нашелся, может быть, еще калоши наденете?»

То есть это была политика. Эти элементы прежних традиций сознательно вытравливались верными последователями известного «председателя домкома Швондера». Вспомним, как еще профессор Преображенский, глядя на прибывших к нему в сырых валенках представителей новых властей, тщетно пытался их вразумить: «Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, – во-первых, вы простудитесь, а, во-вторых, вы наследили мне на коврах, а все ковры у меня персидские». Так или иначе, в настоящее время галоши окончательно исчезли, как, впрочем, и многие иные элементы прежней культуры поведения. И теперь все бегают по грязному полу в носках...

Сегодня, казалось бы, можно уже не пенять на ушедшее советское время и начать возрождать национальную культуру быта... Но, увы, пришла новая беда, теперь уже «с запада», с его культом так называемого либерализма, с извращенным понятием личной свободы как вседозволенности. Суть этого явления становится очевидной, когда приоритетом в поведении человека становится не культура, традиции, мораль или нравственность, а «степень моего удобства», «мой личный комфорт» и ликвидация всех препятствий на пути «удовлетворения моих потребностей». Движение общества по этому пути должно быть признано деградацией, а перемены, происходящие при этом с человеком, – дебилизацией.

Председатель домкома Швондер и его единомышленники. Фильм «Собачье сердце», 1988 год

Еще совсем недавно и представить себе было нельзя, что русские мужики, выйдя из машины на обочину, будут в открытую справлять нужду на оживленной трассе, невзирая на проезжающих мимо женщин и детей. Увы, но все большее число людей признают лишь один жизненный приоритет, воспетый западным либерализмом: «Мои желания – есть высшая ценность жизни, а окружающие должны терпеть реализацию моей личной свободы».

И потому вновь, несмотря на все страшные изъязны тех лет, невольно с симпатией вспоминаешь порядок сталинской эпохи. Хотя понятно, что тот «порядок» тоже был вовсе не «свет в окошке».

Сталин и его «империя»

Тем не менее я еще застал дух сталинского времени. Он очень отличался от того, что потом принесло правление Хрущева. Сейчас я могу сказать, что Сталин выстраивал именно империю. Имперский дух чувствовался во всей жизни страны послевоенного времени.

Как известно, империей считается «государство, властелин которого носит сан императора, неограниченного и высшего по сану правителя»¹. При этом империя, являясь могущественной державой мирового значения, как правило, объединяет разные народы и территории в единое государство с единым политическим центром. Все эти признаки были налицо. Конечно же, по сталинской Конституции существовал и Президиум Верховного Совета, и Совет Народных Комиссаров, и императором Ста-

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.–М., Товарищество М.О. Вольф, 1907. Т. 3. С. 96.

лина никто не называл. Но к концу сталинской эпохи имперский дух присутствовал явно.

Говоря об этом, надо понимать, что при всех признаках имперской формы правления и атрибутов такого устройства жизни «империя Сталина» являлась лишь суррогатом подлинной Империи. Эту подмену, некую поддельность, невозможно было истребить. Именно потому захватившие власть в стране люди постоянно испытывали комплекс неполноценности, стремясь убедить себя и народ, что все, что они натворили с действительно величайшей Империей мира, не так страшно, и у них тоже получается неплохо.

Люди нашего поколения помнят звучавший уже анекдотично рефрен советской статистики: «По сравнению с 1913 годом...». Едва ли не до самой Перестройки советская власть продолжала соревноваться с Царской Россией начала XX века, доказывая, что сотворенная ими катастрофа не так страшна и что «жить стало лучше, жить стало веселее!»¹. Моя мама, правда, при этих словах, помню, непременно добавляла: «Шея стала тоньше, но зато длиннее».

Принципиальная идеологическая установка в воспитании народа состояла в постоянном возвеличивании «небывалых достижений» и необходимости непрестанного восхваления «неустанной заботы КПСС о благе советского народа и при личном мудром руководстве товарища...». Мама, слыша такие панегирики, комментировала: «Прошла зима, настало лето. Спасибо партии за это».

Что касается постоянных восторженных восклицаний благодарности: «и лично товарищу...», то своего апогея эта идеологическая установка достигла в эпоху Брежнева. Бесконечное количество звезд «Героя Советского Союза», врученных Генеральному секретарю ЦК КПСС, и даже орден «Победа», по статусу к нему никак не относившийся, свидетельствовали о явном маразме и духовной деградации всей советской системы.

Вспоминается анекдот тех лет. Представитель малой северной народности присутствовал на очередном съезде компартии. По возвращении в родную тундру его стали расспрашивать, что он видел, что узнал нового. «Я узнал, что у нас в стране все делается для блага человека, – поде-

¹ Фраза, произнесенная Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным 17 ноября 1935 года в речи на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц.

Л.И. Брежнев ведет важные переговоры с Президентом США Р. Никсоном, но при этом «любит жизнь во всех ее проявлениях». 1972 год

лился с одноплеменниками умудренный делегат съезда и важно добавил: – и я видел этого человека».

Надо подчеркнуть, что вымышленные и искусственные социальные, государственные, экономические концепции большевиков внедрялись в жизнь страны с явным учетом христианских идеалов, продолжавших жить в душе народа. Большевики бесстыдно эксплуатировали народную мечту о царстве любви и справедливости. Они в полной мере «оседлали» христианские идеалы самопожертвования, терпения, добровольной нищеты ради счастья будущих поколений, подменив все атрибуты религиозной жизни народа суррогатами коммунистической квази-религии¹.

Эти настойчивые призывы потерпеть, подналечь, не стонать и т. п. пронизывали всю систему идеологического воздействия на народ. При этом сами «слуги народа» давно уже не горели идеями коммунистического аскетизма и революционного максимализма. В ходу было иное выражение: «Живи и дай жить другим».

Надо сказать, тон задавал сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев, который, по воспоминаниям, был весьма обаятельным и компанейским человеком и, как в таких случаях принято говорить, «любил жизнь во всех ее проявлениях». Так, например, Леонид Ильич очень любил автомобили: в его коллекции насчитывалось 324 машины. Это были автомобили самых престижных мировых марок². Как всякий русский, он

¹ Не секрет, что составленный по требованию Н.С. Хрущева в 1961 году «Моральный кодекс строителя коммунизма» был разработан специалистами ЦК на основе Закона Моисея и Нагорной проповеди Христа. См. Бурлацкий Ф.М. Судьба дала мне шанс. Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р.А. Звягельского // Общественно-правовой журнал «Российский адвокат». М., № 5. 2007.

² Брежнев и его эпоха. Историческая справка // РИА «Новости».

очень любил быструю езду и всегда порывался сам сесть за руль. В этой связи, помню, ходил анекдот. Вообще, надо признать, что без анекдотов жизнь в той стране была бы просто невыносима. Ими народ спасался. Так вот, рассказывали, что в очередной раз, несмотря на протесты личного водителя, Леонид Ильич отправил шофера на пассажирское сидение и погнал автомобиль с сумасшедшей скоростью. На ближайшем посту ГАИ машину остановили за такое фантастическое превышение скорости... Гаишник подошел к машине, и когда стекло опустилось, на него взглянул САМ Генеральный секретарь ЦК КПСС. Глаза инспектора округлились, потеряв дар речи, он отдал честь и, остолбеневший, пошел назад к своему напарнику. Когда удивительная машина скрылась из вида, напарник тихо его спросил: «И кто же там ехал?» Приятель с трудом, но сумел произнести: «Я не знаю, кто там ехал, но водителем у него – Брежнев».

Отец народа

Не секрет, что простому люду все же ближе лидер с иными жизненными установками и привычками. И народ всегда очень чуток к скромности вождей и особо ценит эти качества. В этом смысле Сталин, конечно же, всегда оставался на высоте.

Надо отметить, даже анекдоты про Сталина в большинстве своем имели уважительный оттенок. «Сталину не понравился доклад Жукова о какой-то предстоящей операции на фронте, и он выставил маршала из кабинета – устранять замечания. Недовольный Жуков, выйдя в приемную, в сердцах произнес: «У, таракан усатый», и пошел работать. Однако секретарь Сталина товарищ Поскребышев не оставил этот факт без внимания и поспешил доложить услышанное вождю. Сталин приказал вернуть Жукова: «Товарищ Жуков, – с характерным акцентом спросил Сталин, – Вы, выйдя в приемную, произнесли: «Таракан усатый». Кого Вы имели в виду?» «Конечно же, Гитлера, товарищ Сталин», – не моргнув глазом, ответил Жуков. «Это хорошо, – сказал Сталин и повернулся к секретарю: «А кого Вы имели в виду, товарищ Поскребышев?»

В этой подспудно живущей в каждом русском человеке тоске по утраченному таится причина усваиваемых Сталину титулов, вовсе не собственных изначальному революционному духу: «отец народа», «хозяин». Вспомним, что «хозяином земли русской» называл себя император

Николай II. Также в нашей традиции принято было называть российского монарха «царем-батюшкой» или «отцом народа».

Так что здесь вновь проявилась эта внутренняя потребность в любящем отце народа, в человеке, несущем личную ответственность перед Богом и людьми за все происходящее в стране, воплощающем единство народа, пропускающем через сердце их горести и радости. Русский народ, со своей христианской, православной генетикой, порой неосознанно, но всегда проецирует устройство Царствия Небесного на свою земную жизнь.

Божье устройство Горнего мира представляет собой пирамиду, состоящую из различных чинов ангельской иерархии. Начиная от самых малых скромных тружеников, которыми являются данные нам при Крещении ангелы-хранители, до величайших и грозных архангелов, которые находятся близ Престола Божьего, на самом верху этой властной «пирамиды». Идеальной такой проекцией Божественного устройства на земную жизнь в течение почти тысячи лет являлась российская монархия.

Мы видим, что русский народ ничего не может с собой поделаться, да и не очень-то хочет избавляться от этого духовного стержня. Приведу один примечательный факт, рассказанный очевидцем, известным русским публицистом и мыслителем И.П. Солоневичем: «В 1929 году в МХАТе была поставлена пьеса “Дни Турбиных”. В зале собралась особая, номенклатурная советская публика. В числе этой бюрократии был и я: работал как раз в том отделе профсоюза, который распределял эти театральные билеты. По ходу пьесы белогвардейские офицеры должны были пить водку и петь “Боже, Царя храни...”. И вот они начинают – сначала чуть-чуть вразброд, как и полагается пьяной компании: “Боже, Царя храни...”»

И вот тут наступает необъяснимое: зал начинает вставать, и голоса артистов крепнут. Артисты уже поют стоя и зал слушает стоя: рядом со мной сидел мой шеф по культурно-просветительной деятельности – коммунист из рабочих. И он тоже встал. Люди стояли, слушали и плакали. Потом многие пытались хоть как-то объяснить свое «контрреволюционное» поведение. Я им пытался помочь, подсказав: это массовое внушение. Но это, конечно же, не могло быть внушением, и за эту “демонстрацию” пьесу сняли с репертуара»¹.

¹ Солоневич И.Л. Загадка и разгадка России. М., Изд. «Фонд ИВ», 2008. С. 451.

Эту неосознанную тягу к такому идеалу «вертикали власти» и государственной «пирамиде» чувствовал и Сталин. Выстраивалась строгая система, при которой каждый получал в соответствии со своим местом в обществе, своими способностями и талантами, занимая свой уровень в государственной иерархии. Если в двух словах, то при Сталине «каждый сверчок знал свой шесток». К концу своего правления он в полной мере отступил от экстремизма большевистской революции и оголтелого волюнтаризма ее вождей. Именно это явилось вскоре главной причиной патологической ненависти Хрущева к Сталину и ко всему «сталинскому».

Тем не менее, утверждая это, нельзя и особо обольщаться: внутреннее духовное устройство самого «вождя всех народов» оставалось прежним и, увы, полностью соответствовало главной установке каждого революционера – это богоборчество. Бог всегда раздражает его, беспокоит, доводя до откровенной ненависти к любому проявлению святости. Бог мешает обожествлению самого себя. Потому подлинной Империи создать он не мог, да и демоны революции после его странной смерти быстро восстановили нарушенный «статус кво».

Мы сегодня вновь остро чувствуем, что мечта о народном царе, об отце нации, о том самом любимом «царе-батюшке», заложена в нашем генетическом коде, и никакие лживые «демократические идеалы», революционные лозунги и «либеральные» вопли не могут затмить ее. Здесь, собственно, кроется разгадка пагубного феномена нынешних симпатий народа к Сталину. Здесь же причина стойкой любви народа к нынешнему лидеру страны. Как «в точку» заметил недавно один из священников: «А зачем нам выборы Президента? Мы же его и так любим».

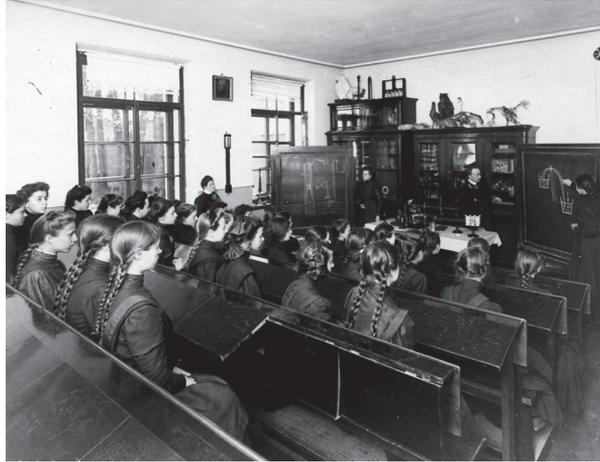
Конец эпохи

В том, что эпоха Сталина кончилась, я убедился лично в августе 1960 года. В это время всюю шла «хрущевская оттепель». В сентябре я должен был пойти в первый класс, и мне купили школьную форму. Как известно, после войны Сталин восстановил «дореволюционное» раздельное обучение мальчиков и девочек и была воссоздана школьная форма тех образцов.

Как я ждал этого волнующего момента! Форма представляла собой «военную» серую гимнастерку, которую надо было подпоясывать кожа-

Форма первоклассников
до 1960 года

Русские девушки Мариинской женской гимназии. СПб.,
1910 год

ным ремнем с золотистой пряжкой. На пряжке красовалась выпуклая буква «Ш». Бляху эту надо было чистить до блеска. Но самое главное, что кружило голову, так это синяя фуражка с серебристым гербом. Я тихонечко пробирался в платяной шкаф и примерял эти таинственные вещи, представляя, как браво буду выглядеть 1 сентября и как мои друзья по песочнице умрут от зависти...

Но вдруг все рухнуло. Мама, придя с работы, сообщила: «Вышло указание всем срочно приобретать другую форму. Сегодня же идем в “Детский мир”». Это было полное разочарование. Мне купили темно-синий пиджачок с брюками и такого же цвета беретик. Наступил полный крах моей мечты.

Эти детские воспоминания касаются лишь небольшого следствия масштабной кампании, развернутой Хрущевым под лозунгом: «борьба за восстановление ленинских норм». Как известно, Сталин решительно возвращал в государственную жизнь мундиры и погоны по образцу императорских – для дипломатических работников, служащих железнодорожного и иного транспорта и для других министерств и ведомств.

В 1943 году в РККА были возвращены золотые погоны и прочие атрибуты Российской императорской армии. В обиход возвращались слова из «прошлой жизни» – «офицер», «министр» ... Вождь, не скрывая этого, симпатизировал подлинному офицерскому духу дореволюционной России, со строгими понятиями чести, долга, мужества. Не случайно бытует

стойкое мнение, согласно которому Сталин более десяти раз смотрел спектакль «Дни Турбиных» («Белая гвардия»), и только лишь его покровительством регулярно запрещаемый спектакль был реабилитирован и вошел в классический репертуар МХАТа. Конечно же, он хотел иметь рядом с собой такую же «гвардию», но его окружали люди иного духа, и чего от них можно ожидать, он знал очень хорошо и не обольщался.

Хрущев очень торопился уничтожить эту «буржуазную заразу». Помню, как-то мой отец (тогда еще капитан 3 ранга) пришел домой расстроенный и сообщил, что скоро отменят погоны, запретят кителя, кортики и т. п. «Будем ходить в пиджаках с петлицами»¹.

Однако в вооруженных силах эти идеи не поддерживали, и их реализация всячески затягивалась. В 1964 году Хрущев был снят с должности, и погоны остались.

Гагарин

12 апреля 1961 года я вместе с нашим первым «А» классом участвовал, как тогда говорилось, «в культпоходе в театр». Шел кукольный спектакль в театре Евгения Деммени, что на Невском проспекте. Это была идеологически выверенная сказка итальянского коммуниста Джанни Родари – «Чиполлино».

На сцене кипели несказочные страсти, ребятня в зале активно сочувствовала героям. Дядюшка Тыква боролся за право жить в своем домике, а злобный синьор Помидор не подозревал, что мировая революция неизбежна. Сюжет развивался своим чередом и ничто, собственно, не предвещало абсолютно неожиданного финала. Но он наступил.

Внезапно на сцену выбежал директор театра и, потрясая руками, торжественно выкрикнул: «Товарищи!» Зажегся свет, музыка смолкла и куклы повисли. «Товарищи, только что объявили по радио: наш человек улетел в космос! Его зовут Юрий Гагарин! Ура-а-а-а!!!»

Началось всеобщее сумасшествие. Все скакали и орали, как безумные. Я кричал: «На Луну! На Луну!», а мой друг Мишка старался меня перекричать: «На Марс! Ура, на Марс!»

Наш класс, кое-как одевшись, вместе с классной учительницей Галиной Николаевной выбежал на Невский проспект. Там был праздник По-

¹ Речь идет о Постановлении Совета Министров СССР №1054-448 от 11 ноября 1962 года «Об унификации военной формы одежды».

Народное ликование на улицах 12 апреля 1960 года

беды. Весь Невский был забит людьми. Все поздравляли друг друга, трясли руки, обнимались и пели.

Больше ничего подобного в жизни страны никогда уже не было. Думаю, может, лишь в 2014 году что-то такое вновь происходило в возвращенных Крыме и Севастополе.

Макулатура и металлолом

Каждый советский школьник в течение учебного года должен был собрать 20 кг макулатуры и 50 кг металлолома. Так мы помогали советской промышленности.

Помню, что когда я учился в 3-м классе, то у меня тоже была зачетная книжка, где классная учительница отмечала количество принесенных мной на школьный двор килограммов этого вторсырья. И если за счет дедушкиных многочисленных газет по макулатуре у меня была неплохая «успеваемость», то по металлолому я был явно в отстающих. В конце концов Галина Николаевна вынуждена была сделать запись в моем дневнике, обращая внимание родителей на недопустимость столь легкомысленного отношения к столь важному делу.

Агитационный плакат. 1960-е годы

Сбор макулатуры. 1970-е годы

Мама, прочитав эту запись красными чернилами, конечно, расстроилась и решила обратиться к своему знакомому, работавшему прорабом на стройке. Тот со вниманием отнесся к этой проблеме и, записав адрес школы, обещал помочь.

И вот спустя несколько дней, когда в нашем классе шел обычный урок, за окном раздался небывалый шум работающего мотора и от этого гула

Сбор металлолома. 1960-е годы

задрожали стекла. Шум все усиливался, и встревоженная учительница подошла к окну. В этот момент раздался такой грохот, что все мы выскочили из-за парт и побежали смотреть. Огромный самосвал вываливал гору металлолома на школьный двор. Эти гигантские металлоконструкции заняли всю территорию двора, похоронив под собой все скромные металлические находки, ранее принесенные моими друзьями. Тем временем раздался стук в дверь, в класс вошел сурового вида мужик в фуфайке и мрачно произнес, глядя на бумажку в руке: «Алеша Баданин в этом классе учится?» Все повернулись и посмотрели на меня, а учительница кивнула. «Запишите ему три тонны металлолома», – сказал мужик и так же мрачно удалился.

Наша школа выполнила план по сбору металлолома и вышла в передовики. Но эта гора металла на школьном дворе быстро стала головной болью дирекции. Никто не знал, как теперь эти неподъемные тонны металла увозить.

Вскоре классная учительница Галина Николаевна, видимо, в очередной раз вернувшись от директора, подозвала меня и, тщательно выговаривая слова, произнесла: «Передай маме, что больше металлолома привозить не нужно».

Мир чернильных традиций

Вновь и вновь, оглядывая прожитое, не могу не вздохнуть о неумолимости процесса печальных перемен. Ностальгически вспоминаю те важные, узловые элементы традиционной культуры человека, что погибли безвозвратно под напором пагубной идеи главенства комфорта, удобства и упрощения.

Каждый согласится, что писать пером, макая его в чернила, менее комфортно, чем, например, шариковой ручкой. Но в свое время эти «чернильные усилия» были важной составляющей воспитания человека. В процессе письма перьевой ручкой, несомненно, таились удивительно богатые возможности через так называемую мелкую моторику пальцев достичь гармоничного развития личности.

Да, было весьма непросто прописывать те удивительно изящные письменные буквы русского алфавита, имеющие строго узаконенные завитки, наклоны и места нажима, которым достигалось утолщение линии. Но эти усилия приносили важные плоды: гибкость и ловкость рук, точность дви-

Перьевые ручки тех лет

Чернильница-«непроливайка»

жения пальцев. И самое главное было то, что работа над прописями являлась одним из важнейших элементов не только формирования хорошего почерка, но очень важных индивидуальных качеств человека.

Сейчас идут активные дискуссии о том, как бы вообще отменить уроки письма. Якобы это неактуально: достаточно научить ребенка набирать тексты в многочисленных гаджетах. Помню, как еще в 90-е годы я общался с одной американкой, которая изумляла меня ловкостью управления компьютером-ноутбуком. Так вот, она уже тогда не умела писать прописными буквами английского алфавита. Когда же требовалось что-то написать, то она необычайно быстро «писала» (печатала) ручкой текст квадратными, печатными знаками. И я думаю, что этот диковинный «машинописный» почерк не мог не отразиться на ее внутреннем мире. И вряд ли в пользу его богатства.

Во времена расцвета в школах традиции письменного слова существовала целая культура и связанный с ней особый ритуал. В каждой школьной парте было предусмотрено место для специального колпачка-чернильницы. Дежурный по классу до начала занятий получал особую бутылку с фиолетовыми чернилами, которые разливал по этим чернильницам. Позже, в начале 60-х годов, в магазинах «Канцтовары» появились так называемые чернильницы-непроливайки. С тех пор у каждого ученика рядом с портфелем или ранцем висел мешочек с такой чернильницей. Естественно, каждый нормальный школьник должен был хотя бы раз поставить эксперимент и проверить – правда ли чернила не выливаются. И, конечно же, преуспевал в своем творческом поиске, решительно опро-

вергая столь самоуверенное название чернильницы и предъявляя изумленным учителям яркие доказательства на руках, брюках и рубашке.

В специальном пенале каждого ученика хранились перьевые ручки («вставочки») со сменными перьями. Особое значение имело качественное перо. Неизбежным следствием работы с такими «потенциально опасными» предметами являлись бесконечные кляксы в тетрадях и хронически фиолетовые пальцы учеников. Промокательная бумага – «промокашка» – была неотъемлемой частью учебного процесса. Но все эти неудобства того стоили: терпение, старательность, тщательность и аккуратность воспитывались с большим успехом.

Шариковые ручки мы впервые увидели где-то в году 1966-м. Они попадали в школу от «фарцовщиков», крутившихся вокруг финских туристов, располагавшихся в соседней гостинице «Выборгская». Постепенно этот диковинный пишущий прибор стал встречаться в нашей жизни все чаще. В первое время ручка имела металлический стержень, который предполагал повторные заправки.

Надо сказать, в школе этой буржуазной заразе сразу же объявили войну. Пользоваться шариковыми ручками на уроках было категорически запрещено. Младшие классы были обязаны писать только перьевыми ручками. Лишь с пятого класса допускалось использование автоматических (заправляемых) перьевых ручек с закрытым пером.

Но, увы, со временем, по мере внутреннего ослабления государства и его иммунитета от покушений на традиционные устои, шариковые ручки одержали окончательную победу. Хотя еще в 80-е годы, приходя на почтаamt, для заполнения бланка телеграммы все послушно макали старую добрую «вставочку» в чернильницу и фиолетовым цветом выводили выверенный телеграфный текст.

Следует заметить, что в некоторых странах Западной Европы письмо перьевой ручкой в начальной школе осталось и, более того, закреплено на уровне федеральных законов. Речь идет о письме автоматическими ручками с открытым пером, специально разработанными с целью выработки почерка у детей.

Дядя с Кубы

Брат отца, дядя Леша, наконец-то дождался демобилизации. Он проходил срочную службу на Кубе и готовился к демобилизации, когда в октя-

Наши солдаты на Кубе
военную форму не носили, но
выpravку имели хорошую.
1962 год

бре 1962 года начался Карибский кризис. «Мы все сидели перед пультами управления, – рассказывал дядя Леша, – и с ужасом поглядывали на кнопку “Пуск”». В ведении его подразделения находилась Р-12 – баллистическая ракета средней дальности с ядерной боеголовкой. Эта была одна из тех ракет, что СССР в ответ на наглые действия американцев развернул на Острове Свободы под носом у США, вызвав международную истерику. Весь мир замер в ожидании начала ядерной войны и конца света.

Тогда Апокалипсис все же был остановлен, его удалось до времени отложить. Все выдохнули. Разрешили демобилизовать солдат-срочников. Дядя Леша приехал к нам в гости в Ленинград и повесил на стенку небывалый календарь с такими кубинскими красавицами, что мне было не по себе, и я невольно отводил глаза.

Помню вскоре, весной 1963 года, когда я пришел из школы, дядя Леша встретил меня словами: «Пошли Фиделя Кастро встречать». Я ответил: «Пошли!», и мы поспешили на набережную Невы. Вдоль всей трассы небольшими группами уже стояли люди. Вскоре появился кортеж машин. Это были правительственные автомобили ЗИЛ-111.

Когда я сейчас вспоминаю все это, оно выглядит просто невероятным. Автомобили ехали небыстро. Фидель Кастро сидел вместе с Никитой Хрущевым в открытом ЗИЛе, и они весьма неформально махали собравшимся вдоль дороги людям. Те, в свою очередь, кричали им слова приветствия. Тогда особенно популярным было крикнуть по-испански: «Куба – си! Янки – но!» В принципе, если бы у нас были цветы, их можно было бы бросить в машину или, подбежав, вручить...

Это был еще другой мир. Эпизод с игрой нервов на Кубе ушел в прошлое и вновь наступил мир и порядок. Никто тогда уже толком не пом-

Лидер Кубинской революции Команданте Фидель Кастро и Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, 1963 год

нил, что за явление такое «террор» и «террористы». После революционных событий прошло уже почти пятьдесят лет. Наши российские террористы, приобретая со временем романтический ореол, прописались в названиях улиц. И никто уже не помнил, что лишь в период с 1901 по 1911 годы террористами боевых организаций революционеров было убито порядка 17 тысяч представителей законной власти и мирных граждан Российской империи.

Так что в стране, да и во всем цивилизованном мире, царили стабильность и порядок. Мы жили уверенно и были абсолютно спокойны в завтрашнем дне. Даже не верится, что когда-то так было.

Недавно прочитал, как в конце XIX века брат царя Великий Князь Алексей Александрович посещал северные окраины России и встречался с коренным населением Кольского края, при этом «человек 20 лопарей приветствовали Великого Князя криками “ура” и выстрелами из своих ружей». Представляю, что было бы в этот момент с сотрудниками ФСО в наше время...

Аэрофлот

В этой связи вспоминаю мой первый полет на самолете советского Аэрофлота. Шел 1969 год. Я учился в десятом классе ленинградской средней школы и был влюблен в мою будущую жену, которая до недавнего времени была моей одноклассницей, но вдруг с родителями переехала жить в Киев. Вскоре я понял, что больше терпеть невозможно и что я должен ее увидеть. Я решил лететь.

Пассажиры Аэрофлота идут на посадку в самолет ТУ-104. 1960-е годы

Надо понимать, в те времена все это воспринималось не иначе как фантастика. Как я нашел такие деньги на билет – отдельная история. Мама, держась за сердце, в конце концов махнула рукой, учителя в школе были в ужасе. Одноклассницы шептались: «Какой Д'Артаньян!» Но я, собственно, не об этом.

Я о том, как трагически изменился мир, и как все уже сжимается пространство свободы, и как все жестче контроль над каждым из нас.

Билет на самолет Ту-104 представлял собой написанную от руки под копирку небольшую бумажку. Паспорт не требовался вовсе. Мы спокойно шли со своими вещами по аэродрому прямо к трапу, в том числе и с багажом. Лишь там, у трапа, первый раз показывали свои билеты и поднимались в самолет¹. Там же, у трапа, у пассажиров забирали багаж и размещали в грузовом отсеке.

Зайдя в самолет, каждый занимал место по своему желанию. Надо сказать, все тут же начинали курить, а из подлокотников кресел выдвигались пепельницы. Перед взлетом всем давали конфетку-леденец с названием «На взлет». Кормежки в самолете не было, желающие брали с собой продукты, те, которые обычно берут в поезд.

Узнаваемая коробка Киевского торта

Возвращаясь назад из Киева, я вылетал из аэропорта Борисполь, и украинцы придавали этому обратному полету особый колорит. Во-

¹ Вспомните немислимый в наше время эпизод из фильма «Ирония судьбы», когда главный герой улетает в незнакомый город по чужому билету.

С моей любимой няней Клавой,
1956 год

первых, все везли по несколько штук знаменитых «Киевских тортов» в узнаваемых круглых коробках, украшенных рисунком зеленых листьев каштана. Во-вторых, менталитет украинских пассажиров сильно отличался от пассажиров, вылетавших из чопорного Ленинграда.

Едва все расселись на свои места, как тут же начали разворачивать пакеты с едой. В то время ничего напоминающего нынешний полиэтилен не существовало. Еду заворачивали в бумагу, в основном в газеты. По самолету разнесся дух сытной снеди: домашней колбасы, сала, вареной курицы... Вареные яйца били о подлокотники кресел, еду запивали кефиром из поллитровых бутылок. В момент разгона и взлета все ненадолго замерли с полным ртом и прекратили жевать, но вскоре процесс был продолжен с удвоенной энергией.

Помню развешанный повсюду классический пример советской рекламы: «Летайте самолетами Аэрофлота». Учитывая, что летать больше было не на чем, этот призыв выглядел очень убедительно. Вспоминается еще один висевший в гастрономах потрясающий рекламный слоган тех лет: «Всем давно понять пора бы, как вкусны и нежны крабы». Крабов в магазинах, естественно, никто и в глаза не видал. Они существовали разве что в спецпайках для партноменклатуры.

Моряки не плачут

Стать морскими офицерами нам с братом было определено от рождения. Этот вопрос даже не обсуждался. Пример отца был перед глазами. Мы выросли твердо воспитанными в необходимости воплотить в жизнь эту задачу.

Когда еще двух-трехлетним младенцем я, например, падал или еще почему-либо больно ударялся, то, едва сдерживая слезы, мужественно заявлял подбежавшим ко мне с причитаниями нянечкам: «Моряки – не плачут!»

Для бабушки Марии Степановны, помимо того, что отец ее Степан Никитич «двенадцать лет на флоте отслужил и две кругосветки с адмиралом Макаровым совершил», еще одной любимой темой для разговоров была следующая: «Было бы у меня пять сыновей – всех бы отдала в военные моряки. Только представьте: их одевают, обувают, кормят, звания вовремя дают, жалование какое хорошее платят, а форма-то офицерская какова – любая девушка засмотрится!»

Правда, у меня были определенные художественные таланты, и потому допускались робкие разговоры о том, что не пойти ли мне по стопам другого деда – в Академию художеств. Но аргументы бабушки были неотразимы, и мы с братом поступили в Высшее военно-морское командное училище. До революции оно называлось Морской кадетский корпус имени Петра Великого, но после наступления власти большевиков главному и старейшему военно-морскому учебному заведению страны, основанному в 1701 году, присвоили имя кавалериста М.В. Фрунзе.

Эта политика сознательного и подчас циничного глумления над историческим прошлым России пронизывала всю идеологию построения армии и флота СССР. Училище военно-морских инженеров, которое окончил мой отец, по той же глумливой «логике» стало носить имя председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского.

Поношение самого духа «гардемаринства» и прямая борьба с лучшими традициями офицеров флота Российского стали задачей номер один при воспитании красного командира, а позже и советского офицера. Образ офицера нового типа предполагал явить человека грубого, желательного не интеллигентного, непременно хама, горлохвата и матерщинника. Считалось, что именно таким образом реализуется идея создания рабоче-крестьянского флота и происходит выращивание офицерства из самых низов народа, из матросской среды.

При этом надо честно признать и отдать должное высокому уровню образования того времени – оно действительно было высшим, можно сказать, элитным. Да и само древнее здание Морского кадетского корпуса продолжало нести в себе сильнейшую энергетику прошлого. «Адмиральский коридор» со старинными портретами лучших людей России, окончивших это заведение, величественный «Петровский парадный или столовый зал» (переименованный в «зал революции»), великолепные картинные галереи с творениями выдающихся художников-маринистов,

знаменитый инкрустированный ценными породами дерева «Компасный зал» – все это свидетельствовало о нашем великом прошлом и, так или иначе, одолевало этот идеологический морок.

Мы, молодые ребята, как могли, тоже внутренне сопротивлялись этому оболваниванию. Когда рядом не было начальства, можно было услышать крамольную команду: «Господа гардемарины!» Помню, как в году 1972-м армейские политорганы придумали новый способ унижить нас, требуя заменить звание «курсант» обращением «товарищ матрос». Это вызвало едва ли не бунт в училище, и большевистские идеологи отступили.

Не секрет, что и на самом действующем флоте отношение к «политорганам» всегда было скрыто негативным. Это стало мне предельно ясно после одного памятного разговора с моим отцом. Когда весной 1970 года решался вопрос о том, в какое училище мне поступать, то я подумал, что неплохо бы поехать в Киевское политическое училище, поскольку, как я упоминал ранее, в этот момент там жила Валентина, моя будущая жена. Услышав это мое размышление, мой отец неожиданно ответил мне словами известного литературного героя: «Я тебя породил – я тебя и убью». Вопрос с моей поездкой в Киев как-то сразу отпал, да вскоре и сами родители Валентины переехали обратно в Ленинград. Я твердо встал на путь командирского служения в Военно-морском флоте СССР, на военную стезю, – и отдал флоту 26 лет.

Конечно же, отец хотел видеть нас с братом поближе к себе и, бывало, заводил разговор, что надо бы нам подумывать о переводе обратно в Ленинград, постараться заняться преподавательской деятельностью и т. п. Но мы знали: чтобы этого добиться, нужно было предпринимать настойчивые и не очень достойные шаги, обхаживая и умасливая тех, от кого это зависело... Так что мы до конца отслужили на Севере, на действующем флоте, памятуя оптимистичную флотскую шутку: «Почему на флоте невозможно создать команду Клуба веселых и находчивых? Потому что все “находчивые” служат в Москве и Ленинграде, а все “веселые” – на Севере и Дальнем Востоке».

Первый шаг на корабль

Хочу вспомнить мое первое знакомство с военно-морским флотом. Это была весна 1958 года, мне было пять лет. Как-то вечером отец не ожи-

Дизельная лодка проекта 613 на морском параде в Ленинграде. 1959 год

данно сказал: «Завтра утром мы с тобой пойдем ко мне на службу, я покажу тебе подводную лодку». Это было нечто невиданное и очень волнительное. Домашние заперезживали и запричитали: не рано ли для такого малыша, но отец был непреклонен.

Утром пришлось вставать неожиданно рано. Потом был очень странный для меня «взрослый» завтрак – вареные яйца с бутербродами. Обычно мне на завтрак давали манную кашу и кефир.

Надо сказать, в те годы благосостояние страны было еще низким, а продуктовый ассортимент весьма скудным. Яйца были редкостью и их могли позволить себе лишь обеспеченные семьи, да и те весьма нечасто. В нашей семье все работали, и по совокупному доходу мы вполне могли себя к таковым относить. При этом яйца, как и курицу, можно было купить лишь на колхозном рынке у «частников». Курицу готовили на всю семью раз в неделю к воскресному обеду, это считалось большой роскошью. В иные дни чаще всего была треска и селедка с картошкой. Эту рыбу добывали в огромных количествах на Севере, и этим решалась проблема питания народа в те годы. Помню, отец на треску не мог даже смотреть, поскольку все пять лет учебы в ВМИУ им. Дзержинского курсантов кормили только ей.

Так вот, в то памятное утро мы с отцом вышли из нашего дома на Красной улице (ныне вновь ставшей Галерной) и направились по набережной Невы прямо к Медному всаднику. В то послевоенное время можно было видеть подводные лодки, пришвартованные прямо к гранитной

набережной Невы. Лодка отца стояла у спуска к воде на Сенатской площади, прямо напротив памятника Петру I. У гранитных ступеней была поставлена будка, раскрашенная черно-белыми полосами, и при ней часовой-краснофлотец с винтовкой и с примкнутым штыком.

По не слишком устойчивому трапу мы поднялись на палубу. Это была, как я теперь понимаю, дизельная лодка 613 проекта. От этого угрюмого черного металла мне сразу стало как-то не по себе. Когда же отец подвел меня к люку, ведущему в темное чрево субмарины, я подумал, что лучше было бы мне остаться дома. «Папочка, – попытался я схитрить, – я бы хотел сначала внимательно посмотреть все на верху лодки». Но отец, не обращая внимания на мои хитрости, быстро подхватил меня на руки и, крикнув: «В Центральном – принимайте!», опустил меня в эту темную бездну. Чьи-то крепкие руки подхватили меня, и вскоре я оказался на свету в Центральном отсеке, на Главном командном пункте лодки.

Помню эти громкие звуки работающих механизмов, эти звонки и ревуны, эти запахи мазута и металла. И еще тот необъяснимый по происхождению очень специфический и хорошо знакомый женам офицеров запах военного корабля, который неистребимо въедается в одежду, в китель, в шинель и в кожу. Это тот запах, из-за которого жены просят проходящих со службы корабельных офицеров снимать одежду в прихожей. Запах, который со временем и на долгие годы стал моей судьбой.

Боль и мужество

Конечно же, пример отца являлся определяющим при выборе нашей с братом судьбы.

Отец ко всему относился очень ответственно, особенно если это касалось службы. Он являл собой очень цельную натуру, был глубоко порядочным и надежным, верным своим словам и убеждениям. Он очень гордился тем, что его сыновья продолжили династию, и радовался этому. Единственное, что он категорически запретил нам, – так это даже думать о службе на подводных лодках. Он говорил, что его психика больше не выдержит новых переживаний, теперь уже за сыновей.

Надо сказать, об этих страницах горя и мужества, которые тяжелейшим образом отразились на его душе, отец никогда ничего не рассказывал. И если бы в августе 1956 года нам домой не позвонили из отдела кадров Кронштадтской дивизии и по ошибке не сообщили моей маме, что

Командир ПЛ М-254 (проект 615) капитан 3 ранга Наянов В.А. и мой отец, помощник командира БЧ-5 старший лейтенант Баданин В.А. на верхней палубе этой лодки. Кронштадт, 1954 год

«Ваш муж старший лейтенант Баданин погиб при исполнении служебного долга», то мы так ничего бы и не узнали о катастрофе с ПЛ М-259. Отец тогда подменял своего друга офицера Первухина на время отпуска и был подан в список экипажа на тот выход в море. Но Коля Первухин вернулся с отпуска пораньше и пошел в море сам. В списке же фамилию не исправили и быстренько обзвонили семьи погибших. Мама после этого попала в больницу со щитовидкой и так до конца и не поправилась.

Еще помню, как я впервые увидел моего отца сильно пьяным в сентябре следующего 1957 года. Мне было четыре года, и я помню, как его, в форме, привели домой под руки его друзья офицеры. Мне было как-то не по себе видеть отца в таком состоянии, но в то же время я обратил внимание, что никто из домочадцев не возмущался, и даже наоборот, все были с ним крайне заботливы. Лишь только тогда, от его друзей, мы узнали, что лодка М-256 погибла практически со всем экипажем. Отец в тот день, как дивизионный инженер-механик, был включен в список этого экипажа на выход в море. В последний момент решили переиграть, и он вышел в море на другой лодке.

Сейчас мне в полной мере понятно, для чего Господь столь явным образом хранил моего отца. Он должен был написать книгу своего долга

перед погибшими друзьями. Спустя тридцать лет гриф секретности с тех материалов был снят, и он выполнил этот долг. Но об этом чуть позже.

Уроки метрдотелей

Вспоминая высокий уровень образования в ВВМКУ им. М.В. Фрунзе, не могу не отметить те уроки хорошего тона, которые нам, курсантам училища, преподавали метрдотели знаменитых ленинградских ресторанов: «Метрополя», «Астории» и «Севера». Речь, естественно, шла о правилах поведения за столом.

Причем, что интересно, эта программа обучения «манерам» существовала лишь в военно-морских училищах, поскольку служба на флоте предполагала зарубежные визиты и заходы в иностранные порты, где надо было вести себя культурно. В сухопутных армейских училищах необходимости в таком обучении не было, поскольку визиты в зарубежные страны предполагались лишь на танках.

В нынешнее время фаст-фуда и узаконенного питья «из горла» эти узловые критерии воспитанности представляются чрезвычайно актуальными. И государственная политика в вопросе воспитания культуры должна вновь стать твердой и системной. В этой связи следует еще раз надо подчеркнуть, что человек формируется в полноценную и зрелую личность лишь под воздействием добровольно принятых им культурно-нравственных ограничений, и не иначе. Именно внутренняя дисциплина и эти ограничения делают человека человеком. В то же время, наоборот, деградация неизбежна, если он не сдерживает стремление своей падшей природы к разрушению традиций и культурных барьеров для достижения «личной свободы» и телесного комфорта любой ценой.

Итак, позволю себе вспомнить наиболее важное из тех уроков воспитания, преподававшихся нам, будущим военно-морским офицерам:

- главный признак воспитанного человека за столом – это бесшумность. Тишина при потреблении пищи и беззвучность работы столовыми приборами;

- наиболее яркие оплошности: звучное отпивание горячего чая и громкое позвякивание ложкой в стакане при размешивании сахара;

- следующий яркий признак застольной культуры – чистота вашего бокала, что обусловлено постоянным использованием салфеткой для промакивания губ перед отпиванием из него;

– ложка с содержимым первого блюда в рот не засовывается, содержимое ложки аккуратно **выливается** в рот, а не «засасывается» с сомнительными звуками;

– **всё**, кроме первого блюда, употребляется с помощью ножа и вилки. Исключением может быть лишь очень жидкая каша и особые десерты;

– необходимо преодолеть стойкое заблуждение, усвоив, что главное предназначения ножа во время еды вовсе **не разрезание**, равно как и у вилки – **не накалывание**. Конечно же, ножом можно и нужно отрезать разовый кусочек мяса, рыбы и пр., придерживая его вилок, затем этот кусочек *снимается* с вилки. После чего наступает главное предназначение ножа – **накладывание** пищи на вилку. При еде никакую пищу на вилку не накалывают, пища накладывается на вилку ножом и неспешно потребляется;

– также есть мнение, что нож в течение приема пищи желательно из руки не выпускать. Исключение: потребления первого блюда, произведения тоста и иные очевидные причины.

Отдельный разговор о хлебе. Хлеб нельзя кусать – у наших предков это считалось грехом. Эта привычка вошла в советские семьи как революционный вызов старым порядкам. Хлеб вещь священная и он может лишь преломляться. Этому учил нас и Христос: *«Воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлеба ученикам»* (Мф.14,19). В Священном Писании об этой традиции преломления хлеба упоминается восемнадцать раз.

Если же хозяин дома брался не преломлять, а нарезать к столу круглый хлеб, то непременно резал его, прижав к своей груди. Однако наиболее благоговейным считается преломление и раздача. Недаром в русском языке часть хлеба называется ломтик, не отрезок. И даже если он «отрезанный», то все равно «ломоть». Когда хлеб уже подан нарезанным, то для потребления его, опять же, «преломляют», отламывая кусочек одинарного размера. Именно для этого рядом с главной тарелкой, слева, ставят хлебную или пирожковую тарелочку, на которой и следует отламывать кусочки, в крайнем случае преломлять двумя руками.

И еще правила:

– бывает, вызывает недоумение количество ножей и вилок, сервированных справа и слева от тарелки. Количество их пар соответствует количеству закусок и блюд, которые предполагает меню данной трапезы. Каждую подаваемую закуску потребляйте, используя крайнюю пару приборов, обычно эти нож и вилка размера меньше, чем последующие;

– льняную салфетку надо класть на колени, поднимая с колен для промакивания губ перед питием из бокала и пр. Вставая из-за стола, салфетку кладут слева скомканной. Разглаживать или сворачивать любые салфетки не принято.

Понятно, что это далеко не все, но уж, простите, что вспомнилось из тех уроков. Безусловно, есть более подробные наставления в этом вопросе, но в наше время подчас и такой объем этикета может показаться за-предельным.

Может быть, нелишним будет ко всему сказанному добавить важное замечание: подлинная культура проявляется не в том, что вы не пролили соус на скатерть, а в том, что не заметили, если это сделал кто-то другой.

Понятно, что времена напряженного внимания к вопросу формирования культуры поведения человека ушли, и, похоже, увы, безвозвратно. Так что ныне диковинкой или чудачеством выглядят обостренные споры середины XIX века, например, о правилах применения ножа за столом. Американцы долгое время отстаивали возможность есть с ножа. В то же время жители европейского континента сосредоточились на другом вопросе: недопустимости потретьявать рыбные блюда с помощью ножа, что часто и сейчас можно встретить в правилах этикета.

В этой связи вспоминается анекдот из тех далеких времен. «Английский морской офицер случайно оказывается за бортом, и, пока готовят шлюпку, видно, как вокруг него начинают кружиться акулы. С борта судна ему кричат, чтобы он, обороняясь, воспользовался своим офицерским кортиком. На это предложение англичанин гордо отвечает: «Рыбу – ножом? Никогда».

«Оморячивание»

Каждому от крещения дается Ангел-хранитель. Эти труженики ангельского мира, не смыкая глаз, несут свою службу и часто оберегают нас от последствий многих тяжелых ситуаций. Я не берусь судить о том, возможны ли различия в их отношении к своей работе или существуют ли у этих невидимых существ степени усердия в исполнении обязанностей. Но могу сказать с полной уверенностью, что приписанный мне Хранитель всегда исключительно ответственно и добросовестно исполнял свой долг.

Рейдовый тральщик проекта 1258 «Корунд»

Лето 1978 года. Мой первый выход в море для стажировки на должность командира корабля (рейдового тральщика). Баренцево море, губа Долгая Западная

В этой связи вспоминаю один из первых моих самостоятельных выходов в море в 1978 году в должности командира корабля. Это был мой первый корабль, рейдовый тральщик РТ-517 (проект «Корунд»). Будучи старшим лейтенантом, я сдал все положенные экзамены на самостоятельное управление кораблем. И хотя корабль был невелик, всего «стотонник», для меня это была большая честь и новый, особый статус.

Вскоре я получил самостоятельное задание – совершить переход из Мотовского залива в Мурманск, дабы забрать прибывшее молодое пополнение для кораблей, базирующихся в Порту Владими́ре.

Стояла наша северная осень, конец октября. К вечеру погрузка погрузки на причале Мурманского морвокзала была закончена, и я запросил добро на переход домой, в базу. Честно говоря, я предполагал, что мне прикажут ждать до утра, поскольку время клонилось к ночи, погода явно испортилась и ветер был весьма свежий. К моему удивлению, добро было получено.

Когда, уже к ночи, мы дошли до выхода из Кольского залива, стало понятно, что в море уже крепкий шторм. Серьезные волны мощно заходили в горло залива, и нам пришлось сбавить ход. Я видел, что рыболовные суда дружно уходят с промысла и двигаются на вход в залив, укрываясь от непогоды. Прислушиваясь к запросам от узла связи Кольской флотилии,

Обледенение корабля

я ждал, что с нами наконец выйдут на связь, запросят обстановку и запретят выходить из залива. Однако все иные переговоры шли активно, о нас же будто бы забыли. Позже, когда уже шел разбор этого похода, выяснилось, что радист перепутал наши позывные и, естественно, не отвечал на бесконечные запросы дежурных служб флота. Кроме того, из-за такого шторма нас потеряли посты наблюдения и связи (НИС) и всем докладывали, что нашего корабля нигде обнаружить не могут.

Тем временем мы уже вышли в открытое море, и мне стало понятно, что даже если нам прикажут поворачивать назад, я уже не смогу этого сделать из-за очень высокой волны. Я не мог допустить, чтобы корабль «стал лагом», то есть оказался бортом к такой волне. Волны перекатывались через мостик, выход на верхнюю палубу был исключен. Видимость из-за наступившей ночи и накрывающей судно волны стала крайне мала. Корабль испытывал чрезвычайно сильные удары по корпусу, появилась угроза выхода из строя оборудования, в том числе навигационного.

В этой обстановке, тем не менее, я спустился вниз, чтобы посмотреть, как себя чувствует молодое пополнение. С круглыми глазами и вцепившись во что только возможно, молодое пополнение в полной мере усваивало, какова она, служба на Северном флоте...

Последний доклад, поступивший от сигнальщика, информировал, что прямо по нашему курсу двигается большая рыболовная плавбаза. Затем радиометрист стал докладывать, что расстояние до объекта сокращается. Гигантское судно – морозильная плавбаза – шло укрыться от шторма. Я понимал, что надо отворачивать, но это неизбежно постави-

ло бы корабль бортом к волне, и я не мог решиться на этот рискованный маневр.

Всегда с благодарностью вспоминаю того неведомого мне капитана плавбазы, который, разглядев наше бедственное положение, сам стал отворачивать с нашего пути. Вскоре это громадное судно освободило нам фарватер. Представляю, с каким удивлением и уважением эти «тертые» мореплаватели глядели с мостика на наш отважный кораблик, идущий напрямик в открытое море, в то время как все суда срочно шли в Кольский залив, чтобы укрыться от шторма.

Тем временем обозначилась следующая важная задача: надо было в полной темноте определиться со временем поворота, то есть обнаружить сам вход в Мотовский залив и повернуть туда, где находилась база Порт Владимир. Единственным источником информации в этих условиях оставалась лишь радиолокационная станция РЛС «Дон», правда, из-за шторма сильно забитая помехами. И тут поступил приснопамятный доклад радиометриста: «Товарищ командир, РЛС выходит из строя!» Видимо, вследствие тяжелых сотрясений корабля отошли какие-то контакты и изображение стало неустойчивым. Вскоре я в последний раз успел присмотреться к очертаниям берега на экране, определяясь с береговыми ориентирами для начала поворота на вход в Мотовский залив, после чего изображение окончательно погасло...

Оставалось лишь оценивать мои командирские ощущения о количестве прошедшего времени движения для принятия решения о начале поворота. Позже стало понятно, что штормовой встречный ветер и волна сделали мои представления о пройденном пути далекими от реальности. Тем не менее, постепенно переключив руль, мы изменили курс, начав поворот. Однако мне было как-то не по себе. И тут словно кто-то мне сказал: «Посмотри, в каком положении переключатель масштаба РЛС».

Я взглянул и понял, что по заданному режиму работы я никак не мог видеть вход в Мотовский залив и, следовательно, повернул не туда. Позже я разобрался, что я увидел небольшую губу Лодейная. Но это позже, а в тот момент прямо перед нами вдруг открылись отвесные скалы, о которые разбивались громадные волны прибоя. Еще несколько мгновений, и мы вылетели бы на эти камни. Отработав машинами и срочно отвернув обратно, мы избежали катастрофы.

Вскоре я наконец смог разглядеть приметный ориентир – вращаю-

щийся фонарь маяка Сетьнаволок. Теперь все встало на свои места, и мы уверенно и благополучно повернули в Мотовский, где со штормом стало явно полегче.

Когда мы ошвартовались у родного причала, нас встречало взволнованное командование с недоуменными вопросами: «Куда пропали? Почему не выходили на связь?» Кроме того, оказалось, что из многих помещений корабля выйти просто невозможно. Корабль представлял собой сплошную глыбу льда. Каждый мореплаватель знает, что обледенение судна такой степени легко могло привести к его опрокидыванию. Однако этого не произошло – Господь уберег. И таких случаев «сбережения» в моей службе было предостаточно.

Касатонов

В течение жизни каждого человека перед его глазами проходит огромная масса людей. Однако следует признать, что очень немногие оставляют след в нашей памяти. Как ни странно, но одной из таких памятных личностей назову адмирала Касатонова Игоря Владимировича. Понят-

Командование 23-й Краснознаменной дивизии кораблей охраны водного района (ОВР): командир дивизии контр-адмирал Сычев Б.К., справа начальник штаба капитан 1 ранга Колесников, слева начальник политотдела. Фото 1979 года. Это было одно из самых заслуженных соединений, существовавшее еще с 1936 года. Через три года все изменится – появится Кольская флотилия

но, что в то время мы находились в разных иерархических категориях. В 1985 году он – контр-адмирал, Командующий Кольской флотилией, я капитан 3 ранга, командир корабля, но тем не менее...

Касатонов на Северный флот пришел с Черноморского флота прямо в штаб ВМБ г. Полярного с задачей создать на базе 23 ДиК.ОВР (дивизии кораблей охраны водного района) невиданное ранее соединение – Кольскую флотилию. Это была очень своевременная и плодотворная идея Главкома ВМФ адмирала флота Советского союза Горшкова С.Г.

И вот именно тогда я впервые увидел человека, который не просто проявляет «чрезвычайную требовательность к подчиненным», этим занимались все, кому не лень, но и сам знает то, что он требует, и может рассказать, как это сделать правильно. Было видно, что ему хорошо известно, как на флоте все должно быть устроено. То есть я увидел человека, который сам весь состоит из подлинной флотской исторической традиции. Я увидел флотоводца-профессионала. До него таких людей я не встречал.

Очень многое из того, что он решительно требовал, командиры с готовностью претворяли в жизнь и приобретали вкус к настоящей флотской службе. Но было много и такого, что он напрямую не требовал, обучая лишь своим примером. Так, например, на флотилии любили рассказывать про то, что Командующий, какая бы ни была напряженная обстановка на командном пункте и какие бы учения ни отрабатывались, без пятнадцати девять вечера извинялся и отлучался на пятнадцать минут. Все знали, что он обязательно должен побывать у себя дома и уложить детей спать, пожелав им «Спокойной ночи». Это было абсолютно не в духе советской идеологии.

Следует напомнить, что специфика службы на советском флоте, как, впрочем, и в целом по стране, включала одну обязательную и изнурительную составляющую. Речь идет о доминировании и всевластии партийно-политической номенклатуры.

Способности любого командира и военачальника в первую очередь оценивались не по его профессиональным качествам, а по тому, в какой мере он свои действия согласовывает с политорганами и выверяет ли свои боевые решения с «линией партии». И от того, в какой мере он понимает эту свою главную обязанность и насколько усердно декларирует первостепенное значение работы партийно-политического аппарата

в повышении уровня боеготовности флота, зависят и его успехи, и продвижение по службе. И в этом смысле особый профессионализм командира, его офицерская жилка и приверженность флотским традициям неизбежно входили в противоречие с ранее заявленной идеологической установкой в советском государстве. Жуковы и Кузнецовы вызревали лишь на войне. А в мирное время они всегда мешали, плохо разбираясь в «линии партии», которая, по сути, путалась у них под ногами.

Собственно, в этом и состояла уникальность Касатонова как редкого явления в той обстановке на советском флоте. И естественно, его обостренная приверженность к единоначалию и приоритетам командного профессионализма неизбежно привели к острому противостоянию с членом Военного совета – начальником политотдела Кольской флотилии контр-адмиралом С.А. Смирновым.

Командиры кораблей с замирием сердца следили за этой смертельной схваткой. И случилось невозможное. Впервые в истории советского флота политработник такого уровня был снят со своей должности. Касатонов победил. И в последующей его службе это победа оказалась не последней. Мы, в первую очередь, конечно, говорим о его победе, одержанной над бездарными политиками в борьбе за сохранение Черноморского флота России.

Русский чай

Вспоминаю, что одной из важных мелочей флотского этикета, на которой настаивал Касатонов, была культура чаепития. По мысли Игоря

Русский чай

Владимировича, чай из стакана с подстаканником – неотъемлемая часть флотского быта. Горячий чай из самовара всегда должен быть наготове у вестового офицерской кают-компании.

Несомненно, что это важная русская традиция, и ее действительно надо беречь. Интересно, что в мире существует устойчивое понятие «Русский чай»: «Russian tea». Большинство клас-

сических английских словарей переводят его как «чай из стакана с подстаканником с лимоном». Похоже, что после духовного развала 90-х годов мы не слишком-то помним об этой особенности, и сегодня необходимо всячески поддерживать возрождение этой традиции. Мужчины, в отличие от дам, не должны пить чай из чашечек, – только из стаканов с подстаканником.

В этой связи, правда, можно вспомнить забавный рассказ о нашем разведчике-нелегале, который в заграничном кафе заказал себе чай. Вскоре к нему подошел официант и спросил: «И давно Вы из России?» Наш человек, едва не поперхнувшись, быстро оправился и возразил: «А с чего Вы решили, что я из России?» Официант пояснил, что только русские пьют чай, не вынимая чайную ложку из стакана, и хотя им явно неудобно, но они терпят. Разведчик понял, что оказался на грани провала, и быстро ретировался. Очень верное наблюдение, мы действительно пьем именно так.

Я слышал и продолжение этой истории. В следующий раз и в другом кафе наш разведчик предусмотрительно, размешав сахар, положил ложку на край блюда. Однако вскоре к нему подошел официант и спросил: «Давно ли Вы из России?» На недоуменный вопрос нашего человека он пояснил: «Хотя Вы ложечку из стакана вынули, но глаз-то все равно зажмуриваете, привычно опасаясь наткнуться на нее».

Так что, с ложечкой или без, но традицию надо хранить. В нашей Североморской епархии мы успешно движемся в этом направлении. На флоте также эта традиция крепнет. Слава Богу, и в поездах дальнего следования вновь появились подстаканники, в том числе нового хорошего дизайна.

Чаепитие – это прежде всего беседа по душам. Это прекрасный предлог и подходящая возможность. В США, например, эта культура чаепития напрочь отсутствует, равным образом и не случайно также отсутствует традиция разговора по душам. Когда в США спрашиваешь о чае, то тебе дают что-то в стакане со льдом с трубочкой. Заварной чай там – невероятная экзотика, и его можно найти лишь в специализированном китайском магазине. Чай в пакетиках встречается, но спросом практически не пользуется.

Горшков и навигационные сумерки

Именно благодаря адмиралу Касатонову я имел возможность близко пообщаться с такой грандиозной фигурой XX века, как Главком ВМФ адмирал флота Советского союза Горшков С.Г.

Все говорили, что Касатонов «крестник» Главкома. Так, собственно, оно, видимо, и было. Такое понятие бытовало и в советское время. Так, например, я считался «крестником» адмирала Рутковского В.И., в годы войны командовавшего Керченской ВМБ.

В описаниях событий жизни адмирала Горшкова можно встретить упоминание важного для него эпизода из Великой Отечественной войны, а именно обстоятельств его знакомства с маршалом Жуковым Г.К., и того важного урока, который Сергей Георгиевич затем пронес через всю жизнь.

Я не знаю, на какие источники опирались авторы иных публикаций, но в них явно отсутствуют принципиальные подробности того случая из жизни Главкома. Я же эту историю слышал непосредственно из уст Касатонова, так как ее рассказал ему его «крестный». Командующий флотилией подробно привел этот рассказ на совещании с командирами как пример того, что значит для офицера полученный «приказ» и как его следует исполнять.

Это был август 1944 года. Маршал Г.К. Жуков заслушивал решение командующего 3-м Украинским фронтом генерала армии Ф.И. Толбухина по действиям сил в Ясско-Кишиневской операции. На этом совещании присутствовал и командующий Дунайской флотилией контр-адмирал Горшков, поскольку флотилия была придана 3-му Украинскому фронту.

Командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов докладывает обстановку Главкому Северо-Кавказского направления маршалу С.М. Буденному. Справа мой крестный – представитель наркома ВМФ капитан 1 ранга В.И. Рутковский. Июнь 1942 года

Совещание уже заканчивалось, когда Жуков неожиданно спросил: «А что это за моряк там сидит и ничего нам не докладывает?» Горшков встал и представился маршалу. «А чем нам может помочь Ваша флотилия?» – саркастически спросил Жуков, явно не симпатизируя ни этому «моряку», ни флоту в целом. Горшков стал что-то отвечать про готовящийся десант и про поддержку наступления огнем с кораблей флотилии. Жукову все это не нравилось: «Вот Вам приказ: до конца дня, до завершения сумерек перебросьте через реку силами флотилии две танковые бригады¹. Вопросы есть?» Горшков попытался сказать, что в его распоряжении нет таких плавсредств, но Жуков, не обращая больше на него внимания закончил совещание.

Сергей Георгиевич вернулся к себе в штаб флотилии в полном замешательстве. Были вызваны офицеры штаба, командиры соединений флотилии. Была объявлена задача и всем предложили высказаться. Но флотские специалисты впадали в ступор перед такой загадкой. Из реальных плавсредств в распоряжении Командующего была бригада бронекатеров, всего 35 единиц. Но танки на катера, естественно, не загрузишь. Вспомнили еще про трофейные румынские баржи, но их отправили с грузом. Вскоре, однако, послышался гул моторов: танковые бригады вышли на побережье, готовые переправляться на тот берег. Но решение в голову не приходило.

Тем временем приближался вечер, и очень скоро в кабинет Командующего вошли офицеры НКВД. Старший из них, полковник, обратился к Горшкову: «Вы Командующий флотилией? Вы арестованы, следуйте за нами. Вы не выполнили приказ маршала Жукова». Сергей Григорьевич как можно спокойней сказал: «Приказ товарища Жукова будет выполнен, время еще не вышло». «Вы имеете в виду наступление сумерек? – спросил офицер. – Но они сейчас уже наступят, так что не будем тянуть время. Собирайтесь».

Казалось бы, ничего нельзя было уже исправить, и, возможно, не было бы у нашей страны выдающегося Главкома, если бы не удивительная жизненная хватка Сергея Георгиевича. «Товарищ полковник, – с видимым спокойствием произнес Горшков, – я видел, Вы присутствовали на совещании и хорошо слышали, что речь шла именно о сумерках. И задача эта

¹ Согласно Указу ГКО от 1 января 1942 года, в состав танковой бригады входило порядка 100 танков.

ставилась флоту. Так вот, на флоте действует иное понимание слова “сумерки”. Флот живет по “навигационным сумеркам”, которые отличаются от гражданских».

Полковник явно не ожидал такого заявления, а Горшков тем временем, раскрыв словарь флотских терминов, громко зачитал: «Навигационные сумерки представляют собой период времени после заката и перед восходом Солнца». Полковник некоторое время молча смотрел на Горшкова и потом произнес: «Что ж, хорошо, мы здесь посидим, подождем ВАШИХ сумерек». И мрачная группа расселась в кабинете Командующего.

Все выбежали на улицу. «Командиры кораблей, слушай мою команду! – кричал Горшков. – Срочно катера соединять парами – делаем катамараны. Леера завалить, направляющие для “катюш” с юта – демонтировать. Танки загоняем на юты спаренных катеров. Исполнять!» Тут подбежал комбриг¹ и обратился: «Товарищ Командующий, так сомнут сейчас танки катера, все корабли из строя выведем». Горшков схватил комбрига за грудки: «А ты что мне предлагаешь – руки за спину? На мое место метишь!?» Однако комбриг не дрогнул: «Да я, если надо, с Вами вместе пойду под трибунал! Нам ведь на этих катерах завтра в атаку идти. Предлагаю: дома, что на берегу стоят срочно раскатать по бревнам и уложить их настилами на катера». Горшков отпустил китель комбрига: «Прости, Павел Иванович, сам видишь, что творится. Молодец, хорошая идея. Бери всех, штабных, хозвзод, всех на разборку домов!»

К утру двести танков оказались на другом берегу Дуная. Через десять лет Сергей Георгиевич станет Адмиралом Флота Советского Союза, Главнокомандующим ВМФ – заместителем Министра обороны СССР. И он пробудет в этой должности целых тридцать лет, создав небывалой мощи океанский флот СССР.

«Красный Кавказ»

Уникальность Сергея Георгиевича состояла еще в том, что, будучи успешным военачальником военного времени, он сумел в полной мере реализовать себя и во времена мирные. Это удавалось далеко не каждому.

¹ Капитан 3 ранга Державин П.И., герой Советского союза (1944 г.).

На фото 1967 года видно, как все изменилось. Член Политбюро ЦК КПСС, Главнокомандующий ВМФ СССР, адмирал флота Советского Союза Горшков С.Г. на трибуне мавзолея. Из-за его плеча выглядывает маршал Жуков Г.К.

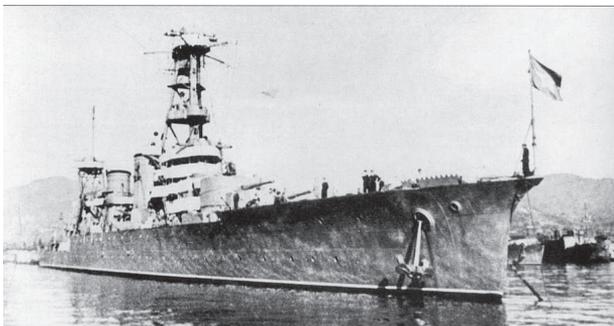
Хорошо известно, что мало кто из именитых довоенных военачальников, являвшихся непререкаемыми авторитетами и символами Красной Армии, сумели подтвердить свой полководческий талант во время самой войны. И наоборот, «Жуковы» и «Кузнецовы» вызревали именно на войне, а в мирное время они неизбежно становились лишними, не вписываясь в новые подходы и приоритеты военной службы.

В этом смысле вспоминаю историю, которую нам рассказывали старые офицеры-преподаватели кафедры тактики ВМФ во время учебы в ВВМКУ им. Фрунзе. Не берусь судить, насколько она достоверна и что в ней правда, а что легенда или просто флотская байка.

Во время Великой Отечественной войны на Черноморском театре военных действий особо отличился крейсер «Красный Кавказ». Он всю войну был на острие боевых задач, стоявших перед флотом, и при этом всегда с честью их выполнял, за что первым на Черноморском флоте был удостоен звания гвардейского корабля. Получая массу тяжелых повреждений, он всегда выходил победителем, и порой было даже непонятно, как этому кораблю в очередной раз удастся выжить и остаться на плаву. Бывало, что в результате страшных пробоин осадка корабля увеличивалась на пять метров, и палуба до четвертой башни уходила под воду, но он дотягивал до базы, ремонтировался и вновь воевал.

Конечно же, все это было возможно лишь благодаря высочайшему профессионализму командира и мастерству всего экипажа крейсера.

Но вот война закончилась, и возникли иные приоритеты, вытекающие из решений теперь уже учебно-боевых задач. Соответственно, наступили радикальные перемены в самой сути военной службы. Штабы, не имея больше реального противника, перестроились на новый лад и начали активно разрабатывать различные инструкции, рекомендации, директивы, методички и прочих ворох бумаг, доказывающих, что они нуж-

Гвардейский крейсер
«Красный Кавказ»

ны. Установился обычный и неизбежный ритм служебной жизни в мирное время. Так было и в годы моей службы, когда большая часть времени офицера уходила на заполнение журналов, составления перечней замечаний и планов по их устранению и прочую бумажную работу.

Точно так же после победного мая 1945 года интенсивный поток бумаг хлынул и в адрес командира крейсера «Красный Кавказ». Так вот, рассказывали, что этот боевой командир, получая очередной секретный и не очень пакет, вскрыв его, неизменно накладывал резолюцию: «Уничтожить». И такой своеобразный процесс ознакомления продолжался весьма немалое время. И вот наконец информация дошла до начальства, и на корабль прибыла проверка.

В ходе проверки состоялся примечательный диалог. На все вопросы проверяющих командиру о том, как же он будет поступать в той или иной ситуации, если он уничтожил все присланные ему инструкции и рекомендации, ответ командира был один: «Я объявляю боевую тревогу». И никакие вопросы проверяющих не могли заставить командира изменить свой ответ. Командир настаивал на том, что если расписание по боевой тревоге на корабле отработано, то экипаж готов выполнить любые задачи.

Кончилось тем, что было принято решение объявить командиру приказ о немедленном выходе в море для проверки действий экипажа. Можно представить, какова была подготовка экипажа крейсера, который в течение четырех лет непрерывно воевал на море с сильным и жестоким противником. Это был уникальный, можно сказать, золотой экипаж.

Все это высочайшее мастерство и то, как выглядит жизнь корабля, когда он является единым организмом, ясно увидели и проверяющие. Командиру объявили благодарность. И отправили на пенсию.

Вскоре, в 1947 году, туда же отправился и героический корабль.

Здание штаба флотилии

Кольская флотилия была организована в 1982 году. В 1984 году Главком уже приезжал проверить действия флота, и в частности Кольской флотилии, проведя масштабные учения в море. Тогда в целом он остался весьма удовлетворен увиденным уровнем готовности флота. Однако в 1985 году было объявлено, что Главнокомандующий ВМФ СССР прибудет непосредственно в г. Полярный и проверит главную базу Кольской флотилии. Сергей Георгиевич, надо полагать, хотел посмотреть, как за эти годы обустроился его «крестник», да, собственно, и попрощаться.

В стране явно наступали иные времена. К марту этого года последовательно скончались все бывшее партийное руководство страны, все поколение Главкома, соратники и ветераны: Л.И. Брежнев, К.У. Черненко, Ю.В. Андропов. Во главе страны встал молодой и амбициозный М.С. Горбачев. А заслуженному Главкому исполнилось уже 75 лет...

Получив эту информацию о визите, адмирал Касатонов организовал масштабную подготовку, мобилизовал все возможные силы, чтобы привести в порядок пункт базирования Полярный.

Комендантом штаба флотилии в это время был мой однокашник и близкий друг капитан 3 ранга Литвинский А.Ц. С его подачи, самым неожиданным образом, мне была поставлена задача, показавшаяся мне из области фантастики – провести ремонт фасада исторического здания штаба Кольской флотилии. При этом требовалось придать ему изначальный вид, который был задуман в 1935 году еще первым командующим Северным флотом, флагманом 1 ранга Душеновым К.И. Кстати, ходили

Генеральный секретарь ЦК
КПСС Л.И. Брежнев
и Главком ВМФ СССР
Горшков Г.К.

Осмотр здания штаба флотилии проводит Командующий флотилией контр-адмирал Касатонов И.В. На снимке справа автор, слева – комендант флотилии Литвинский А.Ц. Полярный, 1985 год

слухи, что как раз эти знаменитые «душеновские» строения Полярного, отличавшиеся особым изяществом и неожиданным для флотских гарнизонов архитектурным классицизмом, позже упоминались в его расстрельном деле 1940 года.

Так что «друг Сашка», не сомневаясь, подставил меня, рекомендовав Касатову поручить эту работу именно мне: «Товарищ Командующий, не сомневайтесь – он справится!»

Смысл этого странного решения состоял в том, что если эту работу поручить профессиональным военным строителям, то они, делая все, как положено, – все загубят. И в срок (весьма короткий) никогда не уложатся. Здесь нужен был дух авантюризма и полный непрофессионализм. Я морской офицер и командир корабля, к вопросам строительства никакого отношения не имел, то есть в полной мере отвечал этим требованиям. И в полном недоумении я приступил.

Разыскали изначальный архитектурный проект здания. Нашли его цветные изображения конца 30-х годов и увидели, что здание тогда выглядело очень красиво благодаря продуманной раскраске. Позже, в эпоху «развитого социализма», все, включая богатую лепнину, было замазано одним серым цветом.

Нашли строительные леса. Здание имело четыре по-старому высоких этажа, и если кто грохнется с такой высоты, «посодют» меня. Как крепить леса к стенам, мне было непонятно. К своему изумлению и радости, я сделал «открытие» – оказалось, что здание по всей высоте стен имеет специальные металлические петли для их крепления. Стало веселее. Выписали на шкиперских складах необходимые корабельные краски. Все шло по плану.

Командующий был доволен и тут же вручил мне еще небольшой «довесок». «Флотилия, как Вы знаете, – произнес Игорь Владимирович, глядя на установленные нами леса, – награждена орденом Красного Знамени. Так вот, на фасаде здания надо разместить полную копию этого ордена. Изготовьте – большую, металлическую».

Естественно, я ответил: «Есть, товарищ Командующий!» и попросил выдать мне на время этот орден, чтобы показать его моим матросам. Получив из секретной части орден, я шел на корабль, когда ко мне подошел боцман с вопросом: «Прежде чем начать дом красить, надо как-то стекла на окнах заклеить». «Так заклеивайте, – ответил я, занятый мыслями об «ордене», – возьмите газеты и заклеивайте». «А на что клеить? – не унимался боцман. – Может, клей взять канцелярский?» И тут я совершил страшную ошибку. До конца не вникнув в суть его слов, я ответил: «Боцман, время идет! Иди покупай все, что нужно, заклеивай окна и начинайте покраску».

Экипаж работал дружно, и вскоре покраска была закончена. Здание выглядело просто как игрушка.

Тайна силикатного клея

Вечером Командующий устроил смотр всех объектов, предполагаемых к осмотру Главкомом. Покраска здания была закончена, и хотя оно еще стояло в лесах, было понятно, что ремонт удался на славу. Явно к месту оказались и «сорокапятки» – корабельные пушки времен войны, которые стояли на катерах Дунайской флотилии во времена военной юности Главкома. Их нашли на артиллерийских складах и поставили при входе в штаб.

Командующий был доволен, особенно после того, как два моих матроса вынесли на причал для осмотра сияющую на солнце копию ордена. «Очень хорошо, – с явным удовольствием произнес Касатонов, – молодцы, крепите его на фасад, и пора уже снимать леса».

Идут работы по ремонту здания штаба. Фото 1985 года

Копия ордена Красного Знамени на фасад здания штаба Кольской флотилии. 1985 год

Я подозвал боцмана: «Слышали, товарищ мичман, пора леса снимать. Почему стекла от газет не отчистили? Чего тянете?» Боцман как-то странно молчал и нехорошо отводил глаза в сторону...

Вскоре открылась страшная реальность. Газеты к стеклу приклеились навсегда, можно сказать, на века, и удалить их с окон было абсолютно невозможно. Просто исключено. Что мы только ни придумывали, и разные самые сильные растворители, и страшные кислоты – все без толку. Думали о полной замене стекол, но оказалось, что оконные пакеты делались явно вручную, и размеры их абсолютно разные, да и времени на это у нас уже не было.

Я по телефону вышел на завод-изготовитель канцелярского силикатного клея. В СССР других клеев для бумаги не производилось. Связался с их хим. лабораторией. Ответ был ужасающим. Силикатный клей есть одна из форм существования оконного стекла. По сути – жидкое стекло. Клей, нанесенный на стекло, становится с ним одним целым, и разделить их после высыхания невозможно. Это была катастрофа.

Встреча Главкома ВМФ СССР на Адмиральском причале Кольской флотилии. На переднем плане автор с кинокамерой

Я собрал экипаж и, предупредив о секретности этой информации, рассказал о сложившейся ситуации. Честь корабля и всего экипажа была под угрозой. Коллективным разумом было решено: собрать по кораблям все возможные электродрели и установив щетки-карчетки, приступить к механической чистке стекол. Работа шла в основном вечерами и ночью, дабы никто не догадался о нашей проблеме. Хорошо, что стоял полярный день.

В результате газетную бумагу нам удалось удалить, но сам мутный матовый слой клея, намазанный на стекла, по-прежнему придавал окнам жуткий вид. Вскоре мне позвонил дежурный по штабу и передал приказание Командующего за ночь вымыть окна и утром начать снимать леса. Я понял, что это конец.

Оставался самый последний вариант. Построив экипаж по «Большому сбору», я сделал небывалое объявление: «Тот, кто к утру удалит клей с окон здания штаба, тут же убудет домой в отпуск поощрению». Здесь надо пояснить, что аргумент этот был очень сильный, поскольку в те времена, когда на флоте служили три года, желание матроса побывать дома было запредельным. Однако отпуска давали крайне редко, и мало кто из личного состава их удастаивался. Всегда были какие-то замечания,

проступки, нарекания... Надо было выходить «наверх», согласовывать, доказывать и прочее, и прочее. Так что экипаж с построения разошелся в глубоких раздумьях. Но и с блеском в глазах.

Я же шел домой совершенно подавленный, понимая, что шансов нет, поскольку чуда просто не произойдет. И что завтра наступит «судный день».

Однако я ошибался, недооценив советского матроса. Утром, подходя к злополучному зданию штаба, я боялся поверить своим глазам. Окна сияли девственной чистотой, и более того – удивительно переливались в утренних солнечных лучах. Это было просто чудо.

На причале стояли два моих подчиненных: старшина 2 статьи и старший матрос в наглаженной форме №3. То есть всем своим видом показывая готовность убыть в отпуск. Я, естественно, стал допытываться, как же это им удалось. Но не тут-то было: они категорически отказывались отвечать и лишь просили вручить им обещанные отпускные билеты. «Товарищ командир, пожалуйста, – загадочно говорили «чудотворцы», – когда мы уедем, Вам все расскажут».

Я, конечно же, сделал все, чтобы исполнить наш уговор, и срочно оформил им отпускные билеты. Бойцам выписали проездные документы, и они убыли в отпуск по поощрению «на десять суток плюс дорога». Лишь после этого ко мне подошел боцман и раскрыл суть той удивительной тайны. Стекла просто покрыли бесцветным лаком «цапон». В результате силиконовый клей, который по сути есть обычное стекло, только неполированное и царапанное щетками, приобрел прозрачность и приятный блеск. Что, собственно, и требовалось.

Естественно, спустя какое-то время после отъезда Главкома, под воздействием погодных условий, этот лак сошел и вид вновь стал неприглядный. Тогда было принято решение о замене стекол в кабинетах. А позже и во всем штабе провели полную замену оконных пакетов. Но все это было много позже, в другой стране и при других Командующих и командирах...

Визит Горшкова

Во время того визита Главкома я напросился провести киносъемку. Увы, эту историческую пленку мне загубили при проявке в питерской фотолаборатории. Не секрет, что весь бытовой сервис в те времена «раз-

Адмирал флота Советского Союза Горшков С.Г. и Командующий Кольской флотилией контр-адмирал Касатонов И.В. со своим штабом на заслушивании Решения на развертывание сил Кольской флотилии. Фото 1985 года

витого социализма» был такого жуткого уровня. Тем не менее, я имел возможность сопровождать Горшкова и присутствовать в штабе на заслушивании решения Командующего Кольской флотилией.

Горшков, конечно, был уже весьма стар. И временами производил впечатление недовольного дедушки, отягощенного долгими годами жизни и физическими немощами. На докладе, который делал начальник оперативного управления, Главком сидел едва ли не спиной к громадной схеме, отражающей решение на развертывание сил и средств флотилии. Сергей Георгиевич неспешно отпивал чай из стакана с подстаканником и, казалось, не слишком вникал в суть доклада. За все время он единственный раз повернулся к схеме, ненадолго задержался на ней взглядом и продолжил отхлебывать свой чаек.

Доклад был закончен, и Горшков спросил, есть ли у кого вопросы. Вопросы никто не задал. «Ну тогда у меня будут вопросы», – произнес Сергей Георгиевич, и так же, не поворачиваясь к карте, начал разбор. Вскоре стало понятно, что такое высочайший профессионализм, и как выглядит Главком проведший в этой должности тридцать лет, и что он все не «дедушка».

Вопросы Сергей Георгиевич задавал приблизительно на таком уровне компетентности: «Вот у вас там, в районе Варангер фьорда, у мыса Немецкий, обозначена лодка в надводном положении, при этом дальность действия норвежской ПКР “Пингвин” 20 километров. А в базе Вардё, как я помню, находится восемь сторожевых катеров типа “Сторм”. Что останется от этой вашей лодки?»

Но все равно в целом Главком остался доволен и поставил оценку «хорошо».

Сергей Георгиевич скончался через три года.

Свидетельство о Свете

Почему я, епископ Православной Церкви, почитал необходимым рассказать об этих людях, являвшихся важной частью безбожной государственной системы? Думаю, не только потому, что они оставили яркий след в моем сердце как достойные примеры военно-морского профессионализма. Я пишу о них потому, что, кем бы они ни были, это поколение моих родителей и других у меня уже не будет. И нет у меня права их судить, и *«открывать наготу отца своего»* (Лев.18,7).

Мы не знаем, что в душе человека. И в жестоком разбойнике, висящем на кресте рядом со Христом, вряд ли кто мог распознать первого жителя Райских обителей.

Несчастное, обманутое поколение наших предков.

Я беседовал со своим тестем, полковником, который всю Великую Отечественную прошел комбатом. Он однозначно говорил: конечно, никто не шел в бой «за Сталина» или «за Политбюро». Перед атакой вспоминали Господа и просили: «Спаси и сохрани!» И очень желали, чтобы все сложилось, как в той песне: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой». Такой была суть духовного состояния нашего воина даже во времена безбожия. Понятно, что было и поругание, и богохульство, и атеистическая пропаганда. Но когда вопрос вставал о жизни и смерти, то человек поднимал в душе самые основы своего мировоззрения – а они оставались православными.

И главная задача сейчас состоит не в обличении тех, кто все еще пребывает вне Церкви, на территории России, духовно разоренной XX веком, а в указании доброго примера иной жизни. Сегодня для тех, кто уже уверовал, нет более важной миссии чем *«свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали»* (Ин.1,7).

Нет сомнений, что на сегодня это самая важная работа. На каждом верующем, и особенно на священнике, лежит огромная ответственность – не разочаровать тех, кто пока что со стороны, но с надеждой глядит на нас. И перед нами стоит сложнейшая задача: показать миру, что есть иная жизнь, и это жизнь Вечного Света. Что есть великая бесконеч-

ность блаженной жизни во Христе. И что это и есть самая великая цель, и что в жизни нашей есть смысл. И только ради этой великой цели стоит жить и не страшно умереть.

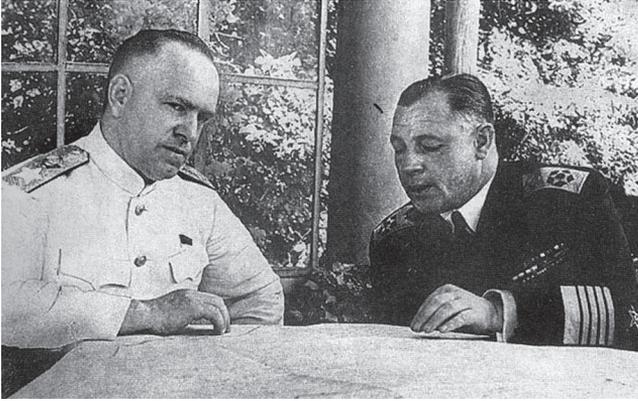
До недавнего времени мне регулярно звонил один адмирал, под началом которого я служил в своей прошлой жизни. Он в свое время занимал весьма высокую должность и относился ко мне, можно сказать, с отеческой любовью. Узнав про мое новое служение, он вначале был несколько разочарован и не мог понять, зачем я это сделал. Тем не менее, ему были очень интересны подробности произошедшего. Он расспрашивал меня про мою новую жизнь, а узнав про мою писательскую деятельность, просил присылать ему мои книги, которые с интересом потом читал.

Так вот, со временем, о чем бы мы с ним ни говорили, он неизменно задавал мне один и тот же вопрос: «Ну скажи мне, ты действительно веришь тому, чему теперь служишь? Ты абсолютно честен? Это действительно все существует?» Я, естественно, каждый раз очень серьезно подтверждал искренность своей веры. Я повторял, что тот мир, который открыл мне Господь, я ни на что не променяю и скорее умру, чем отрекусь от Него. Чувствовалось, что теперь он был очень доволен моими ответами и говорил, что очень рад за меня. Но, звоня в следующий раз, он вновь и вновь задавал мне эти вопросы, потому что ему было очень важно услышать это мое свидетельство.

Отдав всю жизнь флоту, советской стране и коммунистической идее, он не познал Бога, не открыл для себя мира христианской веры, но ему было достаточно моего свидетельства об этой вере и о том ином, неизвестном ему мире. Так он обретал покой в душе и постигал новый смысл в прожитой им долгой жизни. Не так давно он отошел ко Господу, но наши беседы, я думаю, не прекратились. Я теперь молюсь об упокоении его души и верю, что Господь вменит ему верное флотское служение и не оставит его Своей милостью в его новой вечной жизни.

ФЛОТ И «СУХОПУТНЫЕ»

Вспоминая военно-морской флот того времени, невольно вновь обращаешься к тем величайшим усилиям, которые прилагал Главнокомандующий С.Г. Горшков для создания океанского флота страны. Уровень его возможностей при руководстве флотом при советской власти можно признать уникальным для истории ВМФ СССР.

Маршал Жуков Г.К.
и Адмирал Флота Советско-
го Союза Кузнецов Н.Г.
Потсдам, июль, 1945 год

До него Военно-морской флот всегда имел печальную и пагубную историю неизменной зависимости от непрофессиональных решений как Руководства КПСС, так и Министерства обороны, состоящего из сухопутных чинов. Как с горечью вспоминал в своей книге Главком Кузнецов Н.Г.: «Жуков занимал антифлотскую позицию в деле строительства кораблей и этого даже не скрывал». Собственно, мы ранее приводили пример этого неприязненного отношения к флоту в случае с Горшковым на Дунайской флотилии.

Теперь же, после смерти Сталина, когда Хрущев вплотную занялся сталинским военно-морским наследием, маршал больше себя не сдерживал. С подачи Жукова Главком ВМФ адмирал флота Советского союза Н.Г. Кузнецов был снят с должности самым унижительным образом. Следом приступили к кораблям. Были отправлены на слом три тяжелых крейсера типа «Сталинград» (проект 82), которые, по сути, были настоящими линкорами. Следует заметить, что в США, например, подобные корабли (линкоры типа «Айова») дослужили до 90-х годов и, перевооруженные КР «Томагавк», ПКРК «Гарпун» и прочим современным вооружением, активно участвовали в военных действиях, в том числе на Ближнем Востоке.

Очередной приступ волюнтаризма, вызванный эйфорией, охватившей руководство страны, от перспектив в развитии ракетного вооружения, привел к новым тяжелым последствиям для флота. В 1959 году сразу семь крейсеров проекта 68-бис были сняты со ступеней заводов и отправлены на слом. И это несмотря на то, что степень их готовности к приемке ВМФ составляли от 30 до 80 %.

Флот на такие бездарные решения и удивительную некомпетентность руководства отзывался анекдотами. «Генерал танкового соединения проводит собрание офицеров: “Товарищи офицеры, в ближайшее время к нам поступят новые приборы наведения, будем их устанавливать на танках. Вопросы есть?” Молоденький лейтенант, поправив очки, задает вопрос: “Товарищ генерал, а приборы будут на лампах или на полупроводниках?” Генерал снисходительно и терпеливо по-отцовски разъясняет: “Повторяю еще раз, для особо тупых, – приборы будут на танках!”»

Как иллюстрацию того, что эти шутки были не далеки от истины и сочетались с ярко негативным отношением к флоту со стороны таких генералов, приведу здесь историю, которую любили вспоминать офицеры нашей бригады противоминных кораблей, еще заставшие времена гонений на флот.

В Полярный на дивизию ОВРа прибыла очередная проверка Министерства обороны по плану реформирования флота – группа высших сухопутных чинов в сапогах и красных лампадах на галифе. Все поднялись в здание штаба, а один из генералов решил сразу «идти в войска», разобратся с флотом сейчас же и непосредственно. Ближайшие корабли стояли на 13 причале, тогда это был 55 дивизион базовых тральщиков.

Увидев грозно приближающегося целого генерала армии, дежурный по дивизиону подбежал к нему с докладом. Подбежали и те, кто был рядом из дивизионных специалистов. Не слушая докладов, крайне недовольный генерал презрительно махнул на дежурного рукой и пошел прямо к кораблям. Долго молча на них смотрел и наконец произнес: «Ну и зачем нам эти корабли? Какая от них польза?» (Мы здесь, естественно, приводим в печатной редакции его речь). К этому времени успел подбежать запыхавшийся комдив и сходу доложил: «Товарищ генерал армии, данные корабли предназначены для борьбы с минами». У генерала округлились глаза, он уставился на комдива, затем медленно обвел всех собравшихся гневным взглядом. Было понятно, что он, наконец, сейчас все для себя понял. Он с брезгливым презрением покачал головой и произнес: «Мины? В море?», ярко представив себе армейские мины, лежащие на дне моря...

Было видно, что этот обнаруженный им страшный обман не дает ему даже подобрать нужных слов. Слегка успокоившись и взяв себя в руки, он подошел вплотную к комдиву и произнес: «Какие, на..., мины? Эх вы, обманываете вы народ!» И, плюнув, повернулся и зашагал в штаб на доклад.

Надо сказать, эта фраза осталась в памяти всех северных корабельных минеров на века. И когда, уже много позже, на вновь сформированной 5 бригаде противоминных сил флота шли планирования минных постановок, непременно кто-нибудь вворачивал: «И вообще, какие, на..., мины, обманываете вы народ!»

Бегом – марш!

Придя на Северный флот лейтенантами в середине 70-х годов, мы еще застали прежнее поколение офицеров и прежний флот, доживающий свой век, так и не удостоившись должного внимания со стороны государства.

Пожалуй, в наибольшей степени это касалось противоминных кораблей, куда порой списывали «неперспективный» состав всех категорий военнослужащих. Было много офицеров, выросших из мичманов, из сверхсрочников, из гражданских лиц с переподготовкой. В общем, тех, кто не имел высшего военного образования и при общении с которыми невольно вспоминалась известная строка из песни В. Высоцкого: «Капитан, никогда ты не будешь майором».

При этом следует признать, что эти люди, пережившие хрущевские сокращения, жесткие реформы и иные печальные перипетии, обладали удивительной жизненной хваткой, какой-то «мужицкой» смекалкой и огромным практическим опытом.

В этой связи вспоминаю одного из той плеяды, командира БЧ-5 базового тральщика капитана-лейтенанта Великохатко. Это был сложившийся «дед», прошедший все и вся и временами впадавший в запой. При этом, как часто бывает при таком недостатке, был он «механик от бога», потому его терпели.

Не могу не привести забавный эпизод, характеризующий людей того поколения. Наша бригада противоминных сил была поднята по учебно-боевой тревоге – шла проверка норматива развертывания корабельных тральных групп с целью обеспечения выхода атомных подводных лодок из Кольского залива. Оповещение офицерского состава прошло успешно, и все, дружно прибежав из дома, заняли свои боевые посты, и, как поется: «пары подняли боевые корабли».

Командир бригады уже поднялся на мостик флагманского корабля и принимал доклады командиров кораблей о готовности к отходу от причалов. Но тут поступил доклад: «Товарищ капитан 1 ранга, не прибыл

командир БЧ-5 капитан-лейтенант Великохатко». Комбриг потемнел, подозревая в очередной раз неладное. И вдруг все закричали: «Идет, идет Великохатко!» И действительно, свесившись с мостика, комбриг увидел неспешно идущего по дальним мосткам причалов злополучного механика. Схватив мегафон, комбриг гневно закричал: «Великохатко – бегом!» Великохатко энергично закивал головой, всем своим видом показывая, что хорошо слышит комбрига и понимает всю меру своей ответственности, но, тем не менее, продолжал идти шагом. Комбриг аж позеленел и еще яростнее закричал в мегафон: «Я сказал – бегом на корабль!!! Я приказываю – бегом!!!»

Механик с полной готовностью закивал головой, даже помахал рукой, но продолжил идти шагом. Увидев это поведение небывалой дерзости, командир бригады страшно замолчал. Играя желваками, он внимательно следил, как механик заходит на корабль и поднимается на мостик. «Почему Вы не выполнили мой приказ? – с трудом сдерживая себя, произнес комбриг. – Вы слышали, что я Вам командовал – бегом!» «Так точно, приказ Ваш слышал и сразу же его выполнил, – не моргнув глазом, отвечал механик, – я выполнил команду «бегом», но команды «марш!» так и не поступило». Комбриг молча слушал, вникая в суть этих слов, и вскоре, просветлев, усмехнулся: «Бегом в БЧ-5! Командир, отходим!»

Для тех, кто далек от воинской службы, следует пояснить, что, согласно Строевому уставу, «команда разделяется на предварительную и исполнительную». Например, «Шагом – марш!», или «Товсь – пли!», или «На пле – чо!» Так же и команда «Бегом», согласно Уставу, есть команда предварительная. Услышав ее, военнослужащий должен «корпус слегка подать вперед, руки полусогнуть», что, собственно, каждый раз добросовестно исполнял Великохатко. И лишь по команде «Марш!» начинается собственно бег.

По поводу того, почему старый механик не побежал и должен ли вообще офицер бегать – вопрос открытый. Все же, пожалуй, офицеру подобает вести себя солидно, сохраняя достоинство, в связи с чем не могу не вспомнить сделанное мне как-то замечание. Я проходил переподготовку на офицерских курсах «Выстрел» в Подмоскovie. Пожалуй, следует привести здесь полное название этого учебного заведения, отражающее, наверное, целую эпоху: «Высшие офицерские орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменные курсы «Выстрел» имени Мар-

Министр обороны СССР маршал Гречко и Главком ВМФ СССР Адмирал Флота Советского Союза Горшков С.Г. Фото 1972 года

шала Советского Союза Б.М. Шапошникова». Так вот, как-то направляясь в Москву после занятий, я пробежался по перрону ж. д. станции Солнечногорск, дабы успеть сесть на электричку. Шедший со мной возрастной майор, неспешно зайдя после меня в вагон, сев рядом, негромко заметил: «Бегущий майор в мирное время вызывает недоумение, а в военное – панику».

Надо сказать, именно с наших лейтенантских выпусков середины 70-х годов на флоте началась радикальная смена настроений. На все флота и флотилии пришло небывало большое количество выпускников военноморских училищ. Это масштабное прибытие молодых офицеров всех специальностей стало для сложившейся старой команды явной неожиданностью и предметом ревности. Для нас же это старое флотское поколение явилось источником, скорее, чисто практического, житейского опыта, поскольку теоретическая база и интеллектуальный потенциал у нас были явно выше.

Вскоре началось и активное поступление на флот кораблей новых проектов, в том числе и противоминных. Наступала эра океанского флота СССР, возглавляемого Главкомом флота С.Г. Горшковым.

Мощь и бессилие

В этом смысле время руководства флотом Горшковым можно признать «золотым веком». Будучи еще с войны, со времен командования Новороссийским оборонительным районом и Азовской флотилией,

в личных добрых отношениях со всемогущим Генсеком Л.И. Брежневым и с Министром обороны маршалом Гречко А.А., Горшкову впервые удалось добиться уважительного и временами приоритетного отношения к военно-морскому флоту.

При нем был создан самый мощный за всю историю страны океанский ракетно-ядерный Военно-морской флот. Стали возможными длительные боевые службы кораблей в оперативно важных районах Мирового океана, а также формирование целых оперативных эскадр, непрерывно действующих в Средиземном море, Атлантическом, Тихом и Индийском океанах. Это были просто небывалые достижения.

В то же время, сама система жизни советского государства и принципы руководства в стране тяжелым грузом ложились на общую ситуацию и неизбежно порождали массу пагубных проблем.

Одним из главных недостатков, допущенных (а точнее, попущенных) в период руководства Горшкова, являлся тот факт, что флот подчас строился, не ориентируясь на оптимальную и разумную достаточность. Решения на строительство принимались по итогам лоббирования своих интересов представителями мощного военно-промышленного комплекса СССР. В результате было создано громадное количество разнотипных кораблей и лодок, просто изобилующих самыми разнообразными моделями, по сути, однотипных систем вооружения, многочисленными модификациями средств радиоэлектронного и прочего оборудования.

Каждое НИИ, КБ, завод стремились получить личный заказ на производство вооружения своей разработки, что, соответственно, позволяло «осваивать» весьма приличные деньги из бюджета. Очень часто эти новые изделия были, как говорится, «сырыми». Доведение их «до ума» особого энтузиазма не вызывало и не являлось приоритетной задачей разработчика. Деньги-то уже были потрачены, и много интереснее было получить новый заказ и разрабатывать новое изделие. В результате флот погрязал в неисправностях и выкручивался, как мог, своими силами.

В этой связи вспоминаю забавный эпизод, произошедший при очередной проверке Министерством обороны хода освоения на флоте новых образцов вооружения. В 1976 году был принят на вооружение зенитно-ракетный комплекс «Волна-П». В Полярном на одном из малых противолодочных кораблей типа «Альбатрос» командиром БЧ-2 служил мой однокашник лейтенант Сашка Побойня, в заведовании которого этот комплекс как раз и находился. Группа высших чинов министерства реши-

ла лично ознакомиться с состоянием дел, для чего чиновники прошли на корабль прямо в пост управления новейшего ЗРК «Волна-П».

Мой друг, встретив их на посту, бодро представился: «Товарищ генерал! Командир ракетно-артиллерийской боевой части лейтенант Побойня». Бравый лейтенант явно понравился проверяющему, и тот потечески спросил: «Так это в Вашем заведовании находится наш новый комплекс?» «Так точно, в моем, товарищ генерал!» – как можно более молодцевато ответил Александр. «Ну, а нравится ли Вам этот комплекс?» – продолжил беседу генерал. «Так точно, очень нравится, очень хороший комплекс», – не моргнув глазом, ответил командир БЧ-2.

Генералу явно понравился ответ, и он, довольный переглянувшись с окружающими, продолжил: «А есть ли лично у Вас, товарищ Побойня, замечания по работе этого комплекса?» Это был самый трудный вопрос, но и тут Сашка не растерялся и ответил единственно возможным образом: «До момента включения замечаний по работе комплекса нет!» Генерал несколько насторожился и затем осторожно спросил: «А после включения?» «А после включения – комплекс не работает!» – столь же молодцевато завершил анализ хода внедрения нового комплекса лейтенант Побойня.

Каждый, кто служил в то время, помнит: если предстояли ответственные учения, стрельбы, пуски и тому подобное, то непременно вызывались представители завода-изготовителя. Только с их помощью приводилось в рабочее состояние то или иное оборудование или оружейный комплекс и только с ними корабль мог выйти в море для их удачного боевого применения.

Собственно, поэтому в списке погибшего экипажа АПЛ «Курск» оказались два гражданских специалиста НИИ «Гидроприбор» из г. Каспийска (Дагестан), которые должны были обеспечить так и не состоявшуюся тогда стрельбу 650-мм торпедой.

Можно, конечно, назвать массу и иных тяжелых проблем в жизни флота. Здесь и неготовность обеспечить качественное снабжение и ремонт постоянно растущего флота, устаревшие береговая инфраструктура и причальный фронт, и полное отсутствие планов по утилизации отслуживших кораблей, и особенно АПЛ. Что касается отношения к людям, к семьям, к условиям их жизни, то оно всегда оставалось в русле общепринятой и безжалостной советской идеологии. Эти вопросы никогда не были и быть не могли в числе приоритетных у руководства КПСС.

Точку в этом бездушном отношении к людям, посвятившим себя служению Родине, поставил лишь В.В. Путин, посетив после трагедии «Курска» поселок Видяево и увидев позорные условия жизни семьи погибшего командира атомного подводного ракетоносного крейсера. По его инициативе была принята «Федеральная программа строительства жилья для военнослужащих», которая впервые реально изменила ситуацию.

«Мертвые срама не имут»

Об этой проблеме бесчеловечного отношения к людям в «стране победившего социализма» мне довелось поразмышлять, когда еще мой отец, капитан 1 ранга Баданин В.А., писал книгу своего долга перед погибшими друзьями-подводниками¹.

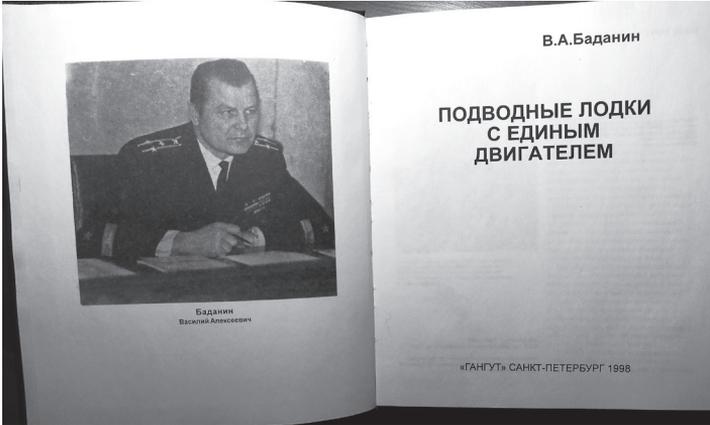
В книге шла речь о многочисленных авариях и катастрофах, сопровождавших службу отца на подводных лодках, особенно в 50-е – 60-е годы, когда пытались решить сложнейшую задачу по созданию дизельной подводной лодки с надежным «единым двигателем»². В этом рискованном процессе испытаний и освоений постоянно находился мой отец. При этом регулярно гибли его друзья, и отец по долгу службы на аналогичных лодках неизменно входил в состав государственных комиссий, занимавшихся расследованием причин произошедшего.

Как бы дико это ни прозвучало, в советские времена ложь являлась нормой, узаконенной на государственном уровне. Кроме того, человек как таковой считался предметом, мягко говоря, второстепенным в сравнении с той глобальной коммунистической идеей, которой была подчинена вся жизнь советского общества. И успешное претворение в жизнь этого обольстительного миража мы должны были видеть в грандиозных свершениях страны на каждом шагу, невзирая на людские потери.

Потому во всех авариях виновным непременно должен быть обвинен конкретный нерадивый исполнитель, прежде всего командир и ряд его подчиненных, и лучше, если из числа уже погибших. И ни в коем случае речь не должна идти о конструктивных недостатках, неверных инженерных решениях или ошибочных научных установках, заложенных в данный проект лодки, которые, собственно, и привели к гибели личного со-

¹ Баданин В.А. Подводные лодки с единым двигателем. СПб, изд. «Гангут», 1998. 288 с.: ил.

² Единый двигатель – концептуальная идея идеального двигателя подводной лодки. Такой двигатель может использоваться одновременно как для ее надводного, так и для подводного хода.

става. Это было исключено, поскольку косвенно могло бросить тень и на верность самого курса, проводимого коммунистической партией, и зародить сомнение в «неотразимом» утверждении вождя: «учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Отец же считал своим долгом твердо отстаивать честь и достоинство своих товарищей, как живых, так и погибших. Это вызывало крайнее раздражение членов комиссии, и на него оказывали давление, вынуждая отказать от этого «особого мнения». Будучи очень ранимым человеком и все пропускаая через себя, он мучительно страдал, но, тем не менее, оставался честен и непреклонно стоял на своем. При этом внешне, чаще всего, он казался невозмутимым. Выглядел выдержанным, деликатным, и если высказывался, то без сильных выражений, просто и ясно. Но при этом сильнейшие и глубокие внутренние переживания просто разрушали его, делая эти нагрузки недопустимыми.

К концу своей службы и уйдя в запас, отец продолжал ежедневно работать за пишущей машинкой и писать книгу, ради которой, Господь и оставил его жить среди тех многочисленных смертей вокруг. Тридцать лет отец ждал, когда будет снят гриф секретности с материалов расследований всех тех трагических событий, чтобы наконец рассказать правду о том, как героически боролись и как погибали его друзья. При этом книга являла собой и глубокое научное исследование. Помимо всестороннего анализа пройденного пути и развития идеи дизельных подводных лодок, в книге отстаивается дальнейшая перспективность этого направления развития подводного флота, предлагаются идеи и концепции будущего.

Презентация книги состоялась в 1995 году на бывшем Ленинградском адмиралтейском объединении. Вел презентацию генеральный директор «Адмиралтейских верфей» Александров В.А. «Когда состоялась презентация книги Василия Алексеевича “Подводные лодки с единым двигателем”, ставшей итогом его жизни, – рассказывала его жена Людмила Федоровна, – я была поражена тем, какой большой резонанс вызвал этот его труд. И речь шла не только о той огромной благодарности, которую искренне и со слезами выражали ему дети и внуки погибших героев-подводников, узнавшие наконец правду о героической кончине своих родных и близких. Речь шла об удивительной научной полноценности этой книги, написанной человеком без ученых званий и степеней».

Завершая эту тему страшной бесчеловечности, заложенной в самой сути искусственной богоборческой конструкции под невинным названием «страна советов», приведу еще один маленький пример.

На дороге, идущей вдоль Белого моря из поселка Умба в село Варзуга, рядом с речкой Сальницей стоит небольшой металлический крест. На это место 17 июня 1953 года упали обломки военного самолета ТУ-14. В катастрофе погибли трое членов экипажа. В свое время я заинтересовался этой историей и мне удалось отыскать документы того времени и имена погибших. Так вот, жители ближайшего села Кашкаранцы видели, как этот самолет на большой высоте взорвался в воздухе, о чем они рассказывали приехавшей следственной комиссии. Мне же довелось ознакомиться с выводами этой комиссии. В материалах расследования было написано: экипаж был пьян, не справился с управлением и задел верхушки деревьев...

Это был период конкурентной борьбы между КБ Туполева и КБ Ильюшина за выигрыш заказа на поставку флоту реактивного самолета-торпедоносца. Так что при чем тут честь и память погибшего экипажа. «Мертвые сраму не имуть».

Я всегда поминаю имена этих, одних из многих, оболганных ребят и молюсь об упокоении их невинных душ: Юрия, Бориса и Михаила.

Душа народа

Скажу еще о том, что довелось мне понять, прожив немало время в тех далеких поморских местах, в селе Варзуга, что на берегу Белого моря. Речь идет о сути духовного устройства исконного русского человека из подлинной российской глубинки.

Родившись в Ленинграде и прожив большую часть жизни в городских условиях, я был чрезвычайно далек от образа жизни, мыслей и мировосприятия людей, выросших в деревнях. В этом, собственно, и состояла подлинная суть моего внутреннего конфликта с отцом. Теперь я понимаю, что, выросший в глухой вологодской деревне, он был не таким, как мы, – «ленинградская интеллигенция», с неизменной скрытой «фрондой», с размытыми нормами морали и с готовностью разменять, казалось бы, неразменное. Много из того, что нам было вовсе не важным и что мы просто не замечали, для него имело решающее значение и крайне тяжело и глубоко переживалось. Он не мог двуличничать, не умел притворяться и поступаться своими убеждениями.

Глубоко возненавидев войну, он также продолжал ненавидеть Германию и немцев, и я видел, что он просто ничего не может с собой поделать. Когда началась «перестройка» и рухнули казавшиеся незыблемыми представления о нашей Победе в войне, о добре, правоте, справедливости, отец безмерно страдал и все больше искал спасения от этих мук в спиртном.

Армия и флот в те «перестроечные» годы всячески поносились. Слово «офицер» в среде творцов новой российской демократии стало носить оскорбительный оттенок. Те смертельные опасности, гибели друзей и катастрофы, что в полной мере довелось пережить отцу на службе в ВМФ, вдруг оказались бессмысленными и ненужными в глазах новой российской власти либералов-космополитов. И как теперь было жить, если большую часть из своей тридцатипятилетней военной службы он провел в стрессовом режиме специалиста-испытателя новых проектов подводных лодок, искренне веря, что это нужно Родине.

Всю эту проблему простого советского человека я полной мере увидел и в Варзуге, приехав туда с указом архиерея о назначении меня на должность настоятеля Успенского прихода этого поморского села. Я вновь увидел трагедию моего отца, только уже в масштабе целой деревни. В советское время Варзужский рыболовецкий колхоз «Всходы коммунизма» ходил в передовиках – «колхоз-миллионер». Люди честно и напряженно трудились. Они абсолютно искренне верили, что живут не напрасно, что есть некая великая коммунистическая идея. Что надо только в очередной раз потерпеть, подналечь, и если не мы, то уж наши дети увидят «светлое будущее». И вот для них вдруг все рухнуло.

В городской среде, более циничной и расколотой, в том числе в армии и на флоте, уже давно существовали как бы две параллельные реальности. Одна из них – это жизнь партсобраний, митингов и лозунгов, а другая – реальная, человеческая и без как-либо иллюзий про «светлое коммунистическое завтра». Как мы тогда на флоте негромко шутили: «Коммунизм как линия горизонта: по мере приближения к нему – удаляется».

А вот деревенский житель, крестьянин по причине своей исключительной природной целостности и искренности оказался абсолютно не способен легко принять произошедшее, позабыть вчерашнее и приспособиться к сегодняшнему. И вся деревня просто стала пить.

Старые жители села позже делились со мной: «Мы очень верили тому, что нам говорили. Этот колхоз мы строили, чтобы людям жилось лучше, детям нашим. Никогда ни копейки себе не взяли, если это колхозное, государственное». Вот она, эта врожденная российская нравственность, это сокровище российской деревни. Она продолжала жить как некое служение идее, сохраняя чистоту и безгрешность. Христианская нравственность, сложившаяся за нашу тысячелетнюю историю, продолжала жить в людях как вечная душа народа.

Огурцы

Помню, когда варзужане понемногу стали доверять мне (это наступило лет через пять-шесть), то ко мне пришли старые жительницы села и отдали написанную на бумаге историю. Я им теперь очень благодарен, что они посчитали необходимым рассказать на примере лишь одного эпизода из жизни колхоза, чем жил и что чувствовал деревенский народ...

В 1960-е годы в Варзугу впервые завезли рассаду огурцов. Тамошние жители о таком овоще понятия не имели. В тех краях испокон века сажали картошку и репу, этим и жили. Пробовали сажать капусту, но она на Севере в кочан не закручивается и растет отдельными листьями, как лопух. И тут вдруг – огурцы. Диковинный плод – в глаза такого не видели. Агроном из города приехал и описал им, как все надо сделать, какие парники и т. д.

И вот, рассказывали бабушки, «все ждали, когда наконец урожай будет, все смотрели, как растет плод диковинный. Наконец выросли эти огурцы, и пришла машина с ящиками деревянными, как в то время было заведено для перевозки овощей. Мы их туда аккуратно уложили, собрали

урожай, значит. Стоит эта машина, сейчас уже уедет. И стали мы меж собой говорить: “Ну что, может, попробуем хоть один огурец? Интересно же, что мы такое вырастили”. Но все же нет, решили мы. Нельзя брать чужое: парники государственные, и урожай не наш. Так никто и не взял ни одного огурца».

Мыслимо такое представить в наше время? Во всей этой истории – самая суть состояния души человека, который верит в идею, живет по совести и не может двуличничать. И это – очень по-христиански. Тут уместно вспомнить важнейшие евангельские притчи «о милосердном самарянине», «о хананейке», «о десяти прокаженных», когда вовсе не «узаконенные праведники» являли добрый пример веры, нравственности и милосердия.

Хорошо, если Господь даст сейчас время и откроет возможность таким людям прийти к Богу и утешить свои сердца в истинной и нелицемерной вере. Во всяком случае, я надеюсь, что мои тринадцать лет, проведенных с этими людьми на берегу Белого моря, не прошли для них даром. Но при этом, прямо скажу, увы, мало кому в деревнях под силу эта перемена. Эти люди не могут так запросто измениться, они очень целостны в своей простоте. Большинство из нас эту целостность утратили.

Так что надо много больше времени, чтобы уурачевать эту боль, эту рану. И тут очень многое зависит от нас. Каждый верующий человек, открывший себе подлинный смысл жизни, познавший эту тайну, должен вести себя с неверующим, как врач с больным. Никакой врач не ругает, не обличает больного, а жалеет и старается понять и помочь.

Суть безбожной жизни

Это что касается добрых примеров высоты духа, сохранявшихся в народе в атмосфере безбожия. Однако что же в целом представляла собой страна, в которой всеми силами пытались вытравить из человека понятие Бога? При реализации такого сценария, прежде всего, вступает в силу гениальная формула, пронизывающая все произведения Ф.М. Достоевского: «если Бога нет, то все позволено».

В течение всей предыдущей мировой истории в человеке всегда присутствовало понимание того, что в мире существует некая Высшая Сила, Высший Разум и Судия, что являлось надежным источником его внутреннего самоконтроля и способности слышать так называемый голос сове-

«Радостная» атмосфера советского праздника. Лица людей говорят сами за себя. Фото 1925 года

сти. И эта человеческая совесть как свидетельство бытия Божьего звучала в душе, являясь неким гарантом важнейших нравственных правил и установок, поступиться которыми человек не мог никогда.

Следует сказать, что и в языческий период людской истории (хотя так называемых «богов» было много и под их личиной скрывались падшие ангелы) присутствовали незабываемые законы и строгие правила, включавшие в том числе и понятие о Высшем Боге.

Произошедшая в России в XX веке духовная катастрофа, исключившая из бытия целой страны эту фундаментальную основу внутренней жизни человека, превратила людей в несчастное поколение «Номо soveticus». Не об этом ли историческом феномене вещал еще пророк Иезекииль от лица Бога: *«посмотрите и разведайте прилежно, и рассмотрите: было ли что-нибудь подобное сему? Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? А Мой народ променял славу свою на то, что не помогает»* (Иез.2,10;11).

Предвижу, что люди моего поколения могут возразить, что они жили спокойно, счастливо и даже часто очень весело. Кто же сомневается в том, что юность всегда полна сил, планов, оптимизма и здоровья. И в этом смысле я абсолютно согласен, что в наше время и «трава была зеленее, и вода мокрее». Да и молодежь сейчас, конечно же, уже не та. Но речь-то идет об ином.

Страшное несчастье, поразившее поколение XX века, состоит в одной чудовищной правде: всех нас лишили вечной жизни, потому что эту жизнь вечную, «жизнь после смерти», человеку может даровать только Господь Бог. И если мы сегодня задумаемся, чего лишили русских людей, то масштаб произошедшей духовной катастрофы должен ужаснуть каж-

дого. Потому что, осознав, что может подарить Тот, Кто может ВСЕ, мы охотно согласимся со словами апостола: *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* (1Кор.2,9).

Но приготовил Он это только тем, кто любил Его, кто верил в Него, кто остался в своей вере до самой смерти. А в России большевистской речь часто шла о смерти насильственной и страшной. Одних только священников было репрессировано 137 тысяч человек.

Суррогат Бога

Однако задуманный большевистской властью небывалый эксперимент по построению жизни без Бога вскоре столкнулся с серьезной проблемой. Годы революционного беспредела вроде бы закончились, и тогда встал вопрос, что делать с так называемыми «революционными массами». Со всеми «трибунами», «вождями», «буревестниками» и прочими горлопанами, которые были очень востребованы лишь когда шел процесс разрушения императорской России. Но и не более того. Перед новой властью, и особенно ко времени установления сталинского правления, встал вопрос, как загнать распоясавшийся народ «обратно в стойло». Это была острая и насущная проблема, и требовалось найти ответ на серьезный вопрос: что в «государстве нового типа» заменит онтологическое благоговение и страх человека перед Высшими силами. Как решать эту задачу в стране, где любые мысли на эту тему объявлены вне закона?

Вожди народных масс первых лет революции громко декларировали освобождение «рабочего класса и трудового крестьянства» от «опиума для народа», от боязни греха, от страха Божьего. Теперь же требовалась какая-то замена. Этой заменой стал парализующий страх перед «всевидящим оком» Государства, с его всемогущим репрессивным аппаратом и безжалостными карательными органами. Так что Сталин решил эту проблему радикально. Животный страх – вот что должно было теперь заменить идею Бога. И очень скоро страх этот надежно поселился в каждой советской семье.

В первую очередь требовалось «прижать к ногтю», заставив бояться профессиональных мятежников, кадровых революционеров, от которых всегда исходила опасность для любого порядка в стране. Поскольку те ни-

чего другого, собственно, и делать-то не умели, кроме как баламутить народ, возбуждать ненависть и вражду, устраивать провокации, «экспроприировать» чужое имущество, раскулачивать трудолюбивых крестьян, совершать теракты, убийства, глумиться над верой...

Сталин хорошо знал, что за люди его окружают и на что они способны. Именно поэтому репрессивный аппарат наиболее активно начал работать по спискам пришедших к власти соратников Сталина по революционной борьбе.

В свое время, отдыхая в подмосковном санатории, мне довелось сойтись с близкой родственницей Анастаса Ивановича Микояна (1895–1978 г.). Того самого уникального партаппаратчика, уцелевшего при всех правителях СССР от Ленина до Брежнева. Как про него шутили: «От Ильича до Ильича без тюрьмы и паралича». Лишь благодаря такой уникальной неуязвимости Микояна сумели уцелеть и его родственники. Сестра его жены, Валентина Туманян, подробно рассказывала мне, как в 30-е годы «чистили» знаменитый «Дом на набережной», или Дом ЦИК и СНК СССР¹.

Нам сейчас даже и не представить ту атмосферу повседневного ужаса, в которой жили люди во времена сталинского правления. Сейчас уже мало кто расскажет про те изматывающие ночные прислушивания: у какого подъезда остановился «черный воронок»? На какой этаж протопали сапоги? «Приходили каждую ночь, – рассказывала Валентина Сергеевна, – Забирали взрослых, а детей оставляли одних в квартире. В течение всей ночи было слышно, как маленькие дети криком кричат в пустой квартире, но никто ни разу к ним так и не зашел, чтобы утешить. Все боялись, зная, что если зайдешь, арестуют и тебя, как пособника. Этот плач стоял всю ночь, утром приезжала машина и детей увозили в детские дома, а тех, кто постарше, – в детские трудовые колонии. В первое время кто-то пытался писать Сталину, защищать арестованных, доказывать ошибочность ареста... Были ли ответы? Да, ответы приходили. Обычно ночью и в сапогах»².

¹ Жилой комплекс на Берсеневской набережной Москвы-реки 1931 года постройки. Памятник архитектуры конструктивизма. Известен как место жительства советской элиты, большинство из которой пострадало в ходе сталинских репрессий.

² Дети репрессированных родителей рассматривались как потенциальные «враги народа», они попадали под жесточайший психологический, а часто и физический прессинг как со стороны сотрудников детских учреждений, так и сверстников.

Дети репрессированных в доме ребенка в «Карлаге» (Жагагандинский исправительно-трудовой лагерь). 1937 год

И так было по всей стране. Семья моих предков работала в Ленинграде в огромном проектно-институте. Так вот, позже бабушка рассказывала нам: «На работе мы сидели в большом зале, где была масса рабочих столов, и за каждым из них трудился человек. И вот утром приходишь на работу, а несколько столов свободны. Люди не пришли на свое рабочее место – твои друзья, знакомые. И не приведи Господь спросить, почему они не пришли, что с ними случилось. Тут же пригласят в кабинет на беседу: «С какой целью интересуетесь? В каких отношениях Вы были с этим сотрудником?» И на следующее утро уже и твой стол будет свободен».

Если кто думает, что это касалось лишь крупных городов или промышленных центров, то я приведу слова деревенских бабушек, которых мне довелось еще застать в далеком поморском селе Варзуга. «Ох, какая была «ежовщина», – вспоминала бабка Еликанида, – сколько наших парней позабирали за самые малые проступки. Больше мы их уж и не видали». Признаюсь, в 2000-е годы, когда еще были открыты архивы НКВД, я знакомился с этими делами. Действительно, были проступки и нарушения, но и кара была безжалостная. Это был болезненный процесс, – выполнялась установка «загнать народ обратно в стойло».

В апреле 2018 года были раскрыты документы сталинских времен из архива ФСБ высшей степени секретности. Это доклады органов НКВД лично Сталину о состоянии общества и о настроениях, царящих в народе. Так вот, тот дух мятежа, ниспровержения, разрушения, который так долго сначала либеральная интеллигенция, а затем и профессиональные

революционеры возвращали в русском народе – никуда не исчез и не выветрился за прошедшие десятилетия.

И когда настало в стране время терпеть, честно трудиться и созидать, оказалось, что именно таких людей катастрофически не хватает – их самым жестоким образом постарались изгнать из страны или уничтожить. При этом доклады органов ясно свидетельствовали о высочайшем уровне бунтарства и нетерпимости в народе. Каждый по-прежнему чувствовал себя «трибуном и агитатором», и все знали, как надо опять все менять, разрушать, уничтожать, и были внутренне готовы продолжать революцию.

Узаконенное убийство

Постоянный страх по сути являлся единственным реальным средством и действенным фактором, позволявшим поддерживать порядок и дисциплину в стране. Равным образом именно с опорой на него достигалось соблюдение необходимых обществу моральных и нравственных норм.

Когда хватка властей ослабевала, неизбежно наступал всплеск нравственного упадка и морального разложения. Даже та самая незначительная хрущевская «оттепель» 60-х годов привела к расцвету «свободной любви», когда резко возросло количество разводов и началось повальное курение среди женщин.

Как известно, в первый год своего правления Хрущев разрешил в стране аборт, которые с 1936 года были запрещены. В результате к 1964 году страна побила все мировые рекорды по количеству убитых за один год младенцев – 5 млн 600 тысяч.

«Хрущевская оттепель»
1960-х годов

Решение легализовать аборт (и даже пропагандировать их) оказалось роковым для многих российских семей, особенно для тех, которые жили вдалеке от крупных городов и еще не вкусили их тлетворного духа. Именно эти удаленные российские провинции всегда были источником самого чистого и здорового генофонда населения нашей страны. Готов свидетельствовать, что самые крепкие и не испорченные ребята приходили служить на флот именно из российской глубинки.

В этой связи вспоминаю рассказ одной престарелой жительницы поморского села Кашкаранцы, доживавшей свой век в старом доме на берегу Белого моря с единственным сыном Андреем. «В 60-е годы близ нашего села разместили ракетный дивизион ПВО, – рассказывала мне Анна Феодосьевна, – и к нам в село стали навещаться жены офицеров и потешаться над нами: “Темные вы люди, разве можно всех детей рожать!” На наши удивленные вопросы, как же можно не рожать, они доходчиво объясняли, что “все очень просто – поезжай в город, да сделай медицинскую процедуру. И нет проблем”».

«Я-то, – продолжала Анна Феодосьевна, – в это время как раз Андрюшу моего носила. И вот стала я сомневаться, может, действительно, времена изменились и надо поступить так, как они советовали? Очень я переживала и мучилась. Но потом вдруг как будто очнулась от этого страшного наваждения и твердо решила: не буду я ребенка своего убивать! И родила Андрюшеньку-то, моего последнего сыночка. И как он мне потом пригодился-то...»

Андрей оказался единственным из шести сыновей Анны Феодосьевны, кто остался жить со своей престарелой матерью в разоренном селе. Он служил на маяке «Кашкаранский», он и закрыл глаза недавно почившей рабе Божьей Анне.

Надо сказать, в затронутой нами теме как нигде ярко проявляется смысл поговорки, что «дьявол кроется в деталях». И потому, завершая эту тему, надо остановиться на аргументах тех, кто сейчас рьяно отстаивает право каждой женщины делать аборт: «Если запретить официальные аборт, то начнут делать нелегально». Диву даешься, слыша подобные аргументы. По такой логике можно и дальше развивать эту мысль: «Давайте разрешим воровать, потому что если запрещать, то это будут делать нелегально». И так далее, по всему преступному перечню человеческих грехов.

Хотя, справедливости ради, надо признать, что и эта, казалось бы, абсурдная мысль о легализации воровства в значительной степени была реализована в СССР, особенно в брежневскую «эпоху застоя». Ради этой задачи даже слово придумали специальное, чтобы не обижать тех, кто ворует, – «несуны». И когда с Генсеком Брежневым обсуждалась необходимость повышения зарплат в стране, то Леонид Ильич резонно заметил, что при решении этого вопроса необходимо при расчете зарплаты рабочего закладывать и количество «вынесенного им с предприятия». «Кто из нас не был несунум?» – резонно заметил при этом Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Так что воистину: «если Бога нет, то все позволено».

Диктатура пролетариата

Согласно теории марксизма-ленинизма, во время неуклонного движения к «светлому коммунистическому завтра» в стране должна была действовать так называемая «диктатура пролетариата». Что это такое, никто толком не знал, но термин этот активно использовали в пропагандистских целях.

Как известно, К. Маркс, введя в оборот это словосочетание, теоретически его значения не раскрыл. В реальной жизни в СССР эта идея реализовалась в виде абсолютной власти компартии, осуществлявшей свою диктатуру **от имени** пролетариата, хотя реально пролетариат от власти был отстранен. Да, собственно, по-другому и быть не могло. Рабочий человек, специалист, мастер-профессионал обычно никогда не имел ника-

Дворец Труда в Ленинграде с лозунгом на фасаде: «Да здравствует пролетарская диктатура!»
Фото 1930-х годов

кого отношения к политике и властных амбиций не испытывал по определению. Эта искусственная, вымышленная идеологема для продолжения своего существования требовала постоянной подпитки со стороны партийной номенклатуры.

С этой целью, например, для детей из семей рабочих устанавливались различные нормы, доли и квоты при поступлении в ВУЗы, в Военные училища, в партию, на какие-то конференции, фестивали, поездки за границу и т. д. Инженеры, ученые, интеллигенция несли на себе некое пятно «родового проклятия». Абсурдность этого положения состояла в том, что человек, получая высшее образование и переходя в разряд ИТР, неизбежно становился, как бы это сказать, менее уважаемым и менее надежным. Нелепость происходящего была очевидной, что, естественно, отражалось в фольклоре, кладезе народной мудрости.

Такой, например, ходил анекдот. Беседуют два старых приятеля, один из них руководит крупным заводом. «Знаешь, – говорит другой, – сын вырос, надо бы ему трудовую жизнь начинать, помоги устроиться на твой завод». «Нет проблем, – отвечает приятель, – давай его в горячий цех, бригада хорошая, быстро научат. Будет получать прилично – рублей 270-280». «Да нет, – возражает отец парнишки, – куда ему такие деньги, разбалуется...» «Ну хорошо, давай к станку его поставим, в инструментальный. Зарплата 200-220 рублей». «Нет, – вновь возражает отец, – думаю, это тоже ему еще рано. Куда ему такие деньги иметь... А нет ли чего-нибудь рублей так на 100-110?» При этих словах директор явно помрачнел: «Прости, друг, не могу – тут высшее образование иметь надо».

И хотя со временем все очевиднее становилась бессмысленность этого тезиса, фантомные идеологические боли по «диктатуре пролетариата» оставались до самой «перестройки». Даже принятое на XXII съезде в 1961 году заявление о том, что диктатура пролетариата в СССР выполнила свою историческую роль и с точки зрения внутреннего развития перестала быть необходимой, эту революционную «родовую травму» исцелить не могло.

Страсти по «зубному»

В последнее время стало доступным все большее количество разнообразных фактов, свидетельствующих об удивительно высоком уровне дореволюционной жизни в России. В частности, в связи с проводимым

Зубоврачебный кабинет
в Санкт-Петербурге. Фото
1910 года

комплексом исследований по идентификации останков царской семьи следствие поставило задачу сравнить уровень стоматологического обслуживания лиц высшего света и простых граждан империи. Так вот, выяснилась невероятная картина: высочайший уровень стоматологической помощи, обнаруженный у лиц царской крови, был доступен практически всем жителям Российской империи¹. Современное протезирование, разнообразные пломбы, импланты (!), обязательная анестезия...

В этой связи каждый, кто жил в СССР, скажет, что не было в жизни ничего страшнее визита к зубному врачу. Никакой анестезии не существовало, сверлили «по живому», также неспешно вытягивали и зубной нерв. Прошедший эти пытки никогда не забудет «ременную передачу» бормашины, что крутилась перед носом пациента в виде веревки с узлами, и страшную вибрацию при медленном сверлении зуба. Новокаин полагался лишь при удалении, и часто бедняга просил лучше вырвать зуб, лишь бы только его не сверлили.

Вспоминаю случай в нашей береговой медсанчасти, куда я зашел из-за зубной боли. Настроение, естественно, было уже препоганое. Подойдя к зубному кабинету, в дверях я столкнулся со своим приятелем офицером, смертельно бледным, в состоянии, близком к обмороку. Мне уже от

¹ В Санкт-Петербурге на начало 1900 года практиковали 634 зубных врача и 59 дантистов. Например, на Невском проспекте одновременно вели прием 59 стоматологов. Справочник «Весь Петербург на 1915 год». СПб., 1915. С. 696–697.

одного его вида стало плохо. Я спросил у него, что случилось. «Сказали подождать, – ответил он едва слышно, и с ужасом продолжил, – они посмотрели мой больной зуб и сказали, что сам зуб трогать не будут, а вот корни – удалят». При этом в его глазах отразился весь ужас от этой картины совершенно невыносимой операции. Я посмотрел на него и мне тоже стало жутко – мое воображение просто зашкаливало от жуткого зрелища удаления корней из-под зуба ... Я не выдержал и, пожелав другу держаться, пошел на корабль искать анальгин.

Слава Богу, конец этой истории оказался не столь кровав: оказалось, что зуб друга был здоровым, а боль была от оставшихся корешков давно удаленного соседнего зуба. Страшная штука воображение.

Алкоголь и борьба

Отсутствие глубоких нравственных ориентиров, подлинных постулатов веры было компенсировано установками «советского образа жизни». Увы, непременной составляющей этого «образа» стала выпивка. Водка обрела некий статус «национальной идеи» и стала символом крепости духа каждого борца за светлое будущее. Водкой компенсировалась вся пустота духовного мира того времени. Она стала «лекарством» от всех душевных проблем. Но, как известно, помогала она слабо, лишь на время оглушая человека. Трезвея, душа страдала еще сильнее, потому и водки требовалось еще больше.

Видя эту постоянно нарастающую проблему, оказывающую разрушительное влияние на все стороны жизни страны, властями регулярно объявлялись «кампании по борьбе с пьянством». Наиболее яркие такие кампании происходили в 1929, 1958, 1972 и 1985 годах.

Однако отсутствие сколь-нибудь значимой цели, которая могла бы настоятельно увлечь и подвигнуть народ к этой борьбе, сводило эти усилия на нет. В результате, как пелось в известной песенке того времени: «И в борьбе с зеленым змием побеждает змий».

То, о чем мы говорили выше, ясно прослеживается в статистике потребления алкоголя на душу населения. В Российской империи, где при каждом храме существовали очень авторитетные «Общества трезвости», потребление спиртного не превышало 5 литров на человека. В эпоху Сталина этот опыт был перенят и создано «Общество по борьбе с ал-

Антиалкогольная компания в СССР в 1985 году

коголизмом». Упор был сделан на общественный и государственный контроль. В газетах печатались списки закоренелых пьяниц. В результате уровень потребления алкоголя снизился и не превышал 5 литров. Но как только хватка властей и страх репрессий ослабевали, народ тут же начинал «катиться по наклонной». К концу брежневских «застойных» 70-х годов потребление алкоголя превзошло все разумные пределы и составило 10,5 литров.

Ход реализации очередного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» автор застал во время обучения в ВВМКУ им. Фрунзе. Практику мы проходили на Северном флоте и застали этот процесс, как говорится, на местах и в самом разгаре.

В ДОФе г. Полярного были собраны офицеры, чтобы обсудить полную недопустимость сложившейся на флоте ситуации с потреблением спиртного. На сцене в президиуме: командование, политработники, ветераны войны. Собрание ведет начальник политотдела дивизии. Выступающие дружно призывают откликнуться на призыв родной партии и объявить бескомпромиссную и решительную борьбу.

Наконец слово предоставили ветерану войны, и заслуженный дедушка поднялся на трибуну. Он без бумажки, по-отечески, призвал всех поддерживать это важное дело и начать пить меньше. «Конечно, – доверительно делился воспоминаниями ветеран, – мы тоже были молодыми, тоже вы-

пивали, но всегда знали меру». При этих словах начальник политотдела повернулся к трибуне и довольно стал кивать, поддерживая эти слова отеческой мудрости. «Бывало, зайдешь в буфет Дома офицеров, – продолжил воспоминания юности ветеран, – возьмешь, так скажем, грамм четырехста. Так и остановись!» При этих словах глаза НачПО округлились, и он весь, подавшись к выступающему, энергично зашептал: «Двести, двести!» Ветеран внимательно посмотрел на НачПО, согласно закивал и продолжил: «Ну, в крайнем случае, еще двести. И уж точно – все!»

«Карточный домик»

И вот наконец пришли «свежее веяние» и «новое мышление». Другими словами, в стране началась «перестройка». Если спросить очевидцев тех дней, то все искренне подтвердят: никто и мысли допустить не мог, что за этим безобидным словом прячется страшная мировая катастрофа – полный развал огромной страны – СССР. Советское государство и его идеология настолько глубоко заменило собой в людях понятие Бога и так уверенно и вальяжно восседало на Его святом месте, что даже мысль о ликвидации этой незыблемой конструкции представлялась нелепой и кощунственной.

В этой связи вспоминаю, как в соответствии с «духом времени» и на основании принятого в 1990 году Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» на флоте прозвучала идея строительства церкви для города Североморска. Это было нечто невиданное и завораживающее. Флотские замполиты, привычно почувствовав «новое веяние», активно подключились к этому процессу. В частях и на кораблях собирали пожертвования. Для строительства задействовали строительные части флота и морскую инженерную службу.

Естественно, в самой флотской столице строительство церкви было абсолютно недопустимо. Потому решили действовать по старой советской традиции, когда старались не трогать в городах кладбищенские церкви. В результате стройку разрешили близ поселка Росляково, при городском североморском кладбище.

Надо сказать, политика Горбачева состояла в предоставлении определенной свободы в этом вопросе, но под неусыпным контролем партийных органов. Мыслилось это приблизительно так: «Перед нами встает

Храм Архангела Михаила на Северноморском кладбище. Фото 1990-х годов

задача: воспитание нового типа священника; подбор и постановка священников – дело партии...»¹

Потому, когда встал вопрос, в честь кого будет освящен новый храм, ни у кого сомнений не возникало: естественно, в честь Михаила. Михаил Горбачев наш «архистратиг». Так что в честь Архистратига Божия Михаила – нашего Генерального секретаря. Это сейчас все выглядит дурным анекдотом или кощунством, но в то время все отнеслись к такой постановке вопроса с полным пониманием. Я привожу этот казус как иллюстрацию глубочайшего проникновения в умы и сердца людей некоей фантастической реальности: советские властные структуры полностью заменили собой Бога.

Освящать Михайловскую церковь приехал архангельский владыка Пантелеимон (Долганов). Политработники зазывали народ, обещая со стороны церкви небывалую раздачу подарков и книг. Похоже, они не понимали разницы между Православной Церковью и многочисленными протестантскими сектами, уже хлынувшими к тому времени в страну и щедро «покупавшими» народ заграничными подачками.

¹ Из речи главы Совета по религиозным делам К. Харчева на собрании учителей высшей партийной школы г. Москвы. Цит. по: Нефед А.И., Комаров А.В. Церковь в период правления М.С. Горбачева // Молодежный научный форум: по материалам V международной научно-практической конференции. № 5.

Так что Владыка разочаровал и подарков не привез, но свершилось важнейшее событие: в декабре 1991 года впервые за безбожные годы на территории нынешней Североморской епархии был освящен Божий храм.

Однако события в стране развивались стремительно, и очень скоро стала очевидной тщетность попыток «органов» цепляться за неумолимо уходящую эпоху. Страшное время, отпущенное Господом для наказания российского народа и искупления совершенного им Иудина греха, вскоре вышло окончательно.

А уж как искупили мы этот Иудин грех, как, наверное, никто в мире еще не искупал. Двадцать восемь миллионов за четыре года войны. И это лишь только за одну войну. Невозможно вместить эту цифру. Какое невиданное горе! «Смерть одного человека – это смерть, а смерть двух миллионов – только статистика»¹. Мы чувствуем эту защитную реакцию человеческой психики, поскольку невозможно охватить сердцем всю глубину такой трагедии, постичь эту непомерную скорбь.

Как «карточный домик», рассыпалось государство богоборцев, «*яко исчезает дым, да исчезло*». Вот так Господь одним «*дуновением уст Своих*» закончил его историю.

Внимательный взгляд может обнаружить в человеческой истории удивительные параллели. Вспомним, как во времена Христа велик и прекрасен был город Иерусалим: «*Учитель! посмотри, какие камни и какие здания!*» – восторгался величием и красотой города один из учеников Спасителя. Но Всеведущий Господь знал, что уже скоро Иудин грех ляжет на весь богоизбранный народ, и обрушится на них гнев Божий: «*Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне*» (Мф.13,1;2). Так и произошло. Целый народ, издревле особо любимый Богом, на долгие две тысячи лет был лишен Родины и рассеян по всему миру. Лишь в 1948 году решением ООН будет вновь создано государство Израиль, вернувшееся на свою историческую территорию. Так что российский народ за свой Иудин грех еще не столь тяжко пострадал.

¹ Ремарк Э.М. Черный обелиск. Кельн, «Kiepenheuer & Witsch», 1956.

Купить доцента

Моему отцу так и не довелось поступить в Военно-морскую академию. Поэтому он очень рассчитывал, что сын воплотит всё несбывшееся в его военной карьере. Так что в 1990 году я убыл в Ленинград для сдачи вступительных экзаменов в ВМА им. А.А. Гречко. Почему кавалерист Гречко должен был «осчастливить» Военно-морскую академию своим именем – было непонятно, впрочем, как и многое иное в то время. Слава Богу, сейчас этот «театр абсурда» закончил свои спектакли, и Академия носит имя Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова.

Как и всё в той жизни, так и процесс поступления в академию имел свои неписанные законы. С одной стороны, был официальный образ жизни, определяемый идеологическими установками, а с другой – повседневная реальная жизнь, стремившаяся по возможности обойти эти искусственные сложности. Все это понимали и, мучаясь в этой двойственности, ничего поделать не могли.

Так было и с вопросом поступления в академию. С одной стороны, на вступительных экзаменах необходимо было сдавать высшую математику, а с другой стороны все хорошо понимали, что никто ее никогда не сдаст. Всем было очевидно, что на заочное отделение поступают возрастные флотские офицеры, занимающие уже солидные должности и, естественно, за эти долгие десятилетия никакого отношения к высшей математике не имевшие. Но сдавать ее было необходимо, иначе наш потенциальный противник и классовый враг того и гляди допустит мысль о недостаточном уровне академического образования в государстве ра-

Офицеры на занятиях
в ВМА им. Гречко

Офицеры слушатели ВМА им. Гречко на параде на Дворцовой площади Ленинграда.
Фото 1980-х годов

бочих и крестьян. Видимо, так. Иных разумных причин для объяснения этих мучений просто не существовало.

Поэтому все прибывавшие абитуриенты хорошо знали, как надо поступать. Надо было «купить доцента». Так делалось всегда. Этих «доцентов» – преподавателей высшей математики из местных ВУЗов – передавали из рук в руки, из поколения в поколение поступающие в академию офицеры. Каждая группа скидывалась на эту «покупку», и в назначенное время «доцент» проводился на территорию академии и тайно размещался в одном из кабинетов.

С началом экзамена запускался отработанный механизм. Предложенную в билете задачу или формулу записывали на небольшом листочке, в который для дополнительной тяжести заворачивали монету, и незаметно выбрасывали в окно. Дежуривший внизу старший офицер старался поймать бумажку, хотя, бывало, ветер уносил ее в неведомые дали, и далее наступала сдача норм ГТО по бегу. «Доцент» находился довольно далеко, а бежать надо было как можно быстрее: время на подготовку ответа было ограничено. После того как «марафонец», вытирая мокрую от пота лысину, прибежал к дверям аудитории с ответом от «доцента», вступал в действие дежурный по классу. Отчаянно фантазируя и придумывая самые разнообразные причины для своих уходов и приходов в аудиторию, он доставлял ответ на билет взмокшему от переживаний несчастному экзаменуемому.

Надо честно признаться, что многие из офицеров, участвующих в этой постыдной комедии, реагировали на нее весьма болезненно. И об этом унижительном аспекте сдачи экзаменов знали все, как в академии, так и вне ее. Но никто ничего изменить не мог. Ложь и двуличие, увы, были вечными спутниками жизни в нашей стране в XX веке.

«Американская мечта»

В США я бывал дважды. Первый раз в 1991 году в ходе Дружественного визита отряда кораблей КСФ под флагом Командующего флотом адмирала Громова Ф.Н. Второй раз уже по церковным делам в 1999 году.

Феликс Николаевич Громов относился ко мне с явной симпатией, и когда я показал ему несколько моих кинозарисовок о флотских событиях, он ими заинтересовался и предложил мне снять фильм о предстоящем визите. Меня включили в состав походного штаба на переход во Флориду, в пункт базирования Атлантического флота ВМС США – Мейпорт.

Снять фильм для меня было несложно. Я уже лет пятнадцать как был увлечен съемками игровых фильмов в стиле немого кинематографа, а-ля

Кадр из одного из моих фильмов – водевиль «Племянница из провинции».
Порт-Владимир, 1980 год

Крейсер «Маршал Устинов» в ВМБ США, Мейпорт, Флорида. 23 июня 1991 года

Чарли Чаплин, или пародий на старинные водевили. Были и костюмы, и грим, и декорации. В этих фильмах играли все, кто оказывался в поле моего зрения, на моем жизненном пути. И друзья, и подчиненные, и офицеры, и мичманы, и матросы. Должен признаться, подчас среди них я обнаруживал удивительно талантливых актеров.

Помню, в 80-е годы, когда я еще служил в Порту Владимире, комбриг 67-й бригады кораблей ОВР капитан 1 ранга Закорин Н.Д.¹, посмотрев мои фильмы, решил непременно показать меня своему другу, известному кинооператору-постановщику киностудии «Мосфильм» Игорю Черных². Речь шла о том, не поступить ли мне на какое-нибудь заочное обучение в этом направлении. Случай вскоре представился, и я действительно показал свои фильмы именитому мастеру. На просмотре Игорь Анатольевич искренне хохотал и по окончании, утирая слезы, сказал, что это удивительно, но работа моя выполнена идеально. И режиссерская, и опе-

¹ Закорин Никита Дмитриевич, вице-адмирал, профессор, заместитель начальника ВМА им. Кузнецова по научной работе.

² Игорь Анатольевич Черных снял более 20 фильмов, среди которых «Бриллиантовая рука», «Битва за Москву» и другие.

Во время визита в США.
Майами, 1992 год

раторская. В общем, оказалось, что я все постиг сам и учиться мне, собственно, нечему.

Америка в тот первый визит показалась мне очень яркой и щедрой. После серости советского быта и пустых прилавков наших магазинов голова кружилась от изобилия и пестроты. Хотя сейчас, просматривая те видеозаписи, я вижу, что у нас теперь не только все то же самое, но порой и лучше.

Но тогда это был стресс. В этой связи вспоминается реакция В. Высоцкого на посещение магазинов в Западном Берлине в 1975 году, когда от этого ошеломляющего изобилия его стало рвать.¹

Меня рвать не стало, я был больше озабочен тем, как бы привести всех этих диковинок домой, чтобы порадовать и удивить жену и детей. При этом не скрою, что довольно скоро у меня наступила другая и весьма болезненная реакция на Америку.

Целыми днями тесно общаясь с американцами, наблюдая за ними, я ясно понял, что мы очень разные. Их манера общения с постоянным деланным оптимизмом и напористой «доброжелательностью» очень быстро стала утомлять. Обязательный оскал зубов в белоснежной улыбке, неприменный громкий хохот без существенного на то повода и хлопанье по плечу просто угнетали.

Неудивительно, что эта национальная странность временами выливается в международные скандалы, когда неадекватность поведения американцев становится очевидна всему миру. Вспомним многочисленные репортажи с важных похорон, где американские лидеры весело смеются,

¹ См. Марина Влади. Владимир, или Прерванный полет. М., 1989.

Президент Барак Обама приветствует морских пехотинцев, прикладывая к голове руку со стаканчиком кофе. Фото 2014 года

шутят и делают селфи. Всем нормальным людям очевидно, что это психическое отклонение. Всем, кроме американцев.

Думаю, в ходе визита многие из нас почувствовали, что эта манера отражает их внутренний мир, в котором нет места искренним чувствам. Чувства им мешают. Одно бесконечное шоу. И люди – как бы заложники этой пустой бравады. Помню, через пару дней в США у меня в голове стала крутиться строчка из известного русского романа: «Вам не понять моей печали...»

Все поверхностно, нет подлинной глубины духа, поскольку ей, похоже, и взяться неоткуда. То же самое можно сказать и о весьма поверхностных культурных традициях. Выше мы упоминали о необходимости, здороваясь, снимать головной убор или хотя бы обозначать этот знак уважения, прикладывая к головному убору руку. Как известно, этот элемент культуры трансформировался в отдавание чести военнослужащими. У американцев отдавание чести запросто происходит и лихо совершается прикладыванием руки к непокрытой голове, что полностью лишает это действие смысла. Разве что если добавить к этому жесту вращательных движений у виска. Однако эта нелепость их вовсе не волнует и часто выливается в «театр абсурда» в исполнении первых лиц государства.

Еще один пример из американского этикета. В отличие от России, где денежная тема разговора считается неудобной и часто деликатно замалчивается, в Америке это самая существенная и желанная часть общения любого уровня.

Было интересно поговорить с нашими людьми, попавшими на работу в Америку и уже тут пожившими. Они делились тем, насколько, на их взгляд, дико и неприлично выглядит застольная беседа на американской

Президент Джордж Буш отдает честь, обнимая собаку.
Фото 2008 года

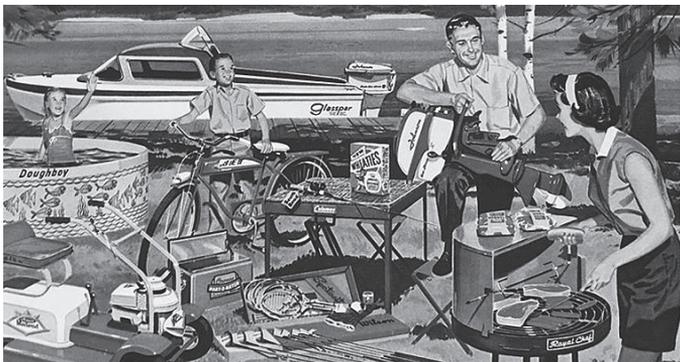

Кадр из фильма «Унесенные ветром». Главная героиня –
Скарлетт О'Хара

вечеринке. Считается хорошим тоном подробно рассказать гостям, сколько пришлось на них потратить денег, во что обошлось хозяевам накрыть этот стол, чтобы их всех накормить. Будет подробно рассказано, что именно из закусок и вина удалось купить по акции и что не получилось, какие проценты, какие бонусы и т. д. И это все будет выслушано с самым напряженным вниманием и искренним сопереживанием. Это и есть правила американского хорошего тона. Может, в этом раскрывается главный признак «американской мечты»?..

Насколько это далеко от нашего духовного мира! Воспитанный русский человек очевидным образом стесняется об этом говорить, внутренне чувствуя природную порочность денег, неприличность демонстрации материального достатка. Для американца строго наоборот: деньги олицетворяют смысл его жизни. И жить стоит именно только для их обретения, лишь они позволяют достичь высшего смысла бытия американца.

И ради этого «высшего смысла» можно пойти на все, что угодно. И это вовсе не преувеличение. Вспомним завершающие строки великого американского романа «Унесенные ветром». Главная героиня, Скарлетт О'Хара, являющая собой образец подлинного американского духа, подводит итог выпавшим ей жизненным испытаниям такими словами: «Я никогда, никогда больше не буду голодать. Ни я, ни мои близкие. Бог мне свидетель, я скорее украду или убью, но не буду голодать». Яснее не скажешь. Так что какие тут духовные искания героев Толстого и Достоевского, все до примитивного просто. И страшно.

Плакат с символами
«Американской мечты»

«America first»

Мне кажется, что все-таки душа любого человека не может не чувствовать обман и пустоту такого бытия. Ведь, как гениально сформулировал Тертуллиан, «душа по своей природе христианка». И значит, неизбежно возникнет тоска от такой духовной пустоты, которая, в свою очередь, порождает защитную реакцию, предлагая взамен забытых подлинных ценностей некие суррогаты.

Пустоту в душе всегда требуется заглушить, предложив громкий лозунг, яркую идею – конечно, несбыточную, но вожаемую. В СССР это было «светлое коммунистическое завтра», в США – «американская мечта». Если у коммунистов под этим фантомом была хоть какая-то теоретическая база, то у американцев ничего конкретного нет, есть некий миф, абстракция, которую даже сформулировать невозможно. Ведь нельзя, в самом деле, смысла человеческого бытия, цель его бессмертной души свести к количеству денег на счете, престижной машине, кока-коле и фаст-фуду.

Поэтому остается одно: демонстрировать полную уверенность в своей правоте. Главная задача, которая решается при таком демонстративном поведении, – доказать, что «мы лучшие». И ничего с этим не поделаешь. В американском менталитете всегда есть эта неприменная составляющая – все помешаны на своей исключительности и даже не смеют думать, что может быть иначе.

«America first» – Америка превыше всего. Все остальное в мире им не интересно, и все, что помимо Америки, настолько второстепенно и не уважаемо, что может существовать лишь в подчиненном положении. И по-другому не будет никогда.

Фастфуд как неотъемлемая часть американского образа жизни

Вспоминаю, как в ходе визита мы смотрели какие-то их представления, чьи-то выступления, демонстрации чего-либо – и видели весьма посредственный уровень. Но для американцев все выглядит иначе, они ведут себя, как зачарованные. Они в полном восторге, все в рукоплесканиях и криках одобрения. И иначе быть не может, ведь: «Мы всегда лучшие! Америка – лучшая!» Говоря это, я превосходно понимаю и вижу, что в Америке масса действительно выдающихся достижений. Но речь здесь не о них, а о том, что они раз и навсегда поверили, что в Америке всегда и все только лучшее. И так будет до окончания века. Но ведь все чаще всему миру становится очевидно, что это уже далеко не так...

Эта острая необходимость постоянной «энергетической подпитки», накручивания себя, весьма характерна для случаев, когда отсутствует подлинная достойная цель, опирающаяся на вечные моральные и нравственные ценности.

В этой связи можно привести недавний пример бесконечного скакания и скандирования пустых лозунгов на украинском «майдане». Как, впрочем, и на иных, подобных ему, «цветных революциях». Мы знаем, что все эти диверсии против суверенности государств неприкрыто финансируются США, но возникает стойкое ощущение, что, кроме того, происходит некое зомбирование народа, духовная подпитка из того же ядовитого источника. Во всех этих печальных историях всегда есть некто, кому это выгодно. Римская формула «*Is fecit cui prodest*»¹ по-прежнему в силе. И я здесь имею в виду не только что-то типа «фонда Сороса», но скрытых, невидимых, но вечных режиссеров всякого беззакония из окружения князя тьмы.

Нечто подобное можно вспомнить из глубокой древности. В Книге Деяний апостолов описывается случай, произошедший в Эфесе во время проповеди апостола Павла. Город этот был знаменит великолепным храмом, построенным в честь богини Артемиды, культ которой был источником доходов многих ремесленников и торговцев, изготавливающих разнообразные сувениры. Узнав, что Павел и его ученики проповедуют иную веру, торговцы-язычники увидели явную угрозу своему бизнесу.

¹ «Сделал тот, кому выгодно» (лат.).

Возбудив городских жителей, они устремились на площадь. Вначале «одни кричали одно, а другие другое» и «собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались». Но вскоре они организовались и «около двух часов кричали: велика Артемиды Ефесская!» (Деян.19,28).

Кончилось тем, что пришел правитель города и пригрозил всем наказанием за организацию беспорядков: «мы находимся в опасности, за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище». И «сказав это, он распустил собрание» (Деян.19,40).

В наше время, увы, все реже находят достойные и мудрые правители, которые способны твердой рукой навести порядок и утомонить крикунов, повредившихся «американской мечтой».

«Гудбай, Америка!»

Во время того визита по корабельной трансляции часто крутили эту песню. Как-то до меня не сразу дошла очень верная мысль Вячеслава Бутусова, лидера группы «Наутилус Помпилиус», высказанная в ее строках: «Нас так долго учили любить твои запретные плоды». Произошедшая катастрофа 90-х, падение величайшей страны мира, во многом была обусловлена той жесткой изоляцией, железным занавесом, который опустился вскоре после революции, отрезав нас от всего мира. Только в условиях такой резервации стало возможным провести задуманный богборцами безжалостный эксперимент над русским народом.

В результате яркий и изобильный «запад» стал нами восприниматься как некая волшебная, но недостижимая страна. И лишь очень редкие

Счастливики и завистники. В первых «Макдональдах», открытых в СССР с началом Перестройки. 1990 год

Знаменитый спирт «Рояль»

счастливыц удостаивались возможности побывать там и прикоснуться к фантастической жизни, привозя в нашу серую обыденность самые невероятные диковинки и различные удивительные вещицы.

Вспоминая эти ощущения, следует при этом особо подчеркнуть, что абсолютное большинство русских людей и мысли не допускали предать свою Родину и ударить за границу. Они отшучивались присказками типа: «Сегодня носит “Адидаc”, а завтра родину продаст» или «Чтобы кровь шла из носу в мире шоу-бизнесу». Это было двойственное чувство: с одной стороны, любовь к своей стране и гордость за ее великую историю, а с другой – чрезвычайно острое желание побывать в том ярком и неведомом мире. Для подавляющего большинства наших людей это, естественно, было абсолютно исключено. В результате именно таким образом «нас так долго учили любить твои запретные плоды».

Именно эта сложившаяся иллюзия об абсолютном благе, приходящем с «процветающего запада», привела нас к позору 90-х. Вспоминаются первые наши встречи с этой новой реальностью западного мира. Где-то в 1993 году в Мурманске на улице Полярные Зори открылось кафе «Пингвин», в котором предлагали импортное мороженое самого невероятного вкуса и невиданных ранее цветов. Сейчас ясно, что это была типичная синтетическая отравa. Но тогда очереди за чудо-мороженым стояли огромные. Народ съезжался со всей области.

Мы оказались не готовы к такому обману. Или, как бы помягче сказать, к «принципиально иному подходу в торговле». У советского человека за время советской власти сложилось полное доверие к продуктам, продающимся в магазине. Такое же доверие существовало к спиртному. Все было качественно и безопасно в соответствии с ГОСТом. В этой связи нелишне вспомнить, сколько народа погибло от знаменитого смертельного напитка 90-х – спирта «Рояль», который гнали из Голландии.

Мир натуральных продуктов

По сути, до начала «шоковой терапии» Перестройки советский народ жил в тепличных условиях и толком не представлял, каков он, «звериный оскал капитализма». Так что нам понадобилось немалое время, чтобы понять, что яркая обложка, упаковка, наклейка создана специалистами по воздействию на человеческую психику и служит единственной цели – дороже и быстрее продать товар. И эта задача производителя всегда будет главной и к заботе о человеке и его здоровье никакого отношения не имеет. Теперь все это стало нашей заботой: читать написанное мелким шрифтом про ГМО, пальмовое масло, консерванты, эмульгаторы, красители, усилители вкуса и прочую ядовитую химию.

Упаковка товара в СССР была блеклой и безликой, поскольку тратить деньги на высокую полиграфию представлялось бессмысленным, тем более что часто существовал товарный дефицит. Все продукты производились в строгом соответствии с ГОСТами, были абсолютно натуральными и в рекламе не нуждались. Как это ни абсурдно звучит сегодня, все молочные продукты были действительно только из натурального молока. Сейчас это вовсе не обязательно, и по сути стало исключением.

Помню, как я еще мальчишкой должен был нести как можно быстрее бидончик с молоком из «молочного магазина», поскольку его надо было быстро кипятить, иначе молоко скиснет, как ему и положено. Нынешняя дрянь под названием «молоко», как известно, хранится годами – следовательно, и желудком нашим она вовсе не усваивается.

Мы вспоминали выше, как в 90-е годы вытеснялось наше натуральное мороженое, которое делалось только из молочных сливок. Были, конечно, и добавки, но какие: шоколад, кофе, орехи, изюм, ягоды смороди-

Богатство ассортимента в «Молочном» магазине советских времен. Но зато вся натуральное. Кстати, вся малышня в те годы ходила в таких соломенных кепочках

ны... Сиропы к мороженому подавались только из натуральных ягод и фруктов.

Не хочу даже говорить о нынешних новомодных западных газированных напитках – лучше вспомню замечательные лимонады нашего детства. Например, «Ситро» – на основе настоев цитрусовых фруктов: апельсина, лимона и мандарина. Для лимонада «Крюшон» использовали сок красного винограда, апельсиновый настой и экстракт из виноградной кожицы. Для «Дюшеса» брали сироп-настой десертной сладкой груши сорта Дюшес. Наверняка многие вспомнят самый дешевый и знаменитый лимонад – «Буратино», и его простой рецепт: вода, сахар, лимон и апельсин. Я говорю сейчас о временах достаточно далеких, о 60-х годах.

Уже позже появились газированные напитки «Байкал», «Тархун», «Саяны». В них уже были консерванты, хотя основной состав был очень достойный. Например, у «Байкала»: экстракты шалфея, полыни горькой, корня дягиля, горечавки, кориандра, цветов бузины, корня солодки, масла хмеля, эвкалипта и лавра.

Вспоминается масса других названий лимонадов: «Лесная ягода», «Виноград», «Яблоко», «Вишневый» и т. д. Опять же, все только на натуральных сиропах. Исключение составляла «Крем-сода», которая изначально делалась вообще на содовой воде и яичном белке. Позже в производстве стал использоваться лимон, экстракт зубровки душистой и ванилин. Срок хранения всех советских лимонадов в холодильнике не превышал 7 суток.

Само собой, торговать натуральными продуктами всегда очень невыгодно. Во-первых, они, естественно, очень дорогие. Во-вторых, они быстро портятся. Их надо списывать, выбрасывать, в общем, морока. Но все дело в том, что в самой советской системе промышленно-торговых отношений были заложены вовсе не коммерческие принципы и не ставились задачи достижения выгоды.

Если задуматься о том, что сегодня еще можно увидеть из продуктов тех времен, то это, пожалуй, лишь тушенка и сгущенка. Недаром их так ценят за границей, особенно в Китае.

Вся система жизни в СССР была затратной. Очень затратно иметь массу бесплатных «пионерлагерей», в которые на лето выезжали практически все дети школьного возраста. Дети же дошкольного возраста выезжали в пригороды со своими детскими садами.

В кружке авиамоделирования.
Фото 1980-х годов

Невыгодно иметь для детей при школах, клубах и Домах культуры массу бесплатных кружков, секций, студий и т. п. Помню, я, например, в детстве занимался в секциях легкой атлетики, подводного плавания, академической гребли, тяжелой атлетики, в кружках фотодела, радиодела и авиамоделирования...

Если бы все эти высокие идеи социального благоденствия реализовывались в нашей стране на основе христианского воспитания, евангельских норм морали и нравственности и внутреннего духовного самосовершенствования, такое государство никогда бы не рухнуло. Но, увы, как мы писали выше, изначально все было построено на насилии, на страхе репрессий, тотальном контроле. И в конечном итоге на лжи и постоянном «промывании мозгов».

Так что очень жаль, что сокровенную мечту русского народа о царстве справедливости и правды так подло «оседлали» люди весьма недостойные. Потому и конец искусственной конструкции под названием СССР оказался закономерным и печальным.

И кое-что еще...

Выше я упомянул, что проблемы что-либо продать в СССР не могло существовать в принципе. Потому что постоянно чего-то на всех не хватало, а многого и вообще «достать» было практически невозможно. Тем не менее, всем этим недоступным перечнем «товаров народного потребления» монопольно владела «советская торговля». Это была сложившаяся «мафиозная» система, с жесткой иерархией и дисциплиной. В «брежневские» времена аскетизм Павки Корчагина и большевистский

Я на штабной должности. Североморск, 1990 год

максимализм окончательно ушел в прошлое, и вся партийно-государственная номенклатура кормилась особым порядком с тыльной стороны гастрономов и универмагов.

Соответственно, существовала выверенная до мелочей система получения так называемых «нетрудовых доходов». Эта система паразитировала на искусственной и потому нежизнеспособной системе товарно-денежных отношений страны. Элитарными учебными заведениями в СССР считались, конечно же, МГИМО, открывавший путь за границу, и Институт советской торговли, по указанным выше причинам.

Если тебе довелось попасть в те или иные направления советской торговли – хороший материальный достаток был гарантирован. Эта ситуация, конечно же, обыгрывалась в анекдотах того времени. В таком, например.

Очередь за «дефицитом» всегда была неотъемлемой стороной жизни в СССР

«Встречаются два еврея:

– Давно не видел тебя, Давид, как живешь?

– Живу прекрасно, работаю начальником склада, зарплата 55 рублей и, конечно же, кое-что еще...

– Ну, это просто великолепно! А я устроился на прием стеклотары, зарплата 60 рублей, ну, и кое-что еще...

– Как я рад за тебя, Рубен. А ты слышал, как не повезло нашему Фиме – работает директором завода, получает 360 и больше ни-че-го!»

Я как офицер и командир корабля, служа на Севере, конечно же, имел «полярные надбавки» и полуторную зарплату, но при этом, естественно, «больше ничего». К той – закрытой – стороне советской действительности, естественно, я никакого отношения не имел. Распределение дефицитных товаров командный состав обходило стороной. Чтобы приобрести этих благ, надо было оканчивать училище для политработников. Поэтому я даже предположить себе не мог, как скоро в моей жизни все «чудесно изменится».

Магическое слово «дефицит»

Для меня все началось с приглашения на разговор к начальнику политотдела гарнизона. Мне сделали неожиданное предложение: возглавить Комиссию по распределению товаров повышенного спроса в городе Североморске и его районе.

Все, кто жил в советское время, хорошо помнит значение магического слова «дефицит». Как говорилось в анекдоте: «Согласно с заявлениями руководителей партии и государства, у нас, в Советском Союзе,

в принципе, все есть». И некоторые простодушные люди пытались найти этот удивительный магазин со странным названием «Принцип».

Надо признать, что действительно на валюту за рубежом «Внешторг» закупал все самое лучшее из того, что либо не производилось в СССР, либо было неизмеримо худшего качества: мебель, бытовая техника, электроника, одежда, белье, обувь, французская косметика и т. д. Однако, по недостатку валютных средств, закупалось все это в количествах весьма ограниченных, с расчетом лишь на избранных членов общества.

К моменту моего упомянутого «взлета», в силу того, что уже ощущались «перестроечные» веяния, поступило указание о том, чтобы армейские политорганы больше не занимались, как раньше, распределением «дефицита». Необходимо для этого создать общественные комиссии. Решающую роль в такой комиссии должен была играть фигура председателя, являвшая собой образец непорочности, честности и, желательно, «боевого командира».

Когда же я ясно и недвусмысленно заявил, что отказываюсь от этой должности, сославшись на занятость и нежелание «заниматься тряпками», надо было видеть выражение лиц политработников. Они, должно быть, подумали, что я либо сумасшедший, либо просто не понял, что, собственно, мне предложили, либо действительно они нашли нужную кандидатуру.

Вскоре меня вызвал помощник Командующего КСФ и, пояснив, что моя кандидатура утверждена «на самом верху», пожал мне руку, пожелав успехов на этом трудном участке работы.

С этого дня в моей жизни все изменилось. Наступили невиданные, просто фантастические перемены, поскольку стало понятно, что мой нынешний статус вознес меня на головокружительную высоту. Можно сказать, что власть моя в гарнизоне отныне стала неограниченной. Лишь Командующий флотом и первые лица из его заместителей обслуживались напрямую из «Военторга», для всех остальных благодетелем и волшебником был я.

Все искали моей дружбы и расположения, все двери были для меня открыты, все мои пожелания выслушивались с пристальным вниманием и исполнялись незамедлительно. Влиятельные люди и начальники разных степеней стремились отныне тем или иным способом завязать со мной дружбу и оказать мне хоть какую-нибудь услугу. Естественно, это каса-

Для упорядочения очередей за «дефицитом» применялись жесткие организационные меры

лось и поведения женщин. Вокруг «дефицита» крутились шальные деньги и все так называемые «рады жизни».

Должность моя уже была штабная, чистого и бескрайнего моря со мной рядом больше не было, Бога я не знал, и к вере меня никто не приобщил. Ну, и вновь вспомню классика: «если Бога нет, то все позволено». От окончательной моральной гибели меня спас распад Советского Союза. Советская система жизни рухнула, и «распределять» стало больше нечего. Но этот жизненный урок показал мне всю мою слабость и отсутствие подлинного нравственного фундамента.

Это стало началом серьезных размышлений о смысле жизни.

Обещание

Думаю, у каждого человека, изначально воспитанного вне веры и обретшего, наконец, Бога, в памяти остается то основополагающее, удивительное и яркое событие, тот самый наступивший момент истины. Хотя ступени, этапы, ведущие к этому событию, многочисленны и ими наполнена вся наша жизнь.

Одним из самых ранних и самых ярких воспоминаний о моем первом опыте общения с Богом относится к осени 1985 года. Это мое первое осознанное к Нему обращение случилось во время тяжелого шторма, в котором оказался мой корабль во время перехода вокруг Скандинавии в Северном море. Я перегонял с Севера для ремонта на Балтике, в Польше судно, которое было очень изношено долгими годами боевых служб у берегов Африки в Анголе и Мозамбике.

Мы, естественно, принимали прогноз погоды и получили предупреждение о сильном циклоне, который, породив ураганный ветер, прошел над Англией, причинив там немалые разрушения. Двигаясь на восток,

На переходе морем. Скоро наступит испытание. Северное море, осень 1985 года

в эту ночь циклон должен был накрыть Западную Европу, но внезапно все изменилось: циклон резко повернул на север. В эту ночь он накрыл нас.

Ураганный ветер вызвал необычайно крутые волны, что порождало очень серьезные поперечные нагрузки на корпус корабля. В результате в корпусе появились трещины. Проржавевшее железо не выдерживало ударов стихии, волнами вырывало иллюминаторы. Дыры иллюминаторов экипаж заделывал пластырями и упорами. Вода через трещины, появившиеся в стальных листах палубы, начала поступать внутрь корпуса, что вызывало замыкания 380 вольт на корпус, поскольку изоляция кабелей крошилась и рассыпалась от долгого времени эксплуатации в тропическом климате. Стало выходить из строя навигационное и ходовое оборудование, и ситуа-

ция катастрофически ухудшалась.

Самым опасным оказался выход из строя системы рулевого управления: румпельное отделение залило водой. Срочно перейдя на аварийное управление рулевой машиной, мы обнаружили, что и ручное перекаладывание руля происходит с огромным трудом. Необходимо было очень быстро и долго вращать штурвал, дабы добиться движения пера руля на необходимый угол.

Корабль регулярно грозил «свалиться лагом», то есть стать бортом к волне, что при таком шторме привело бы к немедленному его опрокидыванию и гибели. С трудом взобравшись носом на очередную волну, благодаря невероятным усилиям рулевых корабль тут же переваливался на другую сторону, и все начиналась сначала. Изнемогающие рулевые менялись через каждые десять минут.

Я, как командир, был единственным, кто полностью владел обстановкой и понимал тяжесть положения корабля в целом. Весь экипаж надеялся на меня и ждал моих команд. И именно тогда, в ту страшную ночь у Фарерских островов, у меня появилась мысль: «Все смотрят на меня, надеются и доверяют мне, а на Кого смотрю я, на Кого я-то сам надеюсь?»

В порту г. Гдыня, куда удалось благополучно перегнать корабль для капитального ремонта. Польская Народная республика, 1985 год

Именно тогда я впервые попросил у Него помощи и дал какие-то обещания. Нам удалось совершить практически невозможное. Ситуация была взята под контроль. Корабль благополучно пережил ту страшную ночь и восстановил свою боеспособность.

Я не скажу, что я тогда уверовал или что жизнь моя радикально изменилась. Нет, до этого было еще далеко. Но это было со мной впервые. Это был мой первый опыт столь непосредственного общения с Богом.

Ходящие по морю

«Ходящему по морю без страха и без взаимной помощи пробыть невозможно», – такими словами раскрывается самая суть настоящей морской работы в строках древнего «Морского устава» поморов.¹ Наши

¹ «Морской устав новоземельских промышленников» XVIII века. П. 19. Цит. по Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983. С. 75.

предки не скрывали в своих наставлениях ясного понимания того, что «человеку на море страшно, ибо он пред морем, как пред Самим Господом»¹.

Безусловно, за время, что Господь отвел мне для «хождения по морю», было немало случаев, когда было страшно и душа взывала о помощи.

Помню, как-то мой корабль должен был пройти вдоль кабеля линии защищенной спецсвязи. Эта магистральная кабельная линия, как я понимаю, тянулась на многие тысячи миль вдоль всего Северного морского пути. Так вот, по каналам службы внешней разведки пришла информация, что натовцы могли приспособиться и с помощью подводных лодок установить на кабель считывающие устройства, которые спустя какое-то время забирать на расшифровку. Началась долгая и муторная работа – хождение вдоль линии этого кабеля. Нам нужно было обследовать его с помощью противоминной гидроакустики, чтобы обнаружить подозрительные предметы. Ходили мы долго и медленно, и в конце концов попали в тяжелый шторм.

Надо было где-то укрываться, и я запросил добро укрыться на рейде Кильдин-Могильный, который особо любил, как хорошо защищенный от ветров. К вечеру мы добрались, однако в этот раз ситуация там оказалась не столь благоприятной. На рейд заходили крутые волны, а грунт там песчаный и для якорной стоянки далеко не лучший. Надо было как-то вставать к причалу. Ветер при этом усилился небывало, и, что самое главное, он был отжимной, да еще и на причале концы принять было некому. Я вызвал боцманов и объяснил критичность ситуации.

Надо сказать, мои швартовые команды сработали на отлично. Два бойца дружно прыгнули на причал, не испугавшись высоты форштевня, и быстро завели носовой конец. Тут же и с юта на причал полетел бросательный конец (выброска). Пока вытаскивали швартовый трос на причал, корабль активно отжимало ветром от причала и разворачивало, грозя выбросить на мель. Но вот наконец заработал барабан вьюшки, натягивая кормовой швартов. Однако ветер не уступал, поднявшись до ураганного. Механизм вьюшки гудел с надрывом, все сильнее натягивая швартов, однако корабль практически не двигался в сторону причала.

¹ «Я переживал время безумного ужаса, никогда еще не изведенного в жизни, смотря как за первым взводом на карбас ползла следующая «водяная гора». Бубновский М.И. Свидетельство очевидца // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1915. № 6. С. 176.

Морская работа. Идет постановка контактного траля МКТ-2, Баренцево море, 1978 год

Капроновый канат аж звенел, вытягиваясь в струну. И тут наступил самый страшный момент – начали лопаться плетеные пряди каната. Одна за другой...

До выбрасывания корабля на берег оставались считанные минуты. Оставалась лишь одна возможность: попробовать подать на причал буксир – особо прочный канат толщиной с руку, и очень тяжелый. Новый бросательный конец уже полетел на причал, когда со звуком взорвавшейся гранаты швартов окончательно лопнул. Пара бойцов на причале, упираясь из последних сил, тянули из воды тяжеленный буксирный конец, который, в свою очередь, стремился утянуть их в воду. Когда петлю (огон) буксира невероятными усилиями наконец набросили на кнехт причала, корабль так отнесло, что он оказался едва ли не перпендикулярно к причалу. Но это уже было не страшно, буксир, наматываясь на вьюшку, уверенно притягивал корабль к долгожданному пирсу.

Вот такой припомнился небольшой эпизод – один из многих. В такие моменты вспоминаются удивительно важные строки из Корабельного устава, подбадривающие каждого командира корабля и призывающие «управлять кораблем смело, энергично и решительно, без боязни ответственности за рискованный маневр».

Я вспоминал этот случай и эти строки Устава, когда пришло печальное известие о катастрофе, случившейся с кораблем, которым в свое время я откомандовал три года, – с базовым тральщиком БТ-730. Это был первый пришедший в 1978 году на Северный флот тральщик нового поколения «Яхонт», проекта 1265.

Базовый тральщик, выброшенный штормом на мыс Цып-Наволоок. 1985 год

Тогда, 27 ноября 1985 года, БТ-730 обеспечивал испытания АПЛ и к вечеру встал на якорь в губе у мыса Цыпнаволоок. При сильном ветре и волнении якорь «пополз», корабль стало сносить к берегу. Командир решил сменить место стоянки. Стали выбирать якорь, но тут шпиль вышел из строя. Корабль волной тащит к берегу, а командир впал в ступор. Так ничего, собственно, он и не

предпринял, ожидая, не починят ли шпиль... Корабль выкинуло на берег, да еще столь далеко, что сдвинуть его обратно уже было невозможно. Корабельное оборудование демонтировали, а корпус взорвали...

Для меня это известие было тяжелым. Я хорошо знал не только этот корабль, но и экипаж и командира. Примеряя на себя ту ситуацию и представляя, как бы поступил я, опять же вспоминаю строки Устава: «смело, энергично и решительно, без боязни ответственности за рискованный маневр». Конечно, если нельзя было почему-то полностью вытравить в море якорную цепь, то надо было давать полный ход и, чего бы ни стоило, рвать цепь да выходить штормовать в море...

Мудрость вожака

Вспоминая случаи из корабельной жизни, когда бывало страшно, скажу, что они не обязательно были связаны непосредственно с морем.

Как-то осенью, находясь в море на рейдовых сборах нашей бригады противоминных сил, я приказал спустить шлюпку, дабы сходить на берег пособирать грибов. Мы высадились в районе острова Кильдин и разбрелись в разные стороны. Грибов было просто уйма. Погода прекрасная, неповторимая северная осень...

И тут я увидел завораживающую картину: с дальних сопок, петляя по тропе среди камней, к морю спускалось стадо диких северных оленей. Их было очень много, эта была бесконечная цепочка. Все новые и новые олени тянулись и тянулись друг за дружкой из-за сопки. Я завороженно наблюдал за происходящим. Как и каждый житель городской цивилизации,

я привык общаться с миром дикой природы, наблюдая за ней с экрана телевизора, ну, в крайнем случае, посещая с детьми зоопарк.

Так и сейчас, я умиленно глядел на эту впечатляющую картину, вовсе не понимая, что нахожусь не на диване, а на территории, где действуют иные, первобытные законы мира диких животных. И, как очень скоро стало очевидно, самым разумным в этой ситуации было сматываться как можно скорее.

Как я понял уже потом, я просто стоял на пути животных и тем, по сути, бросил им вызов с обычной беспечностью современного человека. В этом животном мире, что двигался мне навстречу, существуют свои незыблемые законы. И один из них – тот, кто слабее, должен уйти с дороги того, кто сильнее. Я же, бестолковый, стоял на дороге, по которой тысячами ходили предки этого оленьего стада, и, по сути, заграждал тропу их исторической миграции.

Головные олени были уже совсем близко. Это были самые мощные и красивые быки-гирвасы, с прекрасными ветвистыми рогами. Я воочию убедился, что дикий олень значительно крупнее одомашненного собрата. И лишь только сейчас до меня вдруг стало доходить, что это не кино, и что передо мной масштабно и страшно предстала чуждая мне стихия

Стадо диких оленей на Кольском Севере

Молодой бык-гирвас

дикой природы. Я вдруг ясно, самой кожей, почувствовал исходящую от них враждебность.

Тем временем их выжидание и внимательное смотрение на меня закончилось. От головной группы выдвинулись вперед два мощных самца, которые, наклонив огромные рога, стали рыть копытами землю.

Я внутренне содрогнулся и понял, что это конец – сейчас они меня «раскатают». Может быть, надо было бежать, но я стоял как вкопанный. Сейчас я думаю, что если бы я побежал, то они все равно непременно бросились бы за мной. Скорее всего, эта моя «вкопанность» меня и спасла. Это был страшный момент, и внутри меня все похолодело и вопило о помощи.

И помощь, как, к счастью, не раз бывало в моей долгой жизни, пришла. Неожиданно из стада вышел матерый, старый бык. У него была очень длинная и седая шерсть и шкура со многими боевыми отметинами. Стало ясно, что он тут главный. Это был вожак.

Каждый раз с благодарным сердцем вспоминаю я этого мудрого «старейшину» оленьего стада. Вожак неспешно обошел спереди готовых ринуться на меня горячих самцов и неподвижно встал перед ними поперек их пути. Он заградил меня, запрещая нападать на человека. Некоторое время они стояли, взвешивая ситуацию. Постепенно самцы утихли, перестали рыть землю, храпеть и поднимать рога. Вожак, убедившись, что его поняли, занял место впереди стада и неспешно тронулся в путь, обходя меня стороной. За ним потянулись и все остальные.

Я стоял ни жив ни мертв, а мимо меня, косясь золотистыми глазами, шли и шли матерые самцы, молодые бычки, нежные важеньки, самки с оленятами...

Вероятный противник

Страх, который есть неотъемлемая часть реальной «горячей» войны, мне испытать не довелось. Война, правда, шла, и очень напряженная, но она была «холодная». Со своим потенциальным противником мы встречались, естественно, только в море и рассматривали друг друга в те или иные оптические прицелы.

Обычно в те времена рядом с нами в море крутился норвежский корабль разведки «Marjata». Сейчас, насколько я знаю, он все также продолжает надоедать флоту в уже третьей своей «реинкарнации».

Кроме этого норвежца иногда в зоне нашей ответственности оказывался огромный американский танкодесантный корабль типа «Ньюпорт». За ним следить, в свою очередь, посылали наши силы, обычно это были малые противолодочные корабли (МПК) типа «Альбатрос»¹. Молодые и рьяные командиры быстроходных «Альбатросов», бывало, стремились как можно ближе подойти к объекту разведки, дабы добыть невероятно секретную информацию и сделать эффектные снимки вероятного противника. Это рвение не по разуму могло сыграть злую шутку.

Как известно, в определенный момент сближения движущихся судов возникает эффект их присасывания друг к другу. Этот феномен взаимно-

Так выглядел разведывательный корабль ВМС Норвегии «Марьята» в годы моей юности. Фото 1980 года

Современный облик-«реинкарнация» «Марьяты»

¹ Малый противолодочный корабль проекта 1124, скорость хода 35 узлов.

Малый противолодочный корабль пр. 1124М – «Альбатрос»

го притягивания кораблей зависит как от скорости движения, так и от размеров судов и подчиняется знаменитому закону Бернулли.

В этой связи вспоминаю историю, приключившуюся с одним из МПК на таком слежении. Надо полагать, командир того корабля о физическом законе Бернулли знал лишь в объеме известной флотской поговорки. Я имею в виду народную мудрость, описывающую ситуацию, когда корабельный офицер готов к убытию в долгожданный отпуск. Звучит она так: «Закон Бернулли – беги, пока не вернули». Действительно, практика показывала, что в этот ответственный момент получения отпускного билета обычно открывались новые, непредвиденные обстоятельства и складывался небывалый «форс-мажор», что требовало убытия вовсе не в отпуск, а в море, в дозор, на подмену, на брандвахту, на прибывшую проверку, в дежурство, в патруль – в общем, «старшим, куда пошлют».

Так вот, тот командир МПК, сблизившись с кораблем приличного водоизмещения, порядка 9 тысяч тонн, против одной тысячи у МПК, ис-

Танкодесантный корабль «Ньюпорт». Фото 1979 года

пытал на себе этот физический закон – эффект присасывания. В результате на полном ходу влетел в борт американца. Как известно, «Альбатросы» имели особо крепкие форштевни с так называемым ледовым усилением. Потому дыру в борту «Ньюпорта» он сделал немалую. При этом сам МПК практически не пострадал.

Осознав весь ужас произошедшего и масштаб спровоцированного им международного скандала, командир стал размышлять, как теперь всё правильно доложить оперативному дежурному Кольской флотилии. В результате в его голове сложилась единственно возможная формулировка, позволявшая гениально классифицировать произведенный таран: «С целью качественного визуального слежения сблизился с объектом вплотную. Продолжаю выполнение боевой задачи».

Вскоре корабль подменили, и он успешно вернулся в родной Полярный. Форштевень подкрасили. Задача была выполнена на отлично. И лишь спустя время по дипломатическим каналам пришел протест, а позже и снимки нанесенных повреждений. «Ньюпорт» вынужден был покинуть район дежурства и отправиться на ремонт в Норвежский порт Берген. Нашего командира слегка пожурили, но в целом все были довольны.

К этим слежениям привлекали и наши противоминные корабли. Понятное дело, тральщики имели совсем небольшое водоизмещение, малую скорость хода, и следить за громадным американцем им было весьма мучительно, особенно когда штормило. Кроме того, требовалось ловить брошенные врагом в море пакеты с мусором, дабы разведчики потом копались в этом дерьме. Эта работа изматывала всех, и хотелось что-нибудь отчебучить.

Как-то раз во время такого слежения особо отличился один из наших морских тральщиков «Комендор». Американцы, наблюдая, как мы всё тщательно вылавливаем, взяли и послали по воде пакет с журналами «Плейбой». Журналы, естественно, были немедленно конфискованы замполитом, и в праведном гневe у политработника созрел смелый патриотический план. Тральщик обогнал американца и бросил пакет с книгами Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева («Малая земля», «Возрождение» и «Целина»). Посылку американцы выловили, легкомысленно заглотив эту идеологическую наживку. Победно вернувшись на свое место в кильватер, наши вновь получили ответную посылку – на этот раз это оказались Библии. Тогда было принято решение больше на провокации не поддаваться и на время прекратить вылов плавающих пакетов.

Морской тральщик проекта 266-М

Но тут сигнальщики доложили, что с корабля в море упал какой-то контейнер. Долго сомневались, но решили все же контейнер подцепить: вдруг враг что-то важное уронил. Контейнер подняли и в нем обнаружили бочонок с ванильным мороженым. Искушение было весьма серьезным. Тральщик уже немалое время болтался в море, унылая корабельная еда мороженого не предполагала. Вызвали корабельного врача, который долго проверял, не отравлен ли соблазнительный десерт. Эксперимент провели сначала на корабельной кошке, затем на себе. Мороженое оказалось прекрасным, и в конечном итоге экипаж с большим удовольствием ознакомился с пищевым рационом вероятного противника.

По возвращении в базу командира сняли, как «утратившего классовое чутье», а замполита перевели на другой корабль, как «проявившего политическую близорукость».

Полный контакт

Справедливости ради скажу, что все же непосредственный контакт с нашим вероятным противником и не столь радикальным образом, чем предложил упомянутый выше командир МПК, мне довелось иметь в самый разгар «холодной войны». Это была весна 1975 года, когда я был курсантом четвертого курса ВВМКУ им. Фрунзе.

Этой весной закончилась долгая война во Вьетнаме. Американцы с позором бежали, «обретя по полной». Шестьдесят тысяч – это, конечно, много. У нас за весь Афган было 14 тысяч погибших. И как всегда в таких случаях, им неожиданно захотелось мира. Мы не возражали, и тогда, в ознаменование 30-летия Победы над фашистской Германией, случилось небывалое: Советский Союз и США решили обменяться визитами военных кораблей. В Ленинград пришел фрегат УРО «Леги» и эсминец «Таттналл».

Это было нечто доселе абсолютно невозможное. Я оказался в числе «счастливчиков», отобранных для посещения «логова врага». Все мы были «заинструктированы» до предела на предмет того, как использовать эту удивительную возможность в разведывательных целях. Каждый по итогам посещения должен был письменно изложить всё, им разведанное.

Первым же самым удивительным для нас оказалось то, что практически все на корабле было открыто и доступно для осмотра, включая даже ГКП и посты боевого управления оружием. Американцы так демонстрировали свое к нам пренебрежение и полную самоуверенность. Времена-

Ракетный крейсер (фрегат) «Леги», 1975 год

ми мы были предоставлены сами себе и, бродя по кораблю, безусловно, увидели много важного и полезного...

Но все это как бы перекрывалось ясным пониманием не только иного уровня жизни экипажа, но и иного духа, царившего на корабле. Все служило задачам максимального удобства находящихся на корабле людей, что у нас, наоборот, всегда считалось делом не только второстепенным, но и идеологически вредным. Если кратко, то бытовое устройство корабельной жизни у нас выстаивалось в русле известной притали: «Чтобы служба раем не казалась». Здесь же присутствовало стойкое ощущение комфорта, царившего на корабле, как внутреннего, так и внешнего. Например, такая небольшая деталь: на их корабле обозначались не «места для курения», как у нас, а «места, где курить нельзя». И этих мест мы обнаружили совсем немного.

В развитие этой темы можно добавить, что если на наших надводных кораблях какое-то внимание к бытовым условиям все же присутствовало, то на подводных лодках, особенно дизельных, этот вопрос долгое время просто игнорировался проектировщиками. В результате невыносимая специфика жизни подводников в дальних походах порождала защитную реакцию и юмор на эту тему. «Где-то в Северной Атлантике перед самым

Значок «идеологической направленности» в качестве сувенира «классовому врагу»

носом роскошного круизного лайнера всплывает наша дизельная подводная лодка. Открывается люк, и из ходовой рубки появляется чумазый подводник в ушанке. Осмотревшись, поднимает голову и, заметив на мостике капитана лайнера в белоснежном кителе, кричит: “Слушай, друг, Россия в какой стороне?” Изумленный капитан берет в руку рупор и отвечает: “Курс норд-норд-ост, сэр!” Подводник недовольно прищуривается: “Друг, кончай выпендриваться, – ты рукой покажи”».

Так вот, возвращаясь к тому посещению «супостата». Мы совершенно свободно ходили по американскому кораблю, – не позволили нам лишь спуститься в машинное отделение. При нашем появлении хозяева вели себя почеркнуто сдержанно и, как бы не замечая нас, безразлично продолжали заниматься своими делами. Каюты экипажа также были открыты настежь. Практически все наши ребята обратили внимание на напичканность различной невиданной бытовой техникой и на обязательную цветную фотографию семьи хозяина каюты, занимавшую центральное место на рабочем столе. Это, безусловно, вызывало уважение и симпатию – в наших каютах увидеть такое было невозможно. Для советского офицера подобное было абсолютно неприемлемо. Можно разместить фото любимого вождя или членов Политбюро, фото же семьи отвлекает от главного – от классовой ненависти и любви к родной коммунистической партии.

На верхней палубе для нас было организовано неформальное общение с экипажем. Для обмена сувенирами нам рекомендовалось иметь значки, содержащие «символы идеологической направленности». Помню, вручая значок с изображением «родного вождя», мы поясняли американцам: «This is Lenin», на что те с сомнением качали головой и упорно отрицали: «No, this is not Lennon». И действительно, наш «дедушка Ленин» был мало похож на Джона Леннона.

Конечно, было интересно наблюдать обоюдные реакции на нашу военно-морскую одежду. Мы с завистью глядели на их ослепительно белые нейлоновые рубашки, на такие же синтетические чехлы фуражек, кримпленовые тужурки и брюки и прочую дешевую пластмассовую атрибутику. Нам казалось, что это невероятно красиво и недостижимо. Они же,

в свою очередь, с недоверием щупали нашу форму и спрашивали: всегда ли мы так одеты? И неужели у нас все вооруженные силы одеты в такие ткани? На наши вопросы, почему их так это удивляет, они отвечали: «It's all very expensive» (это все очень дорого).

Лишь тогда мы задумались, что наша форма пошита только из натурального материала: чистая шерсть, хлопок, лен, шелк... «You are a very rich country» – с недоумением качали головами американцы, осматривая наши шитые золотой канителью кокарды и погоны. И теперь, спустя десятилетия и вдоволь «наевшись» синтетикой, мы хорошо понимаем, что многое в той жизни было натуральным, здоровым и очень дорогим. Неудивительно, что американцев тогда это потрясло – они, как никто иной, всегда хорошо умели считать деньги.

Когда мы покидали корабль, то впервые увидели, как четко работает на корабле военная полиция. С берега возвращались американские матросы и, так же, как у нас, их встречал дежурный офицер, принимая доклад о прибытии из увольнения. Один из поднявшихся по трапу на корабль матросов вел себя развязно и, будучи явно в подпитии, что-то высказал офицеру. Моментально из помещения надстройки возникли двое крепких ребят, видимо, морпехи, и матросик с заломленными за спиной руками исчез с палубы. Офицер же невозмутимо продолжал принимать доклады прибывающих после посещения Северной столицы.

Мы переглянулись, с явной завистью наблюдая, как успешно и радикально решаются вопросы дисциплины на корабле. У нас в подобной ситуации всегда был виноват «конкретный нерадивый офицер», который не сумел воспитать советского матроса, проявив «преступную халатность, беззубость и мягкотелость».

Эта неизменная и абсурдная установка имела своим истоком все ту же идеологическую подоплеку «классовой ненависти» и «диктатуры пролетариата». Выше мы писали, как инженеры, ученые, интеллигенция в СССР несли на себе некое пятно «родового проклятия» и ущербность по классовому признаку. То же самое происходило и с офицерами. С 1917 года армия и флот у нас считались рабоче-крестьянскими и, следовательно, по духу более «солдатско-матросскими», чем офицерскими. О том, как вела себя пьяная «революционная» матросня и как страшно расправлялась она с «офицерьем», в Кронштадте и Севастополе вслух не вспоминали, но внутренне это одобрялось и осуждать никто не собирался...

Семья народов

Вспоминая личный состав кораблей того времени, невольно удивляешься, насколько бесконфликтной была атмосфера в экипаже в плане межнациональных отношений. Безусловно, в Советском Союзе очень внимательно относились к национальному вопросу, хорошо понимая, насколько эта тема взрывоопасна. О каком-либо превозношении одной нации над другой можно было услышать лишь в виде шутки. Представитель одной из многочисленных национальностей СССР вдруг заявляет: «Армяне лучше, чем грузины!» Его все спрашивают: «А чем, чем лучше-то?» Ненадолго задумавшись, он уверенно отвечает: «Чем грузины!»

На флоте представители всех многочисленных народов СССР были широко и в разумной пропорции представлены во всех корабельных экипажах. Справедливости ради следует заметить, что тогда никто особо и не интересовался, какой национальности тот или иной матрос.

Приведу забавный эпизод из корабельной жизни тех давних лет. Дежурный по кораблю – азербайджанец старшина 2 статьи Джамшид Аллахвердиев, маленький и щуплый, по кличке «Негатив» (из-за ослепительно белых зубов и белков глаз на фоне очень смуглой кожи). Рабочий по камбузу – молодой матрос, украинец Иван Пидгрушный – белокурый розовощекий богатырь. Аллахвердиев по долгу службы заходит на камбуз и важно спрашивает: «Готов ли обед?» Пидгрушный отвечает: «Не готов, треба найти сіль». Аллахвердиев саркастически качает головой: «Не сіль, а сол! Чурка нерусская».

И вот теперь, когда все эти народы, столько веков жившие вместе, разбежались по своим углам – такая печаль охватывает от осознания того, что случилось с величайшей страной мира. При этом следует честно признать: в 90-е году мы наблюдали логическое завершение тех разрушительных процессов, которые были запущены в 1917 году. Как известно, сразу после крушения Империи по всей России начались мощнейшие центробежные процессы и оголтелая борьба за суверенитет.

Вскоре до новых властей стало доходить, что «мировая революция» явно задерживается, а строить «светлое будущее» очень скоро будет не с кем. И тогда последовали жесткие меры. Залив страну кровью, парализовав людей страхом террора, всевластием силовых структур и репрессиями, большевикам удалось остановить дальнейший распад территории великой Российской империи.

Плакат сталинской эпохи

Со времен установления диктатуры Сталина (1929 год) вопросу сохранения единства народов в составе Советского Союза придавалось первостепенное значение, и этот вопрос жестко контролировался властью. Сталин, как известно, настаивал на установлении статуса независимости республик не выше автономии, но победила точка зрения «кремлевского мечтателя» В.И. Ленина с его знаменитым «правом нации на самоопределение». Когда же в 1922 году появилось новое государство СССР, всем стало понятно, что это очень опасное «право нации» необходимо чем-то надежно купировать. И эта задача была решена с помощью монополии на идеологию, жесткой вертикалью партийно-государственного аппарата, тотальным контролем в общественной жизни и всеилием репрессивных органов¹.

В 1991 году все невольно вспомнили Сталина, который предчувствовал, что в 1922 году в Конституцию Союза была заложена мина замедленного действия. Спустя семьдесят лет эта мина сработала. Как только хватка ослабла, угроза репрессий и массовый террор позабылись, а идеологический диктат иссяк – СССР развалился. Сегодня каждый нормальный человек, гражданин и патриот не может не воспринимать произошедшее как национальную трагедию. Хотя, еще раз повторим, вся эта беда была лишь логическим завершением той катастрофы, что случилась с нашей страной в 1917 году.

¹ «Кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение». И. Сталин. «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», XII съезд РКП(б) 25 апреля 1923 года.

Пятый пункт

У меня был друг детства – Мишка. Мы любили собираться семьями, когда приезжали в отпуск с Севера в Ленинград. И вдруг он объявил, что уезжает с семьей в Израиль. Это был 1978 год – тогда уезжать еще было можно.

Как известно, в 1973 году СССР под большим давлением извне и с целью «разрядки международной напряженности» подписал «Международный пакт о гражданских и политических правах», что позволяло евреям ставить вопрос о возможности возвращения на историческую родину. Это было невиданно и казалось совершенно невероятным. Но с этого момента среди представителей этой национальности иных тем для разговоров не было: «Два еврея о чем-то разговаривают на улице. Подходит третий: “Простите, я не знаю, о чем вы говорите, но ехать, конечно, надо”». Безусловно, это не могло длиться долго. В начале 80-х эту лазейку закрыли, поскольку «разрядка» была свернута – наши войска вошли в Афганистан.

Никто из нас, собственно, никогда не задумывался о том, какой национальности друзья. В то же время указывать свою национальность в паспорте и других удостоверяющих личность документах было обязательным. Следует признать, что на уровне государственной политики в тех или иных правовых областях проводилась в жизнь (мягко и неявно) дискриминация по национальному признаку. Зная это, предпринимались попытки скрыть нежелательные национальные корни, так сказать, «микрировать». Это, собственно, началось с наших многочисленных революционных лидеров, сменивших ярко выраженные национальные имена и фамилии на безобидные русские. И в дальнейшем эта тенденция сохранялась во все советские времена. Естественно, на это явление народ отзывался иронией. Из разговора с кандидатом на что-то: «А как Ваша фамилия?» – «Сахаров». – «Пожалуйста, точнее». – «Сахарович». – «Еще точнее». – «Цукерман».

Так что, бывало, в ответ на вопрос: «А за что? Почему?» можно было услышать короткое: «Пятый пункт». Это был номер пункта в бланках учета паспортного стола, там, где была прописана графа *национальность*. «Инвалид пятой группы» – так иронизировали над человеком, имевшим «сомнительную» национальность.

Это ощущение «национального» беспокойства отразилось в еврей-

ских присказках того времени: «Леня, ты слышал, говорят, скоро будут бить евреев». «Давид, ты же знаешь, я по паспорту – русский». «Леня, бить будут не по паспорту, а по морде».

Фобии и травмы

Так вот, Мишка укатил-таки за рубеж. Первым пунктом его прибытия и временного размещения оказалась Австрия – Вена. В конечном итоге ему удалось оказаться в США. Будучи с детства очень толковым парнем, он со временем сделал неплохую карьеру инженера на производстве где-то в Миннесоте.

Мы с ним повидались уже после перестройки, в 90-е годы. Он рассказывал много интересного. Особенно запомнился рассказ о его беседах с европейцами, когда он находился на перевалочном пункте в Вене, а затем в Италии.

Во времена наибольшей мощи Советского Союза, когда «эта варварская страна» нависала над Европой, как жуткая, кошмарная угроза, настроения европейцев были самые панические. Многие австрийцы делились с Михаилом своими мыслями о том, что «лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Дословно, многие из них повторяли: «лучше быть красным, чем мертвым». И добавляли, что живут же как-то люди и в ГДР, и в Венгрии, и в Польше... При этом особенно вспоминали Чехословакию в 1968 году, когда уже к утру 21 августа европейские державы были поставлены перед фактом, что пять тысяч танков и полмиллиона солдат Варшавского договора за одну ночь оккупировали всю страну.

Поэтому Горбачев, Перестройка и распад Советского Союза вызвал на Западе состояние безумного ликования и просто запредельного счастья. Многие, наверное, помнят репортажи о европейских вояжах Михаила Сергеевича с Райсой Максимовной, когда толпы народа на улицах орала как безумные: «Горби! Горби!» и едва не вываливались из окон в состоянии полной эйфории.

Надо хорошо понимать, что за эти долгие годы ужаса XX века у европейских стран сложился устойчивый психический комплекс по отношению к нашей стране. Чувства тревоги, подозрения, страха перед угрозой вторжения «красных орд» приобрели характер навязчивой фобии и стали ведущими ощущениями людей на Западе, мотивирующими все их поведение.

21 августа 1968 года. Танки СССР в Праге, ЧССР

Могло ли быть иначе? Ведь огромная страна, размером в 1/6 всего мира, в официальных документах своей неизменной целью выдвигала скорое совершение «мировой революции» и непременное «освобождение рабочего класса», который, собственно, ее об этом не просил. О масштабности планов и решительности в достижении заявленных целей недвусмысленно напоминал и герб СССР, когда, вопреки всем законам геральдики, на нем красовалось изображение всего земного шара.

Так что нынешнее активное и дружное сопротивление западных стран нашему новому возрождению подчас имеет некий иррациональный характер, проявляясь почти на уровне инстинктов. Эта реакция порождена теми же фобиями, не уврачеванными психическими комплексами, все еще живущими в них со времен ушедшего в прошлое идеологического противостояния двух мировых систем. Чтобы купировать эту психическую травму, нужно время.

Нам же сейчас надо идти своим путем и действовать по известной половице: «Собака лает, а караван идет».

Лихие девяностые

Как известно, «всяк пьет, да не всяк крикает». Так вот, помню, как мой замечательный тесть, закончивший Великую Отечественную полковником, позволяя себе опрокинуть рюмочку, обязательно, как положено «крякал», но и неизменно при этом добавлял: «Крепка советская власть!»

Увы, в действительности все оказалось иначе. Конструкция, в основании которой было положено безбожие, оказалась обречена, как ни старались люди своими силами не допустить ее распада. Этот закон Божий прописан в Библии со времен глубокой древности: *«Если не Господь созиждет дом, напрасно трудятся строящие его; если не Господь охраняет город, напрасно бодрствует страж»* (Пс.126,1).

Советский Союз, великая мировая держава, рухнул настолько стремительно и неумолимо, что вначале никто толком ничего не понял. Людей, которые в полной мере были способны осознать, что происходит и какая сейчас наступит катастрофа, не было и слышно. Робкую попытку ГКЧП никто всерьез не воспринимал, в том числе и сами участники этой затеи.

Практически все испытывали некую странную эйфорию от происходящего и нездоровое чувство злорадства. Будто бы вся страна запела вместе с Высоцким: «чую с гибельным восторгом, пропадаю, пропадаю...»

Помню, на заре «перестройки» ходил анекдот, комичность ситуации в котором заключалась в абсурдной мысли установки в Киеве памятника Бендере. Это было очень смешно, и все смеялись, поскольку это было абсолютно исключено. Сейчас этот памятник стоит – и смеяться не хочется.

Всеобщий тоталитарный контроль, который был постоянным фоном жизни государства в течение всех семидесяти лет советской власти, исчез настолько внезапно, что первое время все властные и околовластные структуры впали в некий ступор. Эта растерянность вскоре сменилась осознанием уникальности момента. Неожиданно, из ниоткуда, объявились ранее никому не ведомые личности, по прежним временам совершенно ничтожные, но ловкие и хваткие, быстрее всех сообразившие, что иного такого случая не будет. В общем, как в той присказке про сумасшедший дом: «Кто первый белый халат надел, тот и врач».

Не осталась в стороне и номенклатура государственных и партийных структур, которая и раньше хорошо знала, «с кого конца морковку ку-

сать». Она дружно и энергично приступила к реализации невиданных в истории возможностей захвата и раздела всего того, что еще недавно являлось гордостью и достоянием величайшей мировой державы.

Этот процесс оказался настолько завораживающим и упоительным, что о порядке в стране и о положении остального народа думать стало некому. Увы, такие же процессы начались и на флоте. Зарплаты не выплачивались по полгода. Офицерам предлагали писать рапорта на демобилизацию по сокращению. Все стали искать способы хоть как-то заработать. Кто-то подрабатывал таксистом на своих «Жигулях», кто-то ездил в Мурманск разгружать вагоны...

Я стал готовиться к демобилизации и затеял свой торговый бизнес. Страна тем временем вступила в период становления капиталистических отношений по образцу «дикого запада» времен американских вестернов. Реальные властные полномочия перешли к различным группировкам организованной преступности. Живя «по понятиям», они поддерживали некий порядок в том же ключе, как в бизнесе, так и в обществе в целом. Каждый, кто затеял какое-то свое дело, могущее приносить доход, был обязан иметь «крышу». Этих «крыш», или ОПГ, стало чрезвычайно много. В них уходили бывшие спортсмены, сотрудники всех сокращаемых силовых структур, сливаясь при этом с ранее существовавшим уголовным миром СССР. «Крышеванием» занимались и сами действующие органы МВД, прокуратуры, КГБ... Но бизнес был еще весьма слаб, и «крыш» на всех не хватало. Поэтому много стреляли и взрывали. Никто статистики этой войны 90-х так до сих пор не объявил, но, думаю, она должна быть страшной.

На меня тоже регулярно наезжали те или иные «реальные пацаны» с нехитрым предложением о том, что «надо делиться». Однако так получилось, что волею случая я оказался близок одному очень уважаемому мурманскому криминальному авторитету. Ему, видимо, льстило общение со мной, – в это время я ждал приказа на демобилизацию и приезжал к нему в гости в форме капитана 2 ранга. Мы с ним любили поговорить по душам. Так что вопрос с «крышей» у меня решился сам собой. При его имени все желающие «вступить в долю» в моем бизнесе менялись в лице и вежливо прощались, прося передать NN «полную уважку».

Не секрет, что все эти криминальные структуры и преступные схемы в той или иной мере пытались отслеживать и контролировать органы

Реальная власть в стране в то время принадлежала таким ОПГ

ФСБ, решая при этом свои задачи и не забывая про свои интересы. Это же касалось и наших флотских «органов».

Тем временем у моего необычного приятеля наступил юбилей – пятидесятилетие. Юбиляра чествовали в мурманском ресторане поистине с традиционным размахом русской вольницы. Съехались все авторитеты области. Выступали популярные деятели эстрады тех лет. Торжественно вносили диковинные подарки. Все это снималось на три камеры. Самое неожиданное было то, что меня посадили рядом с юбиляром. Вскоре, когда веселие перешло в наивысшую стадию и приобрело специфический колорит, я поспешил удалиться. Тем не менее, одна из тех видеозаписей попала в ФСБ. Надо было видеть лицо нашего флотского «особиста», курировавшего мою воинскую часть, когда вскоре он пришел ко мне побеседовать... Было видно, что он даже не знает, как теперь со мной говорить и с чего, собственно, начать... Я старался объяснить, что это случайность, что я вовсе не воротила преступного мира, но, думаю, до конца он мне так и не поверил.

Это был неповторимый мир девяностых...

На пороге XXI века

Наступил август 1998 года, принесший России экономическую катастрофу – так называемый дефолт¹. Кредиты на развитие малого бизнеса

¹ Экономический кризис 1998 года был одним из самых тяжелых экономических кризисов в истории России. Основными причинами были: огромный государственный долг России и строительство финансовой пирамиды ГКО (государственные краткосрочные облигации), закономерно рухнувшей на определенном этапе своего развития. В результате разорилось огромное количество малых предприятий.

в те времена брали исключительно у криминальных структур и только в долларах. Бандиты с радостью под разумные проценты снабжали ими предпринимателей и, в свою очередь, ограждали от проблем с «наездами» и разборками.

Однако к началу 1999 года весь малый бизнес в стране коллапсировал. Катастрофа была всеобщей, и причину ее озвучил Центробанк РФ: «Проблема российской банковской системы состоит в том, что у большинства банков обязательства выражены в валюте, а активы – в рублях».

В результате случилось то, что должно было случиться: Правительство прекратило выплаты процентов по ГКО (государственным краткосрочным облигациям), а Центральный банк перестал поддерживать рубль. В стране объявили дефолт. За относительно короткий срок курс доллара взлетел с шести рублей до двадцати одного. Платить проценты по валютным кредитам в этих условиях стало невозможно, отдавать долги тем паче. Позже стало известно, что наше несчастное население потеряло 19 млрд. долларов.

Тем временем в моей духовной жизни происходили радикальные перемены. Я и моя семья чудесным образом обрели сокровище христианской веры. Весной 2000 года великий российский старец архимандрит Иоанн Крестьянкин благословил меня на принятие монашества и на дальнейший священнический путь. Это известие стало для меня и для всех окружающих полной неожиданностью и в первую очередь тяжелым переживанием для моей жены.

Однако помимо этих переживаний на моем пути к священству реальную угрозу таила ситуация с моим бизнесом. В условиях продолжающегося кризиса наши долги в «долларовом эквиваленте» продолжали расти. И, прямо скажем, ужас охватывал меня от понимания того, что когда речь идет о суммах, выражающихся во многих десятках тысяч долларов, жизнь человека в расчет не берется.

Вследствие дефолта, по меркам того времени, наш долг стал составлять совершенно астрономическую сумму, которую нужно было вернуть питерским бандитам. Чтобы вспомнить, что, собственно, тогда творилось в стране, можно привести такой факт: нашу роскошную трехкомнатную квартиру в сталинском доме тогда с трудом удалось продать за полторы тысячи долларов (в наше время это 100 тысяч рублей).

Все это было как ночной кошмар, хотелось поскорее проснуться. «Проснуться» удалось сразу, как только состоялся мой окончательный

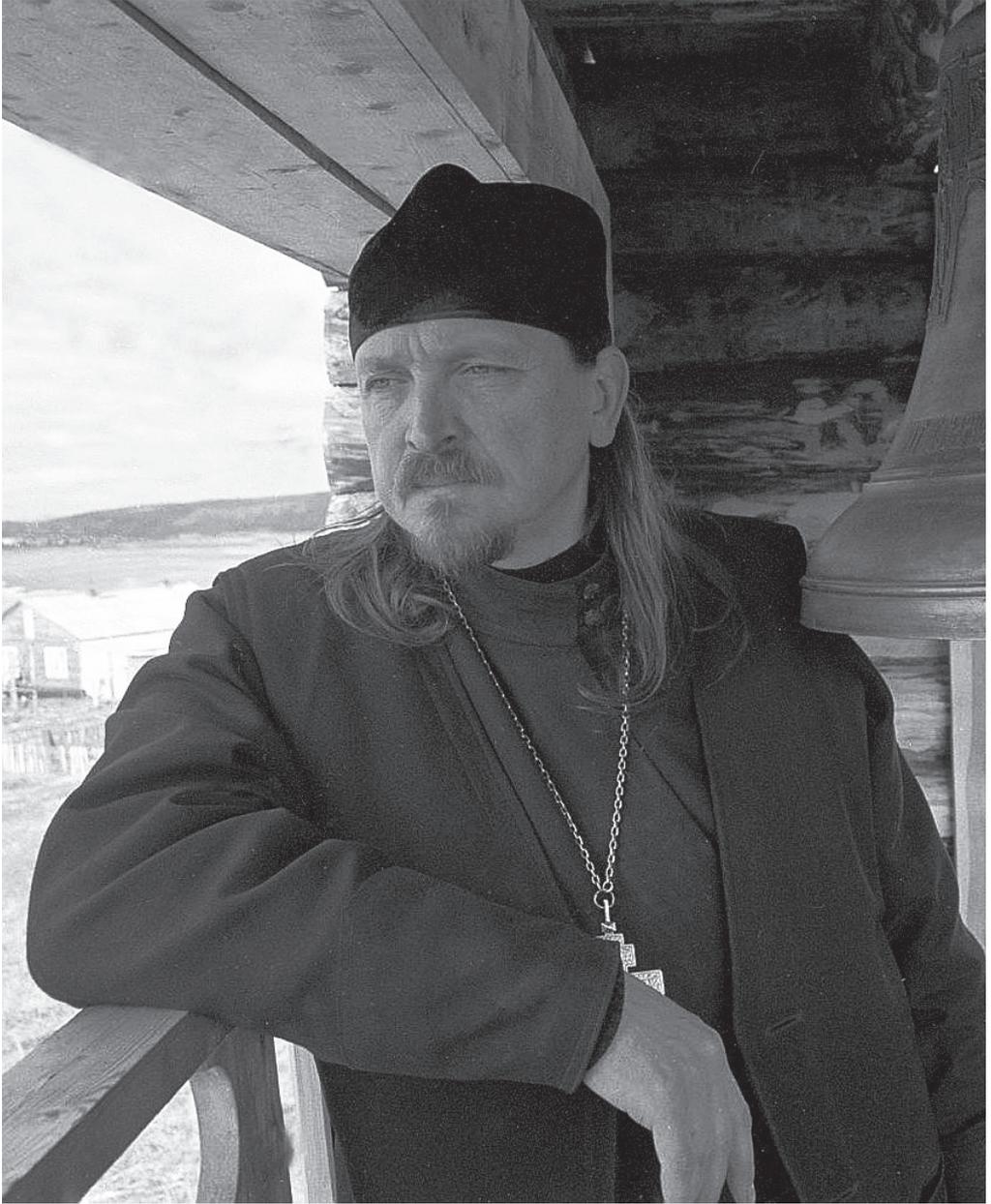
разговор с женой, и она мужественно благословила меня принять монашеский постриг.

Спасительное чудо не заставило себя ждать: Господь тотчас снял заклятье с нашего многострадального бизнеса. На следующий день (!) в нашем магазине «неожиданно» появился покупатель. Он поинтересовался, не хотим ли мы продать свой бизнес. Мы приступили к разговору, сразу назвав цену равную нашему долгу. Не больше и не меньше. «Согласен» – был его ответ.

Позже, когда я встречал этого предпринимателя, он неизменно заводил разговор о том времени, вновь и вновь с недоумением вспоминая тот день и сетуя, что не знает, что это тогда на него нашло – выложить такую сумму, даже не торгуясь...

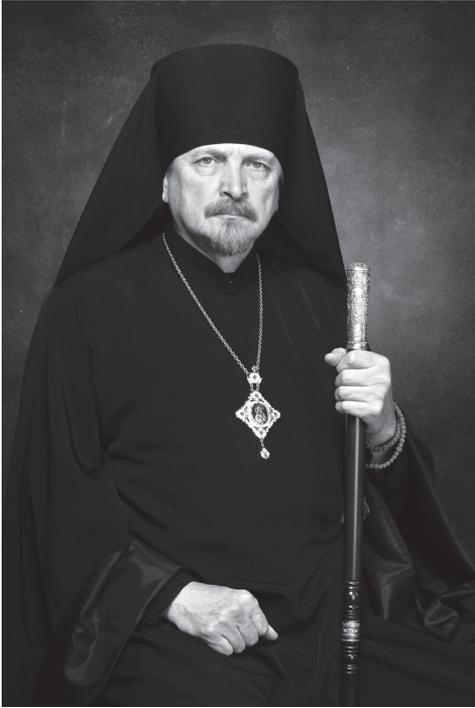
Все изменилось – долгое советское прошлое ушло и вспоминается теперь, как «иная жизнь и берег дальний». Мой XX век завершился. Жена уехала к родителям на Украину. Дети поступили на учебу в Санкт-Петербурге. Я принял монашеский постриг с новым именем Митрофан и уехал служить в самую удаленную точку Мурманской епархии – поморское село Варзугу.

Наступил мой XXI век.

Наступил мой XXI век. Терский берег Белого моря, с. Варзуга

Краткая биографическая справка

Епископ (ныне митрополит) Митрофан (Баданин Алексей Васильевич), правящий архиерей Североморской епархии.

Родился 27 мая 1953 года в городе Ленинграде. Потомственный военный моряк.

В 1976 году окончил Высшее Военно-морское командное училище в г. Ленинграде и в звании лейтенанта ВМФ убыл на службу на Северный флот. Начиная с 1977 года состоял в должности командира корабля и в дальнейшем командовал кораблями различных классов. С 1988 года на штабной работе в г. Североморске. В 1995 году окончил Военно-Морскую академию. В 1997 году демобилизовался по сокращению в звании капитана 2 ранга.

С 1998 года состоял пресс-секретарем Правящего Архиерея и руководил издательством Мурманской епархии. Основатель и первый редактор газеты «Православный Североморск», на базе которой в дальнейшем организовал и возглавил издание газеты Мурманской епархии «Православная миссионерская газета».

В 1999 году поступил в СТПБИ (ныне Свято-Тихоновский Православный гуманитарный университет), который окончил в 2005 году, поступив в аспирантуру.

В 2000 году принял монашеский постриг с именем Митрофан и рукоположение в священник сан.

До ноября 2013 года игумен Митрофан (Баданин) являлся настоятелем Успенского прихода села Варзуга, Благодичным Терского округа, председателем Комиссии по канонизации святых Мурманской епархии.

Автор многих книг и публикаций по истории Крайнего Севера, богословию и проблематике агиографического наследия Церкви.

Член Союза писателей России.

Основатель и автор серии книг «Православные подвижники Кольского Севера» (с 2002 года в серии издано четыре книги).

Книга «Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей» была удостоена медали и премии святителя Макария Московского за 2003 год.

Основатель и автор серии книг «Кольский патерик», посвященной жизнеописаниям подвижников веры и благочестия, подвизавшихся на территории Мурманской епархии (с 2006 года в серии издано семь книг).

Основатель и автор серии книг «Святые Кольского Севера» (с 2007 года в серии издано три книги).

Руководитель и координатор научно-богословской историко-краеведческой конференции «Феодоритовские чтения». В октябре 2019 года состоится двенадцатая конференция.

В 2009 году игумену Митрофану присуждена ученая степень кандидата богословия за защиту диссертации, написанной на кафедре Истории Русской Церкви ПСТГУ. Тема: «Житие преподобного Трифона Печенгского и история Печенгского монастыря в свете новых и малоизученных исторических документов».

В 2009 году за книги «Преподобный Трифон Печенгский» и «Преподобный Варлаам Керетский» Союз писателей России присвоил звание лауреата премии «Имперская культура».

В 2010 году Издательский Совет Московского Патриархата по результатам V конкурса «Просвещение через книгу» объявил книгу

«Неугасимая лампада “Курска”» «Лучшей духовно-патриотической книгой». В дальнейшем книги владыки Митрофана неоднократно объявлялись победителями этого конкурса.

Определением Священного Синода от 2 октября 2013 г. (журнал № 111) на территории Мурманской области была создана Североморская епархия. Епископом Североморским и Умбским избран игумен Митрофан (Баданин).

Определением Священного Синода от 26 февраля 2019 г. (журнал № 10), Преосвященным Мурманским и Мончегорским, главой Мурманской митрополии быть епископу Североморскому и Умбскому Митрофану.

17 марта 2019 года в связи с назначением главой Мурманской митрополии возведен в сан митрополита.

Сведения о написанных и изданных книгах:

1. «Святые мученицы Пузинские Евдокия, Дария, Дария и Мария». Под ред. иеромонаха Митрофана (Баданина). Мурманск, 2002.

2. «Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей». Мурманск, 2002. 144 с.: ил. – (Православные подвижники Кольского Севера: Книга I).

3. «Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления». Изд. Мурманской и Мончегорской епархии. Мурманск, 2003. 296 с.: ил. – (Православные подвижники Кольского Севера: Книга II).

4. «Знание или любовь? О допустимости научных методов в толковании Евангелия». Мурманск, 2005.

5. «Житие преподобного Феодорита, просветителя Кольского: в излож. иеромонаха Митрофана (Баданина)». Мурманск, 2006. (Кольский патерик: Книга I).

6. «Предание о Тихвинской иконе Божией Матери, что в селе Кашкаранцы на Терском берегу Белого моря». Мурманск – СПб., 2007. (Святые Кольского Севера: Выпуск I).

7. «Преподобный Варлаам Керетский. Исторические материалы к написанию жития». СПб. – Мурманск, 2007. 248 с.: ил. – (Православные подвижники Кольского Севера: Книга III).

8. «Преподобный Трифон Печенгский. Исторические материалы к написанию жития». Мурманск – СПб., 2009. 304 с.: ил. – (Православные подвижники Кольского Севера: Книга IV).

9. «Варзуга. Жемчужина Кольского Севера. К 590-летию первого русского поселения на Кольском Севере». Мурманск – СПб., 2009.

10. «Неугасимая лампада “Курска”». К 10-летию трагедии 12 августа 2000 года». Мурманск – СПб., 2010. 108 с.: ил.

11. Жития новомучеников Кольского Севера. В излож. игумена Митрофана (Баданина) – СПб. – Мурманск: Изд. Ладан, 2011. – 16 с.: ил. – (Кольский патерик: Книга II).

12. Молитвословия Всем святым Кольским и чтимым иконам. Под ред. игумена Митрофана (Баданина) – СПб. – Мурманск: Изд. Ладан, 2011. – 24 с.: ил.

13. Житие преподобного Варлаама Керетского чудотворца в краткой редакции, со стихотворным его изложением в форме акафиста. Под редакцией Митрофана (Баданина) – СПб. – Мурманск: Изд. Ладан, 2011. – 48 с.: ил. – (Кольский патерик: Книга III).

14. «Икона Великого Князя: Сказание о Великом Князе Михаиле Александровиче Романове и его моленной иконе Божией Матери «Казанская», что ныне пребывает в церкви преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга». СПб. – Мурманск: Ладан, 2012. – 156 с.: ил.

15. «Кашкаранские святыни Терского берега». СПб. – Мурманск: Изд. Ладан, 2012. 48 с.: ил. (Святыни Кольского Севера: Выпуск II).

16. «История Кандалакшского монастыря». СПб. – Мурманск, 2012. – 32 с.: ил. – (Святыни Кольского Севера: Выпуск III).

17. Князь Александр Невский и Кольский Север. Неизвестные страницы жития. СПб. – Мурманск, 2013. (Кольский патерик: Книга IV). – 72 с.: ил.

18. Война и любовь. СПб. – Мурманск, 2013. 72 с.: ил.

19. Правда о русском мате. СПб. – Североморск: Изд. Ладан, 2013. – 72 с.: ил.

20. Подвиг «Тумана». Люди и судьбы. СПб. – Североморск, 2016. (Кольский патерик: Книга VI). СПб – Мурманск, 2013. 72 с.: ил.

21. Житие преподобного Трифона Печенгского чудотворца. В изложении епископа Митрофана (Баданина). СПб. – Североморск: Изд. Ладан, 2017. – 72 с.: ил. – (Кольский патерик: Книга VII).

22. Север как феномен. Христианство на подступах к Кольскому Северу // Кольский Север в Средние века. Т. 1. СПб., Ладан, 2017. 272 с.: ил.

23. Присоединение Кольского Севера к Новгородской Руси. Аборигены края и первые христианские поселения // Кольский Север в Средние века. Т. 2. СПб., Ладан, 2017. 315 с., ил.

24. Активная христианизация Кольского Севера в XVI веке. Просветители края, итоги миссии и их последователи // Кольский Север в Средние века. Т. 3. СПб., Ладан, 2017. 427 с., ил.

25. Духовные истоки Русской революции. СПб. – Североморск: Изд. «Отчий Дом», 2017. – 72 с.: ил.

26. Спорт и его духовные аспекты. СПб. – Мурманск, 2019. 72 с.: ил.

27. Мой XXI век. Долгий путь к свету. СПб. – Мурманск: Изд. Ладан, 2019. – 182 с.: ил. (в печати).

Сборники Феодоритовских чтений:

1. «Преподобный Феодорит Кольский и его духовное наследие». Первые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Под ред. иеромонаха Митрофана (Баданина). Мурманск – СПб., 2007. 127 с.: ил.

2. «К 590-летию Варзуги как первого русского поселения на Кольском Севере». Вторые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Под ред. игумена Митрофана (Баданина). Мурманск – СПб., 2009. 304 с.: ил.

3. «Христианские воззрения на страдания и скорби в спасении человека». Третьи Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Под ред. игумена Митрофана (Баданина). Мурманск – СПб., 2010. 204 с.: ил.

4. «Север и История». Четвертые Феодоритовские чтения». Сборник научных статей. Под ред. игумена Митрофана (Баданина). Мурманск – СПб., 2011. 204 с.: ил.

5. «Дом Романовых в истории. К Четырехсотлетию Дома Романовых». Пятые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Под ред. игумена Митрофана (Баданина). Мурманск – СПб., 2012. 286 с.: ил.

6. «Мученики XX века». Шестые Феодоритовские чтения». Сборник научных статей. Под ред. игумена Митрофана (Баданина). Мурманск – СПб., 2013. 376 с.: ил.

7. «Север и война». Седьмые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Мурманск – СПб., 2014.

8. «Просвещение на Севере Европы». Восьмые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Североморск – СПб., 2015.

9. «История Северного мореплавания» Девятые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Североморск – СПб., 2016.

10. «Север и революция». Десятые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Североморск – СПб., 2017.

11. «Романовы на Мурмане». Одиннадцатые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Североморск – СПб., 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
Даты и смыслы.....	4
Формирование характера.....	6
Дачная жизнь.....	7
Выходные на курорте.....	8
Церемония на перроне.....	11
Дама с зонтиком.....	12
«Африканские страсти».....	14
Утраты.....	17
Сталин и его «империя».....	19
Отец народа.....	22
Конец эпохи.....	24
Гагарин.....	26
Макулатура и металлолом.....	27
Мир чернильных традиций.....	29
Дядя с Кубы.....	31
Аэрофлот.....	33
Моряки не плачут.....	35
Первый шаг на корабль.....	37
Боль и мужество.....	39
Уроки метрдателей.....	41
«Оморачивание».....	43
Касатонов.....	47
Русский чай.....	49
Горшков и навигационные сумерки.....	51
«Красный Кавказ».....	53
Здание штаба флотилии.....	56
Тайна силикатного клея.....	58
Визит Горшкова.....	61

Свидетельство о Свете	63
Флот и «сухопутные»	64
Бегом – марш!	67
Мощь и бессилие	69
«Мертвые срама не имут»	72
Душа народа	74
Огурцы	76
Суть безбожной жизни	77
Суррогат Бога	79
Узаконенное убийство	82
Диктатура пролетариата	84
Страсти по «зубному»	85
Алкоголь и борьба	87
«Карточный домик»	89
Купить доцента	92
«Американская мечта»	94
«America first»	99
«Гудбай, Америка!»	101
Мир натуральных продуктов	103
И кое-что еще	105
Магическое слово «дефицит»	107
Обещание	109
Ходящие по морю	111
Мудрость вожака	114
Вероятный противник	117
Полный контакт	121
Семья народов	125
Пятый пункт	127
Фобии и травмы	128
Лихие девяностые	130
На пороге XXI века	132
Краткая биографическая справка	136
Сведения о написанных и изданных книгах:	139
Сборники Феодоритовских чтений:	141

Епископ Митрофан (Баданин)

**МОЙ XX ВЕК.
О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ
Биографические очерки**

Редактор и корректор
Екатерина Соколова

Обложка
Ольга Колчина

Художественное оформление и верстка
Ольга Марусова

Подписано в печать 17.07.2019. Формат 70x100/16. Печ. л. 9
Тираж 1000 экз.

Издательство Мурманской епархии, «Ладан»
www.LadanSPb.ru

Выбрать книги, издающиеся в Мурманской епархии,
можно на официальном сайте
<http://mmparh.cerkov.ru>

Заказ на книги отправлять по электронному адресу:
kerathia_murmansk@mail.ru
или на почтовый адрес:

183010, Мурманск, ул. Зеленая, д. 11; тел. 8-815-25-97-61
В свободной продаже книги во всех церковных лавках Мурманской
и Североморской епархий и в книжном магазине «Глобус»,
Театральный бульвар, д. 8.